
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Тютюнник

(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

НА ТЕРРИКОНЕ

Родился в Белгородской области, в шестилетнем возрасте переехал с родителями в Донбасс, где в молодые годы отработал 17 лет под землей. Позже много лет отдал журналистике и литературе. Член Союза писателей СССР с 1988 года, автор более тридцати книг поэзии и прозы, которые отмечены многими литературными премиями.

1

У Сереги Фомина вся его жизнь связана с терриконом, с этим непременным атрибутом донбасского пейзажа. Чуть ли не сотню лет вывозили сюда из шахты в специальных вагонетках пустую породу, и высыпали в одном месте, пока не образовался бугорок, а затем и небольшая гора, все выше и выше уходящая в задымленное донецкое небо.

Поднимался террикон, поднимались по его склону рельсы узкоколейки, вверху которой находилось горизонтально установленное колесо, где ходил крепкий канат, поднималась по этому канату вагонетка. И, взобравшись на самую вершину, открывала борта, выбрасывая по склонам загруженную породу. Куски помельче задерживались еще наверху, крупные же, подсакивая и кувыркаясь в воздухе, способны были долететь до самого подножия террикона, а то и дальше, прокатившись по голой, выбитой камнями земле.

Здесь, среди побитых листьев лопуха и других сорных растений, и замирали, чтобы со временем, под воздействием солнца, снега и дождей, потерять свою крепость и начать распадаться.

Сам же террикон никогда не утрачивал своей стройности, напоминая своей острой вершиной египетские пирамиды, пока людям не становилось в тягость обслуживать такую высокую машину и они оставляли его, закладывая, как говорится, новый. Закладывали тут же, рядом, и младший братишка высокого красавца подрастал, прижимаясь к старшему, который по возрасту годился ему в прадедушки.

Оставшись не у дел, старый террикон начинал мало-помалу разъезжаться, утрачивать свою угловатость, словно опускал плечи. Точь-в-точь, как вышедший на пенсию шахтер, организм которого привык к постоянным физическим нагрузкам. Разъ-

езжался, вроде бы даже становясь ниже ростом, но по-прежнему курил после дождя синеватым и не очень приятным газом.

Сергея Фомин и вырос, и всю жизнь прожил недалеко от шахты, в сотне метров от ее терриконов. Его дед, высокий, сгорбленный шахтой старик, на склоне лет работал терриконщиком, обязанностью которого было следить за рабочим состоянием узкоколейки, а может, и что-то другое. Но мальчишкам, которых всегда влекла к себе высокая заманчивая гора, казалось, что старик только тем и занимался, что следил за ними, чтобы обругать, напугать и шугануть от этого места. Они со смехом, с криком и воплями скатывались по склонам вниз и, выкрикивая в адрес старика обидные слова, бежали прочь, хотя отлично знали, что никто за ними не побежит, а если и побежит, то не догонит. Сергей обижался за деда и лез в драку.

Да, давненько это было, давненько. Теперь он и сам считай дед и тоже работает на терриконе. Только не терриконщиком. Несколько лет назад в городе было создано управление по рекультивации и озеленению породных отвалов, как по документам называются все те же терриконы, и Сергею предложили одну не пыльную, как для бывшего горняка, должность. Теперь и Сергей, как некогда его дед, ежедневно взбирается на отработанный террикон, вершину которого давно подрезал неугомонный бульдозер, открывает построенную там кладовую, где находится рабочий инструмент — топоры, ведра, носилки, лопаты, заступы, с помощью которых бригада озеленителей долбит в слежавшейся породе широкие лунки, заполняет их мягкой землицей. И, предварительно залив водой, высаживает туда саженцы различных деревьев, которые превратят старый террикон в настоящую зеленую гору. Высаживают под присмотром специалистов, своеобразными террасами, вдоль пробитых дорожек, которые спиралью выходят на самый верх.

Поднимаясь сюда, Сергей всегда ищет взглядом свой дом, выстроенный им на месте дедовской хатенки. Находит и по-мальчишески любит его, нередко вспоминая свое детство. Террикон и сейчас высок, а тогда вообще казался заоблачным. И какой же удалью, ловкостью и смелостью считалось тогда среди ребятни его «покорение»! Кто из поселковых сюда не взбирался, тот вообще считался размазней и нюней. Да таких среди шахтерской детворы, помнится, и не было.

2

Террикон — терриконом, но была у Сергея и настоящая страсть. Была и есть. И эта страсть — голуби!

Лет с пятнадцати держал он у себя этих величественных, красивых и удивляющих своей верностью птиц. Многие, по незнанию или поверив какому-то восторженному краснобаю, называют голубей самыми мирными из пернатых. Но он-то, Сергей, опытнейший и авторитетнейший голубятник, хорошо знал, что это далеко не так. А кто сомневается, тот пусть заведет у себя хотя бы две пары этих птиц и хорошенько понаблюдает за ними. (Так, не в пример собакам, мирными считаются и лошади. Но дед Сергея не раз рассказывал, как повздоровившие под землей кони начинали грызть друг друга, причем стараясь схватить соперника за самое больное и самое главное мужское место! Так и голуби — мирные и спокойные до определенного момента).

Как настоящий голубятник, Сергей держал и держит только «летных» птиц, с насмешкою отвергая высокоскоростных почтарей, которых в Донбассе именуют джебарами или труболетами. Он только головой качает, наблюдая, как стайка труболетов стремительно, словно боевые штурмовики, несется чуть повыше крыш, едва не задевая печные трубы. Ну, что это за птицы?! Что это за голуби?! Так ведь могут носиться и воробьи! И радостно представляет, как сегодня к нему наведаются друзья-голубятники, которым он пообещал показать новую пару.

Один уже показался. Идет, задрал вверх голову. Верная примета голубятника.

— Привет!

— Привет!

— Ну, что ты — еще не выпускал?

— Да вот, открываю...

Сергея не спеша направляется к голубятне, ловко крутит ключ винтового замка. Голубятня почти рядом с домом и всю ночь освещена, но нужно запереть — от греха подальше. Точнее — от разных воришек. Все ведь знают, что у Сереги редкие по своим летным качествам птицы. Их на любом птичьем рынке голубятники с руками оторвут.

Отворив птичий домик, Сергей ловко ловит нужного голубя и, аккуратно держа его в руках головкой к себе, направляется к воротам, за которыми стоят уже трое его приятелей.

— Ну, покажи, покажи,— нарочито весело подгоняют они Сергея.

Сергея привычно помахивает голубем, наблюдая, как пернатый красавец распушает хвост, затем, удерживая птицу одной рукой, другой легонько тянет ее за клюв. Это у Сереги неприменный ритуал, и голуби воспринимают такие действия хозяина как особую ласку. Голубь дергает головкой, с нетерпением поглядывая на небо. Сергей делает легкий взмах рукой и птица с легким свистом поднимается вверх. Нет, это не труболет, не джебарь! Этот красавец, почти не совершая кругов, непонятным образом поднимается все выше и выше, выше и выше...

Стоящие внизу голубятники с легкой завистью и профессиональным восторгом наблюдают за птицей, втайне надеясь, что голубь вот-вот остановится, зависнет, но тот не останавливается и как бы назло всем продолжает набирать высоту.

Не может оторвать от него глаз и Сергей, наполняясь настоящей гордостью. Отрывает только на миг, чтобы оглянуться вокруг. В такие минуты ему всегда кажется, что за полетом его птицы наблюдает сейчас весь поселок, все его жители, включая малышня и старых бабок. Да и как можно не залюбоваться такой красотой, таким восхитительным зрелищем!

Голубь наконец-то остановился, практически над тем местом, откуда взлетел, и стоит, не отходя в сторону ни на метр! Стоит, и энергично, без усталости, машет почти незаметными снизу крыльями.

Теперь рассмотреть его могут только специалисты, только опытные голубятники. Случайный прохожий ни за что не определит его окраску и уж тем более — самец это или самочка.

Парни молча смотрят вверх, затем смущенно переглядываются и опускают глаза. Что ж, Сергей мужик твердый, он никаких денег на голубей не жалеет. И не обращает внимания на вопли жены. Как-то на свадьбе у соседей мужики решили его подзадорить.

— Ну, и что ты — даже на машину пару своих голубей не променяешь? Даже на «Волгу»?!

Сергея, слегка подвыпивший, начал злиться.

— Да хоть на «ЗиМ»! (Была когда-то такая правительственная машина завода имени Молотова).

— А вот если бы... слышь, Сергей! А вот если бы поставили условие: или голубей заберем, или жену?

— Да заведи ты ее хоть сейчас!..

Некоторые в искренность Фомина не верили. Думали, что прикидывается. Верили только голубятники, которые вечно толпились возле его дома. Временами ходил по гостям и Сергей, хотя знал, что таких голубей, как у него, не было и нет ни у кого.

Голубь продолжает стоять, купаясь в прозрачном утреннем воздухе, и явно чего-

то ждет. Серега, важничая, снова направляется к голубятне, выносит оттуда подругу этого пернатого артиста. Не выпускает, не подбрасывает, только держит ее на вытянутой руке. И — оп-ля-я! Танцующий голубь на миг замирает и начинает мягкими нырками спускаться вниз. Нырнет — и замедлит, нырнет — и замедлит... Словно идущий на посадку самолет, то и дело попадающий в воздушные «ямы».

Парни не выдерживают, смеются и, тая вздохи, закуривают.

Серега не выдерживает и подбрасывает голубку вверх. И птичья пара, чуть ли не целуясь в воздухе, снова устремляется в высоту...

3

Серега знал, что у многих людей далеко не почтительное отношение к голубятникам. Ну, разве может серьезный человек до старости гонять этих птиц и всю жизнь ходить по улице с задранной вверх головой! Разве может, завидев в вышине какого-то там «чужака», сломя голову и не глядя себе под ноги, бежать к своей голубятне, поднимать свистом своих пернатых в небо, чтобы те завлекли чужого в свою голубятню! Мальчишество — да и только! Мальчишество и глупость!

Бегал и Серега, бегал и поднимал своих голубей и не раз заманивал к себе чужую птицу. Это нормально. У голубятников это не считается преступлением. Знал, что к вечеру к нему пожалует хозяин пойманного голубя, начнет договариваться о выкупе. Серега не жадный, ему много не надо. Здесь ведь чисто спортивный интерес.

— Беги за бутылкой!

Пока парень бегал, Серега шел в огород, срывал несколько зеленых огурчиков или помидор, выносил из летней кухни хлеб и соль. Сделку обмывали за калиткой, где стоял доминошный столик. Как правило, подсоединялись и другие мужики, допояняя стол и своей выпивкой, и своей закуской. Вот так и рождается праздник, который может затянуться до позднего вечера, до того часа, когда сами голуби, наверное, видят уже третьи сны. Если им, конечно, эти сны снятся.

Серега иногда задумывался: о чем вообще думают эти пернатые? Какие мысли витают в этих милостивых головках? То, что они умеют любить, ревновать и даже соперничать,— это бесспорно. Порой даже проявляют агрессию. Но... какое у них... видение мира, что ли?

Серега не считал себя слишком начитанным (да так оно и было), не умел грамотно изъясняться (да оно шахтеру и голубятнику и ни к чему). Поэтому даже свой интерес не мог грамотно сформулировать. Но задумывался об этом часто.

А еще Серега был безбожником, не верил ни в силу небесную, ни в силу разных там бабок-гадалок. А вот в силу дурного глаза верил! Знал, что есть такие люди, которые могут запросто сглазить малых птенцов и те бедолаги не доживут и до вечера. Как оно так получается,— он тоже не мог понять. Но никогда не показывал едва вылупившихся птенцов людям, будь то голубятники или просто соседи. Вот подрастет малыш, наберется сил и тогда ему никакой дурной глаз не страшен!

Была у Сереги еще одна задумка. Признаться, не очень серьезная, даже мальчишеская. И возникла она у него в первый же день работы на терриконе. Опасаясь насмешек, Серега никогда не говорил о ней вслух, но мысли о задуманном все чаще и чаще приходили ему в голову. И так одолели мужика, что он не выдержал и решил: завтра выходной, людей на терриконе не будет... Беру!

4

Погода в воскресный день выдалась чудесной: голубое чистое небо, лишь в стороне подбеленное курчавыми облаками, и тихо вокруг, ни ветерка. Самое расчудес-

ное время года, с богатыми садами и огородами, на которых, впрочем, в эти дни предостаточно работы.

— Куда ты? — настороженно спросила Серегу жена, наблюдая за его сборами.

— На террикон схожу, — не особо задумываясь, ответил Серега, проверяя карманы своей куртки.

— А что там тебе сегодня делать? Выходной! Аджику будем сейчас закрывать.

— Вернусь — закроем. Я не долго. Боюсь, что кладовую не запер...

— Кладовую он не запер!! О чем ты только думаешь!

Серега не стал продолжать разговор, чтобы он не перешел в перепалку, от которой не далеко и до скандала. Не хотелось портить себе настроение. Он ведь давно ожидал этого дня.

Выйдя во двор, он завернул к голубятне, подманил к себе своего лучшего сизаря, взял его в руки, привычно укладывая голубю роскошные крылья. И спрятал птицу за пазухой.

Голуб не противился, всецело доверяя своему хозяину. Несут куда-то? Значит, так нужно. Тихонько сидел, почти не шевелясь и не произнося ни звука. Серега, в свою очередь, с удовольствием ощущал у сердца живой щекотливый комок, который сейчас должен показать настоящий класс, какой не под силу ни одному другому голубю. Надо только подняться вверх, на террикон, с которого хорошо просматривается не только их поселок, но и вся западная часть города. Как он все-таки хорош, их шахтерский городок, в эти последние летние деньки, весь в густой зелени, среди которой ярко выделяются желтые участки цветущих подсолнухов!

На равнине Серега вроде бы не страдал от запыленности легких, но возраст — есть возраст: подниматься вверх было трудно, не хватало воздуха, ощутимыми толчками билось сердце, словно просилось наружу. Видно, почувствовал это, начал волноваться и голубь, щекотливо царапая Серегину грудь своим клювом. Серега приостановился, потрогал его рукой. Посиди, посиди, сейчас дадим тебе волю.

Выбравшись наверх, Серега прошел к своей кладовой, вынул из кармана ключи. В кладовой ему, конечно, ничего не нужно, но открыть — откроет. Будто и впрямь явился сюда по каким-то производственным делам.

Но, открыв и сняв замок, не задержался у кладовой и на минуту: пошел к северному склону террикона, с которого как раз и виден его, Серегин, дом. Свежий человек наверняка не сразу бы разобрался в буйстве зелени лежащих где-то внизу садов, не сразу бы определил очертания улиц, но Серега давно набил глаз и мигом разглядел и свою улицу, и свой двор, и свой дом под шиферной крышей. Да и кто бы не распознал с в о е!

От чего-то волнуясь, вытащил голубя, ласково подергал его за клюв, помахал в руках, расправляя птице роскошный хвост.

— Ну, что, миленький, — ласково заговорил он, поднеся голубя к своему лицу, — покажем класс? Давай!

Подкинув птицу, не сдержался, захлопал в ладоши, даже протяжно и по-разбойничьи троекратно свистнул, как в наше время умеют свистеть только голубятники. Но голубь и без того понимал хозяина, а главное — хорошо знал свое дело. Он, как и раньше, почти не делал кругов, только усиленно махал крыльями, все выше и выше поднимаясь в синеющие небо, на фоне которого Серега различит его на любой высоте.

Пока поднимался, пока не замер светлой точкой, Серега не мог оторвать от голубя глаз. Теперь же оглянулся по сторонам, словно надеясь увидеть хоть одного свидетеля его долгожданного триумфа. Но свидетелей не было. И вряд ли кто из поселковых заметил высоко стоящего над терриконом голубя. Чтобы это заметить, нужно быть голубятником. А кроме Сереги, голубятников в поселке нет.

Сергея чувствовал в душе теплое и радостное томление. Ну, вот, наконец-то свершил давно задуманное. Чья птица сможет теперь соперничать с этим его красавцем? Нет такой птицы. Ни у кого нет.

А голубь продолжал стоять в вышине, и, вероятно, тоже гордился и собой, и своим сметливым хозяином, который додумался до такого эксперимента. Долго стоял, совершенно не ощущая усталости.

Тем временем подул ветерок, пригнал со стороны стада низких барашковых облаков. И на их фоне сизарь Сереги исчез из виду. А может, птица уже была за облаками? Серега по-настоящему испугался, как никогда и ничего не боялся даже под землей, и начал отчаянно свистеть. Свистел на все лады и на все переливы, свистел, не уставая, делая лишь секундную передышку, чтобы схватить побольше воздуха. Но было поздно: облака все шли и шли, и Серега лишь мельком видел в просветах между белой пеленой своего любимца. И снова свистел, подавая знак спускаться.

Но голубь, если и слышал, то мог понять эти свистки по-своему. Дескать, держись, брат, покажи им всем, как умеют летать и как умеют стоять в немыслимой вышине настоящие голуби! Ведь приглашая его спуститься, хозяин всегда выносил голубку. А где она сейчас, его голубка? Не видать!

Сергея метался и уже не свистел, а материл себя последними словами! Теперь ему было пофиг, что кто-то прослышит о его мальчишеской проделке, о желании переплюнуть всех голубятников, что побудило его поднять лучшего своего голубя в небо над высоким терриконом. Пусть насмешничают, даже ему в глаза. Плевать! Лишь бы сейчас голубя не отнесло ветром, как это иногда случается. Лишь бы благополучно сел, если не здесь, то хотя бы в стороне. Лишь бы не попал в зубы бездомных котов или собак. Серега этого не переживет!

От перенапряжения у него заболели и начали слезиться глаза. И пару раз показалось, что голубь приспустился и пошел на снижение в сторону дома. То ли показалось, то ли вправду так было — Серега уже не осознавал. Даже толком не понимал — почему у него текут слезы.

Наконец, не выдержав, заторопился вниз, совершенно не беспокоясь о раскрытой кладовой. Кому они нужны, эти лопаты и ведра! А если и украдут, то хрен с ними! И с этой работой!

Спустившись вниз, заторопился по улице. Кого-то встретил, с кем-то не поздоровался... Залетев во двор, оставил открытой калитку и помчался к голубятне.

Мама родная, сизый красавец и гордость всей его стаи уже был дома и, собрав вокруг себя остальных голубей, задорно ворковал, восторженно рассказывая своим собратьям о невиданной высоте, на которой ему довелось сегодня побывать. Он так увлекся, что не заметил и хозяина, который даже не присел, а обессиленно упал на стоящую рядом лавчонку.

Вышла жена, раздраженно спросила:

— Так ты собираешься сегодня закрывать аджику?!

— Конечно, милашечка моя! — неожиданно для самого себя, живо откликнулся

Сергея. — Сейчас вот, погоди минуту...

Жена присмотрелась к нему, решив, что Серега уже успел где-то тяпнуть. И, махнув рукой, пошла в летнюю кухню.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ОТКРЫТО-ЗАПЕРТЫЙ СЕЙФ

Наш постоянный автор.

Все беды в России — от бедности. В ней же крылась и причина расположения Свердловского районного суда города Н-ва не в отдельном здании, а на первом этаже многоквартирного дома. Атипичная реалья, конечно. Никак уж не эталонный вариант бытия карательной структуры.

Впрочем, какого рожна? Жильцам-то по любому счету было наплевать, что за баталии уголовного или гражданского характера разыгрываются под ними. Равно и людей в судейских мантиях нимало не тревожили всяческие бытовые разборки «наверху».

И все-таки единожды интересы служителей Фемиды пришли в явное противоречие с деяниями незванного правоведами гостя.

Тем январским вечером хронический алкоголик Леха Ветлушкин, умудренный сорока четырьмя прожитыми годами и четырьмя судимостями, пировал на кухне у Толюхи Крюксина. В совмещавшем учрежденческий и жилищный статусы доме кореш владел убитой «двушкой».

Временно безработным приятелям — а подобные явления упорно стремятся к постоянству — подфартило срубить денегат. И весьма прилично, по меркам уцепившихся за хвост удачи. Посему разгульная пьянка затянута вплоть до «выжимания» опустошенных бутылок над стаканом.

Наконец Толюха с трудом растолковал Лехе, что пора бы уж и честь знать. Дружок отнюдь не возражал: напялил куртку из кожзаменителя и вязаную шапочку с рельефным узором, обернул вокруг тощей шеи почти протершийся на сгибе шарф и шагнул в темень подъезда. Лифт не работал, так что весь путь до первого этажа «хроник» преодолел на полусогнутых, страхуясь за перила.

Пробредая мимо помпезно оформленного подъезда, Ветлушкин, на свою беду, заинтересовался внушительной учрежденческой доской:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РФ
СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СУД
города Н-ва

Прочсть крупный, бронзовой краской писанный на стекле текст алкоголик еще сумел и тут же воспыпал к начертанному праведным гневом. Дело в том, что по своей судьбе Леха принадлежал к категории воров-неудачников. На тех же кражах несколько раз попадался с поличным. То у выходных дверей обобранного жилья, сгибаясь под тяжестью баулов с облюбованным добром, столкнулся с хозяином квартиры, в прошлом борцом-тяжеловесом. То, уже при попытке сбыть на барахолке краденую одежку и постельное белье, напоролся на хозяйку носильных и «спальных» вещей. Признавшая их женщина враз подняла такой визг, что к месту невероятной

встречи за пять секунд сбежались трое милиционеров. То, удачно подтиббив на пляже элитные часы на цепочке и желая «натуралкой» погасить давний должок, явился с ними к авторитетному Петлюре. Тот добычу заценил, усек гравировку на откидной крышке... «Глаза разуй! Ну ты и накосорезил! Крысятник!» Леха не сразу и врубился, за что столь конкретный наезд. А оказалось — хронометр-то он цапнул у двоюродного брата положенца.

Отбитые почки — это, конечно, не зона, но о себе напоминают чрезвычайно долго.

Пытаясь угнать спортивный велосипед, Ветлушкин от места его парковки тоже далеко не уехал: штанина расклеванных брюк почти сразу угодила в цепь, и Леха завалился на асфальт, в кровь обдирая ладони. Подскочивший хозяин байка сначала отвел душу, щедро наkostenяв беспомощному вору, и лишь только затем вызвал правоохранителей.

Про четвертую судимость, «хулиганку», и вообще вспоминать стыдно.

Однажды среди лета и бела дня в усмерть упившийся Ветлушкин малой скоростью передвигался мимо уличного фонтана. И вдруг вообразил, что попал в баню. Растелешился, залез в воду. А когда подъехавший наряд милиции под смех толпы зевая, сняв форменную обувь и подсушив брючины, стал выводить Леху на сушу, тот, опираясь, громко потребовал, чтобы ему «потерли спинку».

Ее и потерли... Резиновым «демократизатором».

После эксцентричного принародного купанья законная супруга горе-литроболящика бесповоротно подала на развод...

И всякий раз степень вины Ветлушкина определял Свердловский районный суд.

Итак, Леха резко воспылал желанием поквитаться за прошедшие в местах отдаленных лучшие годы загубленной жизни и бесстрашно пошел на приступ учрежденческой двери. Несколько раз треснув по ней кулаками, сообразил, что так цели добьется навряд ли, и стал лупить по доскам «бэушными», но еще крепкими лыжными ботинками. Для разнообразия толкался в неодушевленного врага с разбега — плечом и без разбега — задом... Не в силах противостоять столь решительному натиску, хлипковатая дверь распахнулась: язычок английского замка с хрустом выскочил из разламываемого гнезда.

Ветлушкин ввалился в пустой коридор, задергал дверные ручки: кругом заперто. Тогда Леха предпринял новую кулачно-ботиночную атаку, теперь на судейский кабинет. Справившись еще с одной деревянной преградой, проник в комнату, интуитивно сообразил, где искать выключатель...

Какой, однако, яркий свет! Что ж — приступаем к святому делу: возмездно.

Для почина мститель хрястнул об стену вычурную настольную лампу. Сорвал со стены картину под стеклом, с силой швырнул на пол, осколки давил ногами. Яростно разодрал в клочья перекидной календарь. Плюнул в мельхиоровую пепельницу, помочился в пластиковую урну с педальной крышкой. Подфутболив ее, принялся молотить о двухтумбовый стол мягким стулом. «Сиделка» долго не поддавалась, Ветлушкин порядком употел, однако ж венскую мебель сокрушил. Крякнув, завалил набок тяжелый «двухтумбовик». Напился из графина, стоявшего на звероподобном черном сейфе, и об него же расколошматил хрустальный сосуд.

Тут карательный порыв внезапно иссяк, и погромщик залег на перекур с дремотой, намереваясь, отоспавшись, продолжить вершение справедливости.

Леха храпел на полу, подсунув под голову выдранное из стула мягкое сиденье. Буйствуя, он, на удивление, так и не заметил, что дверца у массивного сейфа слегка приоткрыта...

Именно к этому времени пожилая сторожиха суда, проживавшая все в том же «совмещенном» доме, окончила плотный ужин — питаться она, в нарушение инст-

рукции, запрещавшей покидать охраняемый объект, предпочитала в более комфортных условиях собственной квартиры — и приготовилась обозначать службу дальше, сиречь спать в подсобке.

Обнаружив раскуроченный вход, женщина быстрехонько возвратилась на родную жилплощадь, заперлась на все замки, решительно сообщила о взломе по телефону 02 и больше из квартиры носа не высунула, пока к зданию суда не подъехал «уазик» со следственно-оперативной группой.

Сотрудники милиции сразу обнаружили то, что, собственно, и должны были обнаружить: взломанные двери, красноречивые следы вендетты, сладко спящего на полу умаявшегося Ветлушкина и незапертый сейф, наполовину заполненный стандартными папками с материалами гражданских дел.

Задержанного отвезли на освидетельствование в наркодиспансер, где врач констатировал сильную степень алкогольного опьянения клиента. А на место ЧП срочно вызвали председателя потерпевшего суда...

Уголовное дело о хулиганстве с проникновением поручили вести молодому следователю, лейтенанту юстиции Юрию Шеленкову. Изучив первоначальные материалы, офицер поехал в изолятор временного содержания (ИВС), где вот уже сутки томился, искренне недоумевая, как это он столь замысловато фраернулся, протрезвевший Ветлушкин.

...Конвоир ввел Леху в комнату для допросов.

— Здравствуйте. Присаживайтесь,— указал Шеленков подозреваемому на стул.— Начнем с анкетных данных. Родился... Учился... Работал... Судимости... Однако, целых четыре. Не многовато ли?

— Да все по пьянке, начальник,— плутовато заюзил и залезбил Ветлушкин.— Все зелье пррроклятое! До скольких разов зарекался: знай меру! Голый вассер!

— Так и в этот раз — тоже она виновата?

— Зубом отвечаю...— забожился пасынок судьбы.— Через нее и сгорел.

— Понятно. Адвоката нанимать будете?

— На фига? Ведь один хрен — на раз намотаете.

— Эвентуально,— подтвердил Шеленков. Но, поняв, что подследственный «не догоняет», перефразировал: — По всей вероятности.— И официально довел: — Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации «Хулиганство», часть первая.

— Нет проблем,— хмыкнув, с долей форса изрек Леха.

— Это пока нет, а скоро точно появятся,— не удержался от сарказма Юрий.

— Дело швах,— поспешил перестроиться Ветлушкин на минорный лад.

Следователь сделал паузу, что-то отчеркнул в записях и потребовал:

— Ну, давайте, колитесь, как дошли до жизни эдакой.

— Да какой тут базар,— нехотя начал исповедь дебошир.— Срубил я с Крюком — это Крюксин Толик, мы с ним на вась-вась — капусты. Забухали у него дома козырно, поймали кайф. Ужалились вдогонку — опять зацепило. Передохнули, еще вмазались... Тут водяре и кранты, отгужевались мальчишечки. Ну, я до своей берлоги и почапал. А дальше, в натуре, непонятка. Ломился куда-то в умате, чего-то курочил. Очнулся — песок, уже в гадюшнике чалюсь.

— Однако интересно получается! — хмыкнул Шеленков.— Ну, прямо как в «Бриллиантовой руке»: шел по улице, потерял сознание, очнулся... Только не в гипсе, а в ИВС... Что, последнюю память отшибло, забыл, как сейф вскрывал? — резко переменял следователь тон разговора, перейдя на «ты».

— Не-е, начальник, ты мне чужое не клей! — всполошился Леха.— Такой прицеп на себя брать! Я на медвежатника не обучался! Опять же и струмент здесь нужен хитрый, простой фомич не пляшет, и ласты ловкие...

— А ты потерей памяти не страдаешь? — предположил Юрий.— Может, на обследование в «дурку» направить?

— Начальник, сука буду, я нормальный,— быстро ответил Ветлушкин, молитвенно сложив на груди руки.

— Нормальный...— с сомнением повторил следователь.— То в фонтан голяком, теперь в суд вломяком. Вот объясни, чего ты там забыл?

— Сказал же: по пьяни вальты накрыли,— угрюмо проворчал Леха.— Но медведя раскоцал точно не я, мамой клянусь...

Шеленков и сам прекрасно понимал, что лузер, который не смог даже велосипед угнать, навряд ли в состоянии вскрыть монументальный, чуть ли не дореволюционный сейф голыми руками. Да и зачем бы это ему? Тем более на поверку гражданские дела оказались нетронуты, не было и следов «пальчиков» подозреваемого на дверце и замке и на папках с делами. Однако две вышибленные двери и кавардак в кабинете судьи красноречиво свидетельствовали о недружелюбных намерениях поздневечернего визитера.

...Задав ему еще несколько вопросов, Юрий на прощание пообещал:

— Трое суток попаришься, может, до суда и отпустим. Под подписку о невыезде.

— Благодарствую, благодарствую, начальник! — обрадовано зачастил Леха, демонстрируя отвратную улыбку: растерял по зонам большую часть зубов...

Шеленков возвратился в райотдел, в свой кабинет. Только было собрался просмотреть документы по другому делу, как дверь без стука отворилась и на пороге возник розовощекий мужчина лет сорока. В двубортном французском костюме, в красном галстуке с серебряным отливом, в лакированных штиблетах и с кожаной сумочкой, которую в народе малоприлично величают педерасткой.

— Юрий Сергеевич? — напористо поинтересовался розовощекий.

— Предположим...— ответил следователь.— С кем имею честь?

— Дрыгин, Серафим Серафимович, судья третьего класса,— представился гость и, не дожидаясь приглашения, грузно опустился на стул.— Вот... прошу любить и жаловать...

Жестом фокусника он извлек из сумочки визитку, протянул ее Юрию.

Карточка оказалась чрезвычайно впечатляющей. С золотым тиснением-рамочкой. С цветной печатью и цветным же фото владельца. С английским текстом на оборотной стороне. С ламинированным покрытием. А помимо домашнего и служебного телефонов на ней еще красовались номера мобильного и даже дачного аппарата.

«Баксов на пять тянет,— прикинул на глаз Юрий.— Однако и доходы у судьи третьего класса...» Вслух же сказал:

— Любить я вообще-то предпочитаю женщин. Так что вас остается только жаловать.

— Кстати,— почти не слушая офицера, тараторил Дрыгин,— не поверите: никогда в жизни еще не бывал в качестве свидетеля...

— Ну так что ж. Как говорится, от тюрьмы да от сумы...— счел возможным еще раз пошутить следователь, который теперь вспомнил, что фамилия Серафима Серафимовича проходит по делу Ветлушкина: бесчинствовал тот именно в его кабинете.

Шеленков придвинул к себе чистый бланк допроса.

— Предупреждаю об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных. Распишитесь.

Серафим Серафимович понимающе кивнул, извлек из кармана толстенную многоцветную ручку и поставил королевскую подпись с кучей вензелей.

— Давно в должности? — поинтересовался следователь.

— М-м-м... Шестнадцатый год,— припомнил судья.

— Расскажите, когда вы, в день незаконного проникновения в ваш служебный кабинет, покинули рабочее место? И каким образом вообще узнали об обстоятельствах совершения преступления?

— Все просто,— приосанился Серафим Серафимович.— В тот день у меня заседаний не было — изучал вновь поступившие дела. Кстати, я специализируюсь по гражданскому праву: разводы, разделы имущества, признание сделок недействительными. Так что если вдруг помощь по этой части потребуется...— И приглашающе развел руками: — Милости прошу. Ладно... Точно в восемнадцать ноль-ноль сложил документы в сейф, запер его, опечатал и — домой. Там как раз маленький семейный банкет намечался...

Тут Дрыгин маслено улыбнулся и блаженно прищурил и без того узкие поросычьи глазки.

— А дальше? — прервал приятные воспоминания следователь.

— Известное дело,— продолжил рассказчик, неохотно переходя от воображаемых чревоугодных картин к реалиям опроса.— Отпраздновали... На часах уж полночь, отдыхаем — и вдруг телефон прямо надрывается. Кто бы? Оказывается, сам председатель суда на проводе! Ноги в руки, говорит, и быстро ко мне, а я уже в твоём кабинете стою. Тут какой-то бандюга все двери повышибал и сейф вскрыл. Ваши коллеги, правда, без огрехов сработали,— польстил Серафим Серафимович сотруднику милиции,— задержали этого идиота с поличным. Что ж, делать нечего, завел машину — у меня БМВ, по случаю удачно прикупил... Приезжаю: мать честная! Сплошной разгром... Стол штучной работы на боку, лампа настольная — редкой красоты, доложу, была, антиквариат,— изуродована безнадежно, графин хрустальный вдребезги, стул венский на дрова раскурочен...— Судья обреченно махнул рукой.— Словом, варвар. Но главная беда: сейф вскрыт, да так искусно, ни грамма не покорежен. Только и радуется, что все дела на месте оказались, я ведь каждую страничку потом пролистал... Вот, собственно, и все, что имею изложить.

— Детали точно помните? Ничего не забыли?

— Обижаете. Как говорится, не первый год замужем,— заявил Дрыгин и фатовато вскинул начинающую лысеть голову.

— А вот обвиняемый утверждает, что к сейфу не притрагивался...

— Ну вот, нашли кому верить! — с обидой воскликнул Серафим Серафимович.— Да на нем пробы ставить негде! Четыре судимости! Это он из личной мести, а документы просто украсть не успел.

— Не понял... Так вы что, знакомы были раньше?

— Без сомнения,— торжествующе подтвердил судья.— Я его с женой разводил. Лет пять назад. Во-он как долго он зло-то в себе таил.

— Поворот, конечно, интересный,— весьма удивился следователь.— Хотя с чего бы это вдруг он лично вам и аж через целую «пяtilетку» мстить решил? Да еще столь специфически. Ну, я бы понял, если б он бывшей супруге при встрече чекуху выписал. Чужая семья — потемки,— перефразировал он старинную поговорку.

— Вот вы у него сами и осведомитесь,— посоветовал Дрыгин.— Заодно потом и меня проинформируете.

— Ладно,— согласился Юрий.— Не есть проблема. Но проблема есть: как все-таки задержанный умудрился открыть сейф? Инструментов специальных при нем не обнаружили, да и шнифер из него никакой — так, шелупень прилагательная...

— А это уже ваша обязанность: расследовать и доказать, что и как,— назидательно воздел палец к потолку опрашиваемый.— Да вы его, может, защищаете или как?

— Отнюдь. Просто выяснить кое-что хочу... Ну а не могло быть так, например, что, уходя после работы, вы просто забыли сейф запереть?

— Мне это даже слышать больно! — не на шутку оскорбился Серафим Серафимович.— Запомните: мотив личной мести налицо. Я так прямо вашему начальнику райотдела и подсказал.

«Понятно, откуда ветер дует»,— подумал Шеленков и предложил:

— А давайте мы назначим трасологию по сейфовому замку. И сразу станет ясно и понятно.

— Ерундой занимаетесь, молодой человек,— голосом, зачитывающим решение о высшей мере наказания, произнес судья.— Пустопорожним делом...

Но следователь таки решил и поступил по-своему...

Через неделю Дрыгин вновь объявился в кабинете Шеленкова. Тот поинтересовался у Серафима Серафимовича:

— Вы же сами юридический факультет заканчивали?

— И что из того? Конечно... Заочно.

— Суть трасологической экспертизы представляете?

— Смутно,— честно признался Дрыгин.— Курсовую по криминалистике мне написать помогли, а как предмет сдал — с глаз долой, из сердца вон. Не мой профиль. Да и в чем проблема-то?

Следователь хмыкнул, сильно удивляясь, что познания судьи с пятнадцатилетним стажем работы в области криминалистики почти равны нулю, и придвинул Серафиму Серафимовичу заключение экспертизы.

— Смотрите: среди вопросов, поставленных эксперту: «Имеются ли на механизме замка следы воздействия посторонними предметами, если имеются, то не отпирался ли замок с их помощью?»

— Вижу, не слепой,— сердито высказался Дрыгин и с явным неудовольствием стал осмысливать документ.

«ИССЛЕДОВАНИЕ:

Представленный замок состоит из короба, лицевой планки, ригеля, 4-х сувальд и защелки. Крышка короба соединена с основанием при помощи винтов.

При визуальном осмотре замка микроскопом МБС-10 (увеличение до 24-х), следов воздействия посторонними предметами не обнаружено.

В процессе дальнейшего исследования в рассеянном и направленном освещении установлено, что поверхность боковых частей сувальд в местах контакта с выступами бороздок ключа имеет равномерные, дугообразные, блестящего цвета потертости, что объясняется длительной эксплуатацией замка.

Других следов воздействия на детали механизма не обнаружено.

Вышеописанное дает основание для вывода о том, что представленный на исследование замок исправен, механических повреждений не имеет...»

— Ну и что? — отложив бумагу, непонимающе уставился на следователя судья.

— Ну и как можно проникнуть в запертый сейф, не открывая его замок отмычкой? Или, может, в связи с личным знакомством с гражданином Ветлушкиным сами ему ключи на время передавали?

— Что вы за чушь городите? — раздраженно повысил голос Серафим Серафимович и покраснел.— Обвинять вздумали? Я, между прочим, в городе человек известный! И вашего начальника райотдела прекрасно знаю, и в прокуратуре многих, и в мэрии...

— Весьма признателен за сообщенные сведения,— слегка качнул головой Шеленков, провидя, что хлебнет еще горя с этим, так сказать, открыто-запертым сейфом, но продолжал настаивать: — И все же объясните, пожалуйста, суть волшебного

метода: не взрезаем стальных стен автогеном, не прикасаемся отмычкой к замку... Ключи, веря вашим словам, тоже исключаем. Чудеса, право...

— Никаких чудес,— более спокойно и совсем уж мрачно заявил судья.— Повторяю и настаиваю: сейф я запер, опечатал, ключей от него никому не передавал. Ваша же позиция выгораживания мерзавца-рецидивиста меня крайне возмущает, и я незамедлительно поставлю о ней в известность кого следует...

«Врет и еще угрожает»,— констатировал про себя Шеленков и подытожил:

— Это ваше право. Вот пропуск. Вы свободны. До следующей встречи...

Не прощаясь, Дрыгин насупленно-торжественно покинул кабинет. А Юрий, усевшись за компьютер, начал выпечатывать черновик текста представления в областную суд, где высказывал свои небеспочвенные сомнения по поводу искренности судьи третьего класса.

С начальником следственного отделения ОВД Шеленков — по молодости и самоуверенности — свои действия обсуждать и согласовывать нужным не счел. И совсем скоро полной мерой почувствовал прелести жесткого прессинга.

Первым на следователя «наехал» заместитель начальника ОВД по кадрам: придрался к «неуставной прическе», неопрятному — на взгляд подполковника — внешнему виду. И все энергично тыкал в наручные часы, указуя на двухминутное опоздание с обеда, хотя уйти на перерыв Юрию пришлось вообще на двадцать минут позже.

Полчаса спустя начальник криминальной милиции и вовсе уж беспричинно, нахрапом учинил лейтенанту юстиции жесткий разнос: «за полнейшее отсутствие взаимодействия с уголовным розыском, от чего крайне страдает показатель раскрываемости».

Еще чуть позднее молодого офицера срочно вызвали в городскую прокуратуру и долго «вливали» за давнее, когда-то просроченное уголовное дело.

Вернувшись «на землю», Юрий узнал, что его разыскивает начальник ОВД. В кабинет к нему Шеленкову велено было зайти вместе со своим непосредственным начальником, подполковником юстиции Акинфиевым, который по пути в приемную предупредил подчиненного: мол, готовься к торжественной порке. Но от подробностей — за что же именно — принципиально воздержался.

— А вот скажи-ка мне, лейтенант,— хмуро и неспешно начал полковник Ивакаев, не предлагая подчиненным офицерам присесть,— ты как считаешь: мне в этом кабинете в рабочее время действительно заняться нечем? И так день за днем — никаких проблем? Часами мучаюсь: «что бы такого сделать плохого?»

— Я вовсе так не думаю, товарищ полковник,— удивился, если не изумился Юрий столь бессмысленным риторическим вопросам.

— Тогда почему нормально работать мешаешь?

— В каком смысле?

— В прямом! — голос начальника райотдела постепенно набирал силу.— Ты из меня что, личного связиста сделать решил? Из городского УВД трезвонят, прокуратура до самых печенок достает, председатель районного суда предъявы кидает, районная администрация, городская мэрия — табуном обозначились! И даже ФСБ, хотя комитетчики-то до наших мелочей отродясь не опускались. А все по чьей-то гениальной идиотической милости! Да чего там мелочиться! Нынче твоя фамилия аж в самой столице известностью обросла! Поразительная популярность! Неслыханная! И всякому телефонящему, вплоть до куратора нашего областного УВД, я лично и подробно должен докладывать про неведомый мне гребаный сейф, откуда ровным счетом ничегошеньки не украли! С какой радости мне подобные закидоны? Подполковник, я вас спрашиваю: вы чем там, в следствии, на пару с этим дармоедом занимаетесь?

— Кхм... Товарищ полковник, но я ведь вам сегодня подробно докладывал...

— Толку-то с того? Приказываю немедля форсировать расследование! Перспектива означена. Действуйте! Срок — вчера! А этого бездельника немедленно наказать «строгачом» от моего имени! Объявляю! Все! Оба свободны!

Два взыскания за одни сутки! Просто выговор-то на Шеленкова главный кадровик раньше уже навесил за опоздание и несоблюдение формы одежды.

Юрий постарался было объясниться с Акинфиевым. Однако умудренный многолетней службой в погонной системе старший офицер сразу подковырнул его:

— Слушай, а чего это ты вдруг сейчас советовать надумал? Ведь когда по делу о проникновении трасологию назначал и следом представление в облсуд запуская, на их же собрата буром пер, мне и словечком не обмолвился. Скромняга, однако. Ты поговорку такую: «рука руку моет» — слышал? Логически-то помысли.

Шеленков напомнил о процессуальной независимости фигуры следователя. Упирали на подтверждение подозрений Дрыгина в неискренности и явном перекалывании им греха собственной забывчивости на чужие плечи.

— Я этого зарвавшегося алкаша вовсе не оправдываю, — отстаивал свою позицию Юрий. — Учинил погром — получи по полной программе. Но по закону. Однако ему из-за подставы жреца Фемиды еще года три тюряги накинута, если, как Ивакаев настаивает, дело с хулиганства на кражу со взломом переквалифицировать. Кстати: поясните, как потенциально закрепить это в документах? Фактические обстоятельства дела без изменений, логических ошибок в разграничении преступлений абсолютно не просматривается. Мотивировка переквалификации? Ведь точно установлено, что подследственный ничего не похищал. Так мне подтасовкой доказательств заниматься прикажете или как?

Начальник следствия Шеленкова слушал, хмуро сжав губы полоской. Потом нехотя разлепил их и озвучил собственную точку зрения:

— Поиски гармоничной жизненной справедливости всегда обоюдоостры. Уже ощутил? Цветочки пока... За все, «независимый» ты наш, всегда приходится платить. Вопрос лишь во времени — сию секунду либо через десятки лет. Тебе вот жребий скоротечный выпал. Еще учти: ты безнадежно не представляешь, на какой толщины дуб, на какого бронтозавра и многоглавого дракона замахнулся...

— Бронтозавра за дачу заведомо ложных показаний самого к уголовной ответственности привлечь надо, — неприязненно заявил молодой следователь.

— Ход твоих мыслей верен, — согласился подполковник. — Потому-то он теперь до конца на своей версии стоять и будет: закрыл, опечатал, ушел, а об ином не в курсе. За незапертый, пусть даже и с гражданскими делами, сейф тоже, знаешь ли, медальки не навесят. А вдобавок к нарушению режима хранения секретных документов еще и хомут ложных показаний на шею надевать? Даже не надейся.

— Да он и без того на него накинута, — возразил Шеленков. — И затаянут: заключение-то экспертизы в деле подшито...

— Ох, какой ты еще мальчишка! — рассерженно воскликнул Акинфиев. — Как подшили, так и разошьют. У тебя сейчас о другом голова должна болеть.

— ?..

— Как из грязной истории с наименьшей кровью выйти. Извини, скажу без экивоков: я тебе тут не помощник — до минимальной пенсии два года, как-то бы и дослужить желательно.

— Неужели все настолько плохо? — недоуменно развел руками Юрий. — Ну, кто он такой, Дрыгин? Всего-то лишь какой-то судья третьего класса...

— Всего-то... — самоуверенно-снисходительно выговорил начальник следствия. — Абсолютно ситуацией не владеешь. Главная соль в том, чей он зять.

— И чей же?

— А-а-а... Лучше и не ведай — крепче будешь спать. Так что давай, быстренько дело форсируй — и напрямиком в суд зашлем. С обновлением же фактических данных под основание для переквалификации тебе оперативно помогут. Улавливаешь? Да покумекай: нет ли варианта перевестись? Спокойно служить здесь — будь спокоен — тебе ординарно не дадут. Ясно? Тогда иди и жди.

Назавтра, прямо с утра, к лейтенанту юстиции примчался Серафим Серафимович, прямо-таки горевший желанием приобщить к делу дополнительные показания. Мол, из вскрытого Ветлушкиным сейфа в тот приснопамятный вечер исчезли фирменная зажигалка «Ронсон», цейсовские очки и японский диктофон.

— Почему же ни об одной из якобы пропавших после погрома вещей вы раньше даже не упоминали? — допытывался следователь, мигом просчитавший ход сценария дальнейших событий и уберегаясь подставиться под раздачу.— Ага, сначала напрочь запаматовали, а теперь, стало быть, воссоздали доподлинно-точно... Не подскажите ли еще, куда бы похищенному задеваться, если у подозреваемого в кармане даже вши на аркане не усмотрели?

— Упрятал. Умело. А куда именно — вы и ищите. Вам государство за это денежное довольствие начисляет. И весьма немалое,— гнул свое Дрыгин.

Нет, Шеленков так и не принял от негодующего судьи отдающей махровой липой бумаги. Удивительно, но отчего-то никто из руководства вовсе не стал из-за этого вызывать несговорчивого подчиненного «на ковер». Ларчик открылся просто: офицера стремительно оделили очередным измышленным взысканием.

Да какая разница, за что именно его вкатили? В данном случае суть оказалась не в наказании, а в его последствиях: отстранении сотрудника внутренних дел от должности, подготовке материалов на увольнение из органов и перераспределении всех уголовных дел, до того находившихся на исполнении Юрия, меж другими следователями.

В числе прочих у него изъяли и папку с пресловутым материалом о проникновении, откуда моментально испарилось то самое «неудобное» заключение трасологической экспертизы. Зато «пропажу» импортных вещичек из «вскрытого» сейфа законно оформили. Куда именно могли исчезнуть заявленные как украденные предметы, никого почему-то не заинтересовало.

Уголовное дело в пожарном порядке переквалифицировали, и обвинение Ветлушкину предъявили уже по статье Уголовного кодекса РФ 158 «Кража», «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище». А по части третьей этой статьи, под которую и угодил Леха, если преступление совершено «лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо вымогательство», наказание определяется от пяти до десяти лет.

«Мстителю» и впаяли восемь годков — с конфискацией имущества и возмещением причиненного храму правосудия ущерба.

Услышав приговор, горемыка забился в истерике. Рвал на себе рубаху и заходился в крике: «Псы вонючие! Не бомбил я этот говенный сейф!»

Но криком дело и кончилось, и пошел Леха по этапу — в который уж раз...

Шеленков же, после недолгого единоборства с кадровой службой, был катапультирован на гражданку. С формулировкой «по низким морально-боевым качествам, за систематические нарушения дисциплины и несоответствие занимаемой должности».

И был бы судья третьего класса Дрыгин вновь деятелен и всемерно доволен жизнью, однако в самом непродолжительном времени на голову его посыпались чуть ли не все мыслимые беды и невзгоды.

Сначала у юриста основательно обчистили многокомнатную квартиру, хотя уж ее-то он запирал всегда тщательно. Бесследно угнали тот самый новенький, «прикуп-

ленный по случаю», БМВ. Глубокой ночью дотла сгорела гордость Серафима Серафимовича — капитальная, с декоративными излишествами двухэтажная дача. Наконец, на него самого вечером в собственном подъезде напали какие-то извращенцы: измордовали, раздели донага и привязали к перилам. Примечательно, что ни стильного бумажника натуральной кожи, набитого всевозможной «капустой», ни изумительной красоты часов «Сейко», ни навороченного мобильного с уникальным дизайном отнюдь не похитили, да и модные предметы судейского туалета лишь разбросали по лестничной клетке.

На отчаянные вопли потерпевшего отреагировал кто-то из жильцов: не отпирая дверей, вызвал милицию.

Пока разбирались в ситуации, вершителю правосудия пришлось давать показания в костюме Адама. А уже следующим днем в сети Интернета, причем сразу на нескольких сайтах, было выложено прикольное видео с выставленным на позор, истошно орущим и бешено дергающимся в путах блюстителем законности.

Конфузный случай немало позабавил городскую элиту и напрочь подорвал внутри нее авторитет функционера-карателя. Когда про него теперь заходит разговор, кто-нибудь из собеседников не преминет уточнить: «Это который Дрыгин? Что в своем парадном стриптизером подрабатывал?»

Далее следует саркастический смех.

Компрометирующий ролик к тому же реально сузил Серафиму Серафимовичу поток клиентуры...

Вы спросите: а не стоял ли за всеми злоключениями судьи третьего класса некий бывший милицкий следователь? Сомнительно. Ведь Шеленков теперь — старший юрисконсульт дико процветающего акционерного общества, из самых крутых. Поговаривают, что «крыша» у этого АО — мощнейший преступный синдикат с забугорными связями. Ну да это еще вилами по воде писано.

А вор-неудачник Леха Ветлушкин до сих пор мотает свой по большей части облыжный срок...

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

НАШ СЫН И ВАШ БРАТ

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других. Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришелье, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко. Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Вечером, вернувшись с работы, Семен отмахнулся от мужиков, которые играли за столиком в домино, поздоровался с соседками, сидевшими на лавке возле подъезда, медленно поднялся по лестнице, открыл дверь, повесил авоську с пустой банкой на гвоздь в прихожей и молча стал разуваться.

— Сема,— вытирая руки, из кухни вышла жена и полотенчиком шлепнула сына, который подбежал и принялся тормошить отца.— Алешка, не мешай. Отстань от папки! Слышь, Сема,— опять сказала она, наблюдая, как муж медленно разулся, прошел в зал и уселся на стул, устало вытянув ноги, и принялся растирать лицо ладонями.— Устал, да? Сейчас покормлю. Чутьку потерпи. Что хотела сказать... Телеграмма пришла. Матвей возвращается...

— Матвейка? — Семен нахмурился, и взглянул на жену.— Кто сказал? Он же...— и неопределенно кивнул головой.

— Да, правда, твой брат приезжает,— пожала плечами жена и погрозила пальцем ребятишкам, которые носились по квартире.— Надя была в деревне. Сказала, что принесли телеграмму. На Троицу Матвей возвращается. Дед велел всем приехать на праздник, и чтобы все мужики были с наградами.

— Зачем? — опять нахмурился Семен.

— Хочет встречу устроить. Он еще передал, что свинью надо заколоть. Это тебя попросил сделать. Сказал, что у тебя рука легкая,— жена прикрикнула на ребятишек, которые устроили войнушку в квартире, и опять повернулась к мужу.— Надо съездить, Сема. Все-таки, ваш брат и сын приезжает. Столько лет не был дома. Наверное, срок отсидел и освободили.

— Наш брат или...— Семен замолчал, поднялся, доставая папироску, и вышел на балкон.— Где он был, когда мы воевали, а? — он тяжело взглянул на жену и зады-

мил: густо, нервно и озлобленно.— Не успеешь в деревне появиться, как встречные-поперечные начинают носом тыкать, что Матвей...

— Сема, не заводись, успокойся,— перебивая, сказала жена.— Отец велел. Значит, надо ехать.

— Ну, если отец велел...— помедлив, повторил Семен и вздохнул.— Ну, хорошо. Съездим, и встретим. Ишь ты, брат...— он мотнул головой и, плюнув, выбросил окурок на улицу.

...Семен долго сидел на низком чурбаке, почесывая свинью. На зиму откармливали ее, чтобы на всех поделить, но теперь придется резать, так велел отец, а ему нельзя перечить. Семен вздохнул. В сторонке всполошено заорал петух, захлопал крыльями — пыль поднялась, подзывая несколько молоденьких кур, и принялся торопливо клевать. Видать, что-то нашел в старой соломе.

— Семка, ну, как там? — донесся тихий голос матери, и она заглянула в сарай, стоявший на заднем дворе.— Долго еще ждать?

— Не мешайте, пусть успокоится,— буркнул Семен, продолжая чесать свинью, и кивнул на толстую перекладину над головой.— Приготовьте веревки.

Он хмуро осмотрел сарай. Несколько кур копошились, разгребая старую солому. В углу завохтала наседка. Потягиваясь, появилась пестрая кошка. Запрыгнула на перегородку, посидела, словно прислушивалась, и быстро исчезла в темном углу. Ползла на сеновал. Видать, услышала мышиную возню. Семен осмотрелся. После войны, когда он вернулся, тяжелою жилось, сарай пустовал, все съели за годы войны, долго восстанавливали хозяйство, а сейчас хоть какая-никакая, но скотинешка появилась: коза и овечка, да вот эта свинка, а еще куры бегают. На лето стали ребятишек отправлять в деревню. Соседка приносит молоко. И ребятишки все каникулы проводят здесь. Хорошо, вольготно, не то что в городе. Опять заскрипела дверь. В проеме появилась мать. Прислонившись к столбу, наблюдала за ним. Семен мельком заметил, как братья готовили пучки соломы и проверяли паяльную лампу. Потом приволокли корыто. Мать вышла, быстро сполоснула его и приставила к стене, чтобы стекла вода. Братья столпились возле входа, закурили и зашептались, стараясь не мешать.

Свинья похрюкивала, тыкалась грязным пятаком в колено и старалась прислониться. Семен, похлопал по холке, осторожно отодвинулся и продолжил чесать свинью. Пошарил за спиной, нащупал рукоятку, крепко зажал в руке, на мгновение застыл, глядя на свинью, потом перехватил ее за переднюю ногу, резко дернул вверх, всадил длинный трофейный штык-нож и провернул. Свинья рванулась в сторону, завизжала, дернулась и повалилась на землю. Семен поднялся, продолжая держать в руке окровавленный штык-нож. Схватил веревку, быстро захлестнул петлей задние ноги, позвал братьев, волоком дотащили свинью до перекладки и, перекинув толстую веревку, подняли над приготовленным корытом. Придерживая голову свинье, он размашисто располосовал горло. Забулькала кровь и струей стала стекать в корыто. Семен протер клинок, поднялся на крылечко, в сенях подsunул штык-нож под бревно, вышел и принялся отмывать руки.

— Все, заколол,— коротко сказал он и вздохнул.— Хорошая была свинья. Даже жалко стало ее. Ладно, можете разделывать.

— Сема, выпей,— рядом стояла мать, протягивая на тарелке старую обшарпанную кружку с мутной жидкостью и повядший огурец.— У тебя легкая рука, не мучаешь животину. Мясо вкусным будет. На, выпей.

Взяв кружку, Семен хмуро взглянул из-под кустистых бровей. Медленно выпил. Поморщился. Отмахнулся от огурца. На ладонь вылил остатки самогонки и, крикнув, растер шею, потом подошел к корыту и, зачерпнув полную кружку крови, неторопливо выпил.

— Эх, хорошо,— сказал он, вытирая окровавленные губы.— Вкусно. Полезно для организма.

— Пап, папка,— подскочил Алешка, крепкий мальчишка, лет семи-восьми, одетый в коротковатые штаны и в клетчатую рубашку с латками на локтях, и махнул длинным прутом.— Правда, вкусно? Дай попробовать, а? — и потянулся к отцу.

— Да, Алешка, кровь — это полезная штука, особенно для тебя,— сказал отец и протянул кружку.— На, пробуй,— и протянул кружку сыну.— Я всегда пил, сколько себя помню. Вкусно!

— Фу-у, дрянь какая-то,— попробовав на язык, Алешка брезгливо поморщился и сплюнул.— Я-то думал, что вкусно. Баб, когда кушать будем? А, ну ладно. Позовешь. Папка, я побежал играть. Вон, мальчишки заждались,— и громко крикнув, помчался за калитку, где ждали друзья.

Семен вышел на улицу. Постоял, осматривая небольшую деревню. Отдельно стояла школа. Сейчас каникулы. Там тишина. И замок висит. Рядом с домом тетки Клавы, которая лечила травами и заговорами, на скамеечке сидело несколько человек. Наверное, болеют, а может, просто подошли поболтать. Тетка Клава всех привечала. Ночью постучись и она откроет дверь и пойдет в ночь, в непогоду, в любой мороз или дождь, если это нужно людям. Хорошая она, добрая.

Он оглянулся. Возле палисадника, где росла бузина, стояли и разговаривали соседки — старухи, кто неподалеку жил. Они пришли, чтобы посмотреть на гостей. Прознали, что должен приехать Матвей, и теперь отцу покоя не давали. Семен нахмурился, развернулся и подошел к крыльцу. Уселся, достал папиросы. Закурил. Выпустив облачко дыма, осмотрелся по сторонам. Братья на заднем дворе разделяли тушу. Переговаривались, о чем-то спорили, громко смеялись. Изредка выпивали, когда мать подносила кружку с самогоном, и снова брались за работу. Тревожно завывала собака, поднося кровь, и умолкла, забилась в конуру, когда кто-то бросил в нее камень. А кошка крутилась рядом с корытом, надеясь что-нибудь утащить, а потом припала к лужице крови, которую нечаянно пролили на землю.

В сенях хлопнула дверь, и на крыльцо вышел отец: высокий, мосластый, с виду еще крепкий старик, в старых штанах с заплатами на коленях, рубаха навывпуск и босоногий. Постоял, покручивая длинный ус, исподлобья посмотрел на сыновей. Потом взглянул на внуков, которые носились по двору, мешая взрослым. Цыкнул на них, погрозил узловатым пальцем — малышня бросилась врассыпную. Громко зевнул и, поглаживая лысину и узенький венчик волос, присел рядом с Семеном.

— Наташ, поди-ка сюда,— позвал жену, дождался, когда она подошла, и взглядом показал на старух, которые собрались возле палисадника, о чем-то разговаривали и изредка, словно невзначай, заглядывали во двор, смотрели, что делается у них.— Наташ, скажи, чтобы разошлись. Негоже под чужими окнами торчать, негоже. Угощу всех, когда придет время. Всех позову, а сейчас пусть не путаются под ногами, не отвлекают. Не до них,— а потом ткнул пальцем в дочерей.— Скажи нашим девкам, чтобы требухой занялись. Нечего бездельничать и лясы точить с соседями. Стоят, ворон ловят да кости перемывают, как бабки старые,— и не удержался, погрозил пальцем.— Надька, сейчас крапиву возьму и не посмотрю, что взрослая деваха — отлуплю! Клавка, живо взяла тазик и пошла работать. Эй, ребята,— окликнул он взрослых сыновей.— Хватит хаханьки разводить — не бабы базарные. Чище опаливайте свинку, чище. Сами же будете кушать. Свинные уши опалите, разделите и отдайте ребятишкам — вкусно. И шевелитесь. Нечего гонять лодыря. Время не ждет, в рот пароход! — и, нахмурившись, привстал на крыльчке, когда увидел, что во двор зашел невысокий мужичок.— Ну-ка, пошел отсюда, сволота! Еще раз увижу, взашей выгоню. Вон отсюда! Сколько можно говорить, что в мой дом дорога закрыта для

тебя! — дождавшись, когда мужик выскочил и скрылся за палисадником, он опять присел на крыльце.— Гад, все деревенские мужики воевали, а этот метрику подделал и прятался за спинами наших баб. А сейчас в грудь кулаком стучит, что, если бы не он, вся деревня бы передохла от голода. Тоже мне, спаситель нашелся. Сволота! — опять повторил он.

Таким он был всегда: грозным, но в основном, только с виду и на людях, вечно хмурым, редко улыбался. Сам за двоих работал и других заставлял. А когда вернулся с тяжелым увечьем с войны, пришлось почти всю тяжелую работу перекладывать на сыновей и дочерей. Нужно было поднимать хозяйство. Ладно, семье удалось выжить, с голоду никто не умер, хоть и опухали, как бабка говорила. Тяжелые времена были, голодные. Все продали, лишь бы девчонок спасти от смерти. Если удалось пережить зиму, весной облегченно вздыхали. На траве держались да на рыбе, что ловили. Сети плели, верши готовили, и весной выходили на речку. Все становились рыбаками, от мала до велика. Если взрослые не могли, тогда дети уходили на реку, а вечерами улов делили по едокам. Так и жили всей деревней. Он не испытал этого, не видел. Вместе с сыновьями на фронт ушел. Считал, что отделались малой кровью. Шестеро ушли на войну. Один сын в танке сгорел. Второй, Матвей, в начале войны попал в плен, а когда союзники освободили из концлагеря, он отправился домой, но по дороге его арестовали и дали десятку без права переписки, нужно было страну поднимать из руин. Отсидел срок, но не стали освобождать, наоборот, еще добавили несколько лет и отправили на поселение. Лишь недавно Матвейку выпустили, и сегодня он должен приехать домой. А остальные вернулись, хоть и все были с ранениями и контузиями. Главное — живые, а остальное — это ерунда.

— Давай-ка выпьем, Семен,— старик подтолкнул сына и крикнул.— Слышь, Наташ, нам по рюмочке подашь? — так, в рифму, привычно сказал он и, достав из кармана папиросы, закурил.

Скрипнула дверь. Донеслись шаги. На крыльце появилась старуха в юбке до пят, в теплой кофте с длинным рукавом, несмотря на летнюю погоду, и в платке. Поставила две потертые кружки на ступеньку. Налила. Рядом поставила щербатую тарелку, положила несколько четвертинок лука, щепотку соли и кусочек ржаного хлеба и, поправив платок, молчком вернулась в избу.

— Видать, сегодня болеет,— кивнув на нее, сказал Семен.— Так и мается головой, да?

Отец взял кружку. Заглянул, передернулся от сивушного запаха, и медленно выпил. Поморщился. Вытер длинные усы и, шумно вздохнув, отложил в сторону кусочек хлеба.

— Да, Семка, хворает мать,— взглянув исподлобья, сказал старик.— И война подкосила, и Федька погиб, и голод, а потом со мной замучилась, когда с фронта привезли, да еще столько лет прождала Матвейку. Бывало, ночью проснусь, поднимусь с полатей, чтобы водички глотнуть, гляжу, а она перед иконами стоит и шепчет. Вроде, как и не ложилась даже. Петух загорланит, а она уже на ногах и хлопчет по хозяйству. Наверно, с часок вздремнула и все, а может, и того не было. Да, досталось нашим бабам, в рот пароход,— дунул, табак вылетел из папироски, он достал другую, размял и прикурил, выпустив облачко дыма.— Эх, жизнь!

— Правду говоришь, батя, и во время войны досталось, и после нее — проклятой,— тяжело вздохнув, буркнул Семен.— Я всю войну прошел, а моя Нюрка поседела. Частенько бывает, ночами начинаю воевать, кое-как меня растолкает, а сама плачет. И ребятишки плачут. Залезут на одну кровать, в угол забьются и плачут. Боятся меня. Эх, ешкин малахай! — он кулаком ударил по колену, поморщился и достал папироски.— Бывает, что себя боюсь, как бы чего не натворить спросонья. Все

война снится,— а потом взглянул на пачку и протянул.— На, кури, батя. Ну и что, что покурил, еще бери. Про запас дыми. И я с тобой затынусь. Эх, да...

Они опять задымили. Молчали. Семен задумался, злые морщинки возле глаз появились. Сидел, не шелохнувшись, не обращая внимания, что папироска давно уж перестала чадить. Не видел, что отец поднялся и, как был босиком, так и пошел на задний двор к сыновьям. Покручивая между пальцами длинный ус, что-то долго объяснял им, показывая на разделанную тушу, потом кликнул дочерей, опять ткнул пальцем в мясо, вернулся на крыльцо и снова присел рядом с сыном.

— Ну ничего не могут без меня сделать, обормоты! — запыхтел он и погрозил пальцем.— Ух, не посмотрю, что вымахали, сниму кнут со стены, всех отстегаю. Разгильдяи, в рот пароход и в задницу корабль! — это было его любимое ругательство.

— Батя, неужели и меня отлупишь? — хохотнув, сказал Михаил, и поправил тяжелый китель с множеством орденов и медалей.— Я же по званию намного старше тебя.

— А тебя в первую очередь, Мишка! — насупившись, рявкнул старик и, повернувшись, стал всматриваться в полутемные сени в поисках кнута.— Не посмотрю, что в офицерах ходишь. Нацепил погоны и награды и думаешь, что на тебя управы не найдется? Отлуплю как сидорову козу. Понял? Я — главнокомандующий в семье! И не забывайте об этом! Бабка, иди-ка сюда. Ну-ка, выпиши наряд вне очереди этому охламону,— и ткнул в сторону сына.— Отправь чистить навоз. Как раз для его офицерского кителя с сапогами. Будет знать, как отцу перечить. Ишь, стоит, бахвалится!

И Михаил, под хохот братьев и сестер, нахмутив густые бровищи, повесил китель на забор, молчком подхватил вилы и скрылся в сарае.

— Ох, суров ты, батя, суров,— покачивая головой, буркнул Семен, взглядом провозжая брата.— Глянь, ведь послушался!

— А куда денется, охламон,— нахмурившись, старик опять погрозил пальцем.— Пусть попробует не выполнить. Враз вожжи или кнут возьму, да пройдусь по одному месту, неделю сесть не сможет! — и неожиданно повернулся.— Семка, скажи правду, что думаешь про своего брата, про Матвейку?

— А что говорить о нем? — помолчав, пожал плечами Семен.— Столько лет не виделись. Вот придет, потолкуем. Посмотрим, что у него на душе.

— Я что хочу сказать, Семка,— старик посмотрел по сторонам, не подслушивают ли случайно, а потом опять повернулся к сыну.— Столько лет думаю о нем, и не могу поверить, что наш Матвейка сдался в плен. У него же характер — о-го-го, в рот пароход! Он костями ляжет, чем спину прогнет. Он же комсомольским вожаком был, идейный — страсть! Все носился по деревне с такими же, чуть не так, сразу мозги вправлял, сразу на собрание вытаскивал и песочил. Ну, а если взглянуть с другой стороны, как он смог попасть в плен, почему всю войну провел там, а не сбежал? Ведь столько лет был в плену! Неужели не нашел лазейку для побега? Не верю этому, в рот пароход, не поверю! Меня же таскали в органы из-за него, все расспрашивали, все допытывались. А что я мог рассказать? Меня же не было рядом, когда Матвейка в плен попал. Даже не знал об этом, пока в органах не сказали. Как обухом промеж глаз саданули. Думал, с копыток слечу. Все допытывались, почему он оказался у фрицев, где пробыл всю войну, почему союзнички освободили в конце войны из концлагеря, как он попал туда. А я-то почему знаю! Потом какая-то бумага пришла. Видать, про Матвейку. Они поворчали, но отстали от меня, зато в деревне быстро прознали про это, и каждый сморчок проходу не давал, все Матвейкой попрекали, мол, фашистский прихвостень, коль в плену побывал да на них работал. Идешь по улице, а у тебя словно печать на лбу стоит — на всю жизнь заклеямили и буквы видны — «Отец прихвостня», а всякие встречные-поперечные ходят и тычут пальцами, и камнями кидают, и все норовят в рожу попасть, да побольнее,— и засопел, нахмурившись.

Семен снова пожал плечами.

— Не знаю, что у него на уме,— сказал он, вытащил папироску, дунул в нее — табак вылетел.— Многих война ломала. Крепче, чем Матвей, были, но словно тростинки ломались. А он... Жизни не видал, хоть и был идейным, сразу на фронт попал. Сам же знаешь, батя, что в первые месяцы войны творилось. Неразбериха. Погибали, раненые попадали в плен, а другие, кто ломался, первыми погибали, а бывало, что в дезертиры подавались или к фашистам уходили, лишь бы свою шкуру спасти. Всяко бывало. И пока с Матвеем не поговорим, не увидим, с чем приехал, что в душе у него, мы не можем его судить, да и не имеем права,— так, не поднимая головы, раскачиваясь, глухо сказал Семен и опять вытащил папиросы.— Я сынка, Алешку, отправил на остановку. Когда появится Матвей, ребятишки прибегут и предупредят. Посмотрим, что у него на душе, а потом подумаем...

— Да я все понимаю,— досадливо стукнул кулаком по колену старик, а потом похлопал по груди,— но вот здесь болит, покоя не дает. Столько лет прождал его, чтобы вернулся, а сейчас как на иголках сижу. С тобой болтаю, а у самого глаза в сторону калитки смотрят. Мы же до сей поры не знаем, как он оказался у фашистов. Ладно, если раненый попал в беспамятстве — это еще можно понять, а ежели, как ты говоришь, что сломался и добровольно ушел, тогда, как к нему относиться? Вроде бы простить должен его, все же наш сын и ваш брат, а с другой стороны — он предал нас, нашу семью, тебя, меня, свою мамку — всех. Тогда как, а? — старик замолчал, раскачиваясь, задумался, а потом сказал.— Вот возьми меня, в рот пароход. Я прошел три войны. Три! И в окружении бывал, и в плен попадал, но все же вырвался и опять пробирался к своим. А сколько раз было, что могли поймать, но я находил лазейку и смывался. Вон там,— он махнул рукой в сторону лесопосадки,— во время гражданской, у нас стоял омет. Я был в дивизии Чапая. В нашей деревне стояли белые. А у меня же семья большая! Мне приходилось пробираться сюда, чтобы своих проведать, чтобы кусок хлеба принести, лишь бы с голоду не померли. И один раз, когда появился, меня кто-то предал. Беляки бросились искать. Чую, что не успею скрыться, тогда огородами пробрался и спрятался в омете. Они всю деревню перевернули, меня, чапаевца искали, а потом взяли вилы и стали всаживать в омет со всех сторон. И знаешь, Семка, меня спасло, что втыкали вилы — поперечина не дала глубже вогнать, а если бы стали штыками колоть, тогда мне кранты, убили бы — это точно. А потом, едва они кинулись к мельнице, я задами огорода выскочил из деревни. До леска добрался, а там стояла привязанная лошадь. Вскочил и помчался к своим, а беляки поскакали за мной. Дважды меня ранили, но я все же вырвался. Чуюл, что смерть придет, если поймают, в рот пароход. А Матвейка столько лет был у фрицев и живой, а я бы на его месте все жилы перегрыз, лишь бы в плен не попасть, а он живой... Почему? — и старик опять замолчал, нахмутив и без того морщинистый лоб.

Отряхивая замызганные галифе, посматривая на испачканные сапоги, к крыльцу подошел Михаил и облокотился на перила.

— Батя, приказ выполнен,— устало хохотнув, сказал он и принялся вытирать грязные руки.— Весь навоз уничтожен... Нет, на корыте вывезен на огород и уложен в кучки. Какие будут дальнейшие указания?

— Что говоришь? — старик взглянул, потом растер лицо ладонями и вздохнул.— А, ладно, сынок. Молодец! Одежка грязная. Почистись и умойся. Негоже в таком виде щеголять перед всеми — офицер все же, а не дите малое,— и, нахмурившись, погрозил.— Да, а где зятя — Колька и Витька? Кольша с нашим Петькой покрутились, пока свинью разделявали, а потом оба умотали. Почему до сей поры не появились? А куда Витька запропал? Ну-ка, живо к ним сбегал и сказал, чтобы пришли при параде. Во всей красе предстанем пред нашим сыном и вашим братом.

Достав расческу, Михаил быстро привел волосы в порядок. Провел по ним ладонью, приглаживая, подозвал ребяташек и велел им, чтобы позвали дядек, а сам принялся чиститься и отмываться под рукомойником.

Распахнулась калитка, и донесся громкий крик.

— Папка, папка, фу, еле добежал,— запыхавшись от быстрого бега, заскочил Алешка и помчался к крыльцу, за ним забежали ребята и тоже подошли, едва переводя дух, а потом выстроились в очередь перед ведром с водой и, толкаясь, принялись звучно пить из большой кружки.— Там, там дядька и тетка идут от остановки. Не деревенские — чужие! А больше никто из автобуса не выходил. Правда! Они сюда пошли по дороге, а мы с мальчишками напрямки пустились. Сходи, посмотри.

Едва Алешка крикнул, что видел незнакомых людей, все переполошились. Заметались, не зная, за что хвататься, чем заняться. Мать заголосила, бросилась к калитке, но осеклась от грозного окрика старика и, прикрывая ладошкой рот, скрылась за избой. Старухи, стоявшие возле калитки, вразнобой заговорили и, прикладывая к глазам ладонь лодочкой, стали всматриваться вдаль, надеясь рассмотреть приезжих.

— Семка, выйди-ка, посмотри,— отец кивнул в сторону улицы, закричал, нахмурился, но сын заметил, как он заволновался, как заелозил по ступеньке, а потом поднялся.— А я схожу, проверю, что ребята сделали. Все ли подготовили, да и самим нужно пиджаки набросить,— и, покрикивая на сыновей и дочерей, пошел на задний двор, но быстро вернулся и скрылся в избе.

Семен вышел на улицу. Долго стоял возле палисадника, хмуро наблюдая, как по тропинке между кустами, то исчезая, то появляясь, медленно шел крепкий мужик с невысокой женщиной. Изредка приостанавливались, он осматривался, махал рукой, что-то показывая, а потом опять шагали. Вон присели на старый пенёк. Там все останавливаются, чтобы отдохнуть на широком пне. Видно было, что мужик курил. Много курил — одну за другой. Видать, волновался. Потом опять побрели, а его спутница все время поправляла на руке плащ или пальто — не разберешь издалека.

— Батя, готовься к встрече,— вернувшись, сказал Семен, взглянув исподлобья на отца.— Это Матвей идет. Нет, я не ошибаюсь. До сих пор помню его походку. Идет, словно подпрыгивает. Он приехал. Точно. А рядом с ним, наверное, жена.

Старик заволновался, но старался не подавать вида. Засуетился, оглаживая чистую рубаху. Потом зашел в избу и вернулся в пиджаке, на котором посверкивали несколько наград.

— Ну-ка, сынки, быстро ко мне! — держась за шаткие перильца, сказал он, и провел ладонью по медалям, и принялся командовать.— Колька, я кому сказал, живо набросил китель. Петька, почему не надраил медали? Ух, дождетесь, разгильдяи! Так, чтобы у всех грудь колесом была. Пусть наш сынок, а ваш брательник посмотрит, как мы воевали. Девки, всем быть на заднем дворе. Нечего пялить глаза на них. Ребятишек заберите с собой. Негоже по двору носиться в такой час. Мать,— он повернулся к бабе Наташе,— не вздумай обниматься, пока я не увижу, кто перед нами — сын или фашистский прихвостень, а то ему быстро сделаю от ворот поворот, а если кто-то к ним сунется самовольно, чтобы поздороваться, кнутом до полусмерти отстегаю. Чтобы все стояли, не шелохнувшись. Я буду вести разговоры. Всем понятно? — и хмуро посмотрел на сыновей.

— Ладно, батя, не шуми зазря, все поняли,— вразнобой сказали они.— Сам командуй.

Вскоре соседки-старухи зашептались, подталкивая друг друга, раздались в стороны, освобождая проход.

— А вот и гости долгожданные появились,— раздался протяжный старческий голос за забором.— Здравствуйте, Матвей Ильич! Ой, как вы изменились! Постарели,

однако. А были-то каким молодым! А сейчас... А это кто рядышком — жена, да? Это хорошо! Проходите, проходите...

— Тьфу ты, появилась, сорока языкастая, принесла ее нелегкая,— чертыхнулся старик и крикнул соседке.— Лизка, дожدهшься, отстегаю, зараза! Ну, погодь у меня...

Скрипнула калитка, распахнулась. Во двор медленно зашел Матвей: поседевший, лицо, иссеченное глубокими морщинами, взгляд хмурый и недоверчивый, в темном костюме, запыленных ботинках, а в руке хозяйственная сумка. Рядом с ним была невысокая худенькая женщина: гребешок в темных волосах с проседью, простенькие серьги, серое платье с белым воротничком и потертое пальто в руках, несмотря, что стояла теплая погода. Матвей исподлобья — взгляд как у отца, медленно осмотрел всех, шагнул вперед, сдернул фуражку и низко поклонился.

— Ну, здравствуй, батя,— он посмотрел на постаревшего хмурого отца, потом на мать, которая стала еще меньше росточком, словно высохла, она стояла возле забора и смотрела на него, прищурившись, задержал взгляд на Семене, поперхнулся, сильнее сминая в руках фуражку, отвернулся и глухо сказал.— Здравствуй, мамка. Я вернулся. Я живой...

— Матвеюшка, сынок,— мать не выдержала, заголосила и бросилась к нему, но не добежала, вздрогнула от окрика, запнулась, чуть не упала и остановилась, продолжая смотреть на постаревшего сына, которого не видела с начала войны.— Матвейка приехал, а ты... Ну, как же так, отец? — и растерянно оглянулась на старика.

У Матвея задержалась щека. Он стоял неподвижно и молчал, медленно осматривая пустой двор и родную избу. Взглянул на баньку, что стояла посреди огорода, потом на заросли черемухи, что были за заборами. Нет, даже не заросли, а густой лес и каждую весну, когда черемуха расцветала, над землей появлялось огромное белое облако, а запах такой, что голова кружилась. И этот запах он чувствовал даже во сне. Матвей глубоко вздохнул и опять посмотрел на всех. Отец и братья тоже молчали. Семен скрипнул зубами, дернулся было, словно хотел выйти навстречу, но остался стоять, лишь ниже склонил голову. Изредка доносились всхлипы матери, на заднем дворе слышны женские и детские голоса и за забором шептались старухи.

Прошмыгнула пестрая кошка. Запрыгнула на завалинку и принялась умываться. Гавкнула собака, почуяв чужака, но умолкла и спряталась в конуре от резкого окрика.

Долго стоял отец, посматривая на сына. Молчал, покручивая длинный ус. Потом вздохнул, потер щетинистую щеку и нахмурился. Насупившись — брови сошлись на переносице, взглянул исподлобья на Матвея и его спутницу и поправил пиджак, брякнув медалями и орденом.

— Ну, сынок, пройди в избу, расскажи нам,— прищурившись, он обвел рукой сыновей и зятьев, стоявших на крыльце в кителях и пиджаках, на которых сверкали награды и орденские планки,— где и с кем воевал, и как воевал, что-то не замечаю твоего иконостаса,— он провел рукой по наградам и опять нахмурился.— Хорошо ли воевал, не опозорил ли нас, родителей и своих братьев и сестер? Не стой, как столб, пройди в избу. Негоже во дворе разговоры вести. Посидим, послушаем, что расскажешь. А твоя баба пусть на крыльце остается. Ничего с ней не случится. А у нас будет долгий разговор,— и тут же повернулся к жене.— Так, бабка, не дай Бог, если кто-нибудь зайдет в избу! Увижу, в кровь исхлещу, в рот пароход! — и погрозил пальцем, повторяя.— Кнутом отстегаю любого, кто сунется в избу! Всем понятно? — и медленно обвел взглядом всех, кто был во дворе и за забором.

И, не обращая внимания на сына, Матвея, развернулся и первым прошел в избу. За ним потянулись сыновья и зятья. Матвей последним поднялся по ступеням, провел ладонью по старым перилам, остановился, окинув взглядом избу, опять посмотрел на дальний черемушник, потом прошел вслед за всеми и хлопнул за собой скрипучую дверь.

Приостановившись в полутемных сенях, Матвей вздохнул, осматриваясь. Возле двери стояла старая кровать. Раньше ее не было, как не было выцветшего дождевика на стене. Видать, отец с фронта привез. Старая потертая кацавейка на гвозде, подбитая мехом, а рядом драная фуфайка. Кочедык и крепкий кнут висели на своих местах, и серп там же был воткнут. Как и раньше, как в его молодости. У отца было принято, чтобы каждая вещь лежала на своем месте, и не дай Бог, если возьмут и не положат. У него тяжелая рука и быстрая на расправу.

Разувшись, он поставил запыленные ботинки в модельный ряд возле пары стоптанных кирзачей, рядом с ними разбитые опорки, а чуть поодаль виднелись обрезанные подшитые валенки. Наверное, мать шаркает в них, а раньше не носила. Дальше, в полутьме, мелькнула дверь в чулан. Частенько в нем прятался, когда с мальчишками играл — это было давно, словно в прошлой жизни, словно не с ним. Матвей вздохнул. Наклонившись, он прошел в избу и остановился на пороге. Свежий запах выскобленных полов и кисловатый запах опары — это мать всегда скоблила косарем широкие доски, а потом начисто промывала, и поэтому в избе стоял свежий хвойный запах, как и кисловатый — опары. Мать выпекала хлеб на капустных листьях, а иногда на кленовых, но чаще подкладывала капустный лист — ей так больше нравилось. И эти запахи преследовали все годы, с той поры, как ушел на фронт. Ушел пареньком, а вернулся взрослым мужиком... Матвей медленно обвел взглядом избу. Низкая стала, небольшая, как ему показалось, не то, что раньше была — светлая и просторная. А сейчас хотелось пригнуться, чтобы не задеть потолок. Большая русская печь. За ней были полаты, на которых спал отец — это он хорошо помнил. А вон в том закутке видны чугунки, ухваты и стол — это хозяйство матери, куда она никога не подпускала. Ее мирок. Рядом с занавеской висит тусклое зеркало в коричневой деревянной раме. Сколько себя помнил, зеркало всегда висело на этом месте. В углу виднелась икона и еле заметно теплилась лампадка. Старая кровать с лоскутным одеялом вдоль стены. Мать спала на ней, да и сейчас тоже, наверное. А возле окна, напротив кровати — длинный широкий стол — семья-то большая была, и несколько лавок. Вот и все. Как было раньше, так и осталось, хоть прошло столько времени, много лет не был в родной избе... Матвей протяжно вздохнул. Растер лицо ладонями — глаза покраснели. Исподлобья взглянул на сурового отца, который сидел во главе стола — это его место, хозяина, по бокам расселись братья и зятья. Сидели, курили и молчали, наблюдая за ним. И Матвей шагнул к столу...

— Ох, чует мое сердечко, что-то будет нынче,— едва закрылась дверь, запричитала мать.— Вся душа изболелась! Рассерчал отец, разгневался, как самовар кипит, того и гляди заплещет. И зайти-то запрещено — шкуру спустит. Ему нельзя перечить — хозяин,— она поправила платок, принялась осматриваться и ткнула корявым пальцем.— Слышь, как звать-то тебя, дочка?

— Татьяна,— коротко сказала спутница, и устало прислонилась к перилам.

— Танька, значит,— закивала головой баба Наташа.— А я Матвейкина мамка,— и невольно оглянулась на дверь, опасаясь, что услышит старик и отлупцует.— Присаживайтесь на крылечко. Не гневайтесь на отца. Характер такой. Хозяин! Пить хотите? — и помахала рукой.— Дочки, напоите ее. Я бы накормила с дороги, но не могу — отец запретил заходить в избу. Потерпи, пока не поговорят. Валя,— старуха позвала сноху.— Побудь на крылечке. Гляди, чтобы никто не зашел, а я сбегаю на огород, чуток повожусь на грядках, пока они разговоры разговаривают, может полегче на душе станет, а то места не могу найти.

— Баб Наташ,— кто-то окликнул из-за забора.— Ну, что там, как сынок?

— Отстаньте, не до вас,— отмахнувшись от назойливых соседок, баба Наташа ушла на огород, что был позади дома, принялась было дергать сорняки, но не удер-

жалась, подошла к грядке, надергала лук и вернулась к крыльцу, держа в руках небольшой пучок.— Скажи правду, Тань, как на духу, а когда нашего Матвейку выпустили из каталажки? — спросила у приезжей.

Татьяна отставила помятую кружку с водой на крыльцо и пожала плечами.

— Ему давали десятку, но в конце срока еще добавили несколько лет,— тихо, блекло, сказала Татьяна, видно было, что ей уже надоело с такими расспросами.— Когда освободили и разрешили выезжать, мы собрались и сюда поехали. Матвей скучал, хотел всех увидеть, но в то же время опасался, что на порог не пустите, выгоните.

Продолжая теребить в руках пучок лука, баба Наташа внимательно слушала, покачивала головой, а потом, словно решившись, оглянулась на дверь и прошептала:

— Скажи как на духу, а Матвейка — предатель или нет?

Отшатнувшись, Татьяна в лице изменилась — пятнами пошла, потом резко побледнела и хотела что-то сказать, но в это время из избы донесся громкий протяжный крик, а потом с треском разлетелась табуретка.

— Все, беда пришла,— запричитала баба Наташа, прислушиваясь к шуму, положила пучок лука на завалинку, едва стала подниматься по ступеням, чтобы зайти в избу, но вспомнила, что дед запретил заходить, и тогда торопливо принялась осматриваться.— Сейчас смертоубийство начнется,— забормотала она, а потом протяжно закричала.— Ребятишки, подойдите сюда! — и замахала руками.— Побыстрее...

Оглянувшись на крик, Алешка поддернул сползающие штаны, что-то сказал друзьям, с кем играл возле ворот на полянке и, открыв калитку, они подбежали.

— Что, баб? — вразнобой заговорили они.— Зачем звала? Мы же играем, а ты мешаешь.

— Попроberитесь в избу, ребятки,— наклонившись к ним, тихо сказала баба Наташа.— Потихонечку погляньте, что там творится,— и ткнула пальцем.— Слышите, как ругаются. Дед Илья запретил взрослым заходить в избу, а вас, мальцов, не тронет, если заметит. Он любит вас. Прокрадитесь и послушайте. А я каждому карамельку дам. Вкусные! — и принялась шарить в кармане фартука.

— Не, баб, не пойдем,— загомонили ребятишки и вздрогнули, когда донесся шум и громкие голоса.— Страшно! Вон, пусть Алешка сбегает. Дедка никогда не ругает его. А мы постоим возле двери и покараулим. Лешка, что говоришь? Ай, не бойся! Мы же рядышком будем. Иди, посмотри,— и принялись подталкивать его.— Ты же самый храбрый!

— Ну ладно, сейчас схожу,— шмыгнул Алешка, и посмотрел на окна, плотно закрытые занавесками.— Ух, как дедка кричит! Баб, а на кого ругается, а?

— Вот и глянешь, на кого кричит,— сказала баба Наташа.— Иди, иди...

Прислушиваясь к шуму, Алешка быстро поднялся по ступеням крыльца, и исчез в полутемных сенях. Ребятишки поднялись на крыльцо и притихли, наблюдая за ним.

Приподнявшись на цыпочки, баба Наташа старалась заглянуть в запыленное оконце, но за плотно зашторенными занавесками, ничего не было видно. Перебралась к другому окну. Опять заглянула, но бесполезно. И в третьем окошке ничего не видно. Все наглухо закрыто от постороннего взгляда. Взмахивая руками, она заметалась по двору, то торопилась к дочерям на задний двор, то опять возвращалась к крыльцу. Старухи, сидевшие на лавочке возле палисадника, тоже громко заговорили, поднялись и норовили заглянуть во двор.

Постояв возле двери, Алешка долго прислушивался к разговору, потом с трудом приоткрыл дверь, присел на корточки и медленно заглянул, продолжая слушать, о чем говорят за столом. Заметил, что дед поднялся, потом стал стучать кулаком по столу, что-то говорил, поперхнулся и закашлялся, закрутил головой и направился к ведру с водой, которое стояло возле входа. Видать, в горле пересохло.

Алешка испугался, что его могут заметить, тихонечко притворил дверь, и опрометью бросился из сеней.

Ребятишки скатились по ступеням и сгрудились возле бабы Наташи.

— Ох, дедка ругается,— появившись на крыльце, сказал Алешка и поддернул штаны.— Сильно. Красный стоит, руками размахивает и по столу стучит. Баб, а там все ругаются, правда. Что говоришь? А, дядька Матвей? Он тоже орет. Нет, не орет, а громко говорит, говорит, а сам торопится, а потом снова все начинают спорить и руками махать. Все ругаются, а мой папка сидит, голову обхватил руками и молчит. Почему, баб?

— Ой, горюшко-то какое! — заплакала баба Наташа, и принялась вытирать слезы кончиком платка, а за ней заголосили дочери и снохи, кто был во дворе.— Смертоубийство произойдет. Дед разошелся не на шутку. Теперь его ничем не остановишь. Ой, беда пришла! — и, вскарабкавшись на завалинку, опять прижавшись к стеклу, стала искать хоть небольшую щелку, чтобы заглянуть внутрь.

Следом за ней дочери и снохи облепили окна, стараясь рассмотреть, что творится в избе. Некоторые прижались к двери, надеясь услышать, о чем разговаривают мужики. Опять раздался крик, потом загалдели в избе, послышались громкие удары. Все отбежали от окон и дверей, опасаясь попасть под горячую руку старика. Девки скрылись на заднем дворе. Некоторые мелькнули на огороде и сразу принялись драть сорняки, словно и во дворе не были. Лишь Татьяна, спутница Матвея, продолжала сидеть на крыльце и о чем-то думать. Держала кружку в руках, изредка поднимала голову, осматривая двор, а потом опять задумывалась.

— Помогите, люди! — обхватив голову, заголосила баба Наташа, медленно спускаясь с крыльца.— Ой, соседи дорогие, они же поубивают друг друга! Да что же вы попрятались, а?

— Нет, баб Наташ, я не пойду,— замахала руками молодуха в ярком платочке и фуфайке, наброшенной на плечи и, оглядываясь, пошла к соседнему двору.— Дед злой, как собака. Не посмотрит, что баба перед ним, быстро по шеям накостыляет, что полезла не в свои дела. Ну его... Я лучше дома посижу,— и скрылась, захлопнув калитку.

— А я чем помогу? — зашамкала скрюченная старуха, опираясь на клюку.— Ты уж, Наташка, сама разберись. Это ваша семья. Илюшка сразу нос прищемит, ежели сунемся,— сказала, присела на лавку и, что-то бормоча, закачала головой.

Остальные соседи, что прибежали, услышав громкие крики, столпились возле забора, но опасались зайти в избу, зная крутой характер деда Ильи. Все хорошо помнили, как он одним ударом чуть было не убил здорового племенного быка, когда тот разорвал толстенную цепь и помчался по улице, заметив ребятишек, которые играли на дороге. А старик возвращался с мельницы и увидел. Бросился ему навстречу, ухватился за рог, рванул, разворачивая к себе, и всего лишь один раз ударил, и племенной бык остановился, помотал головой и повалился набок. Все уж подумали, что убил быка. С трудом, но все же удалось отлить его водой, беднягу. И сейчас, если сунутся, а вдруг под горячую руку попадешь? Дед Илья не станет разбираться, тем более что предупредил всех, чтобы в избу не входили. Врежет разочек, и костей не соберешь. Он хозяин в семье. А в чужую семью нельзя соваться, так было принято в деревне.

— Эх, помощнички,— баба Наташа махнула рукой.— Только и умеете, что кости перемывать другим да за столом сидеть и самогонку глушить.

— Зря так говоришь, баб Наташ,— донеслось из-за забора.— Мы всегда придем на помощь, ежели потребуется, но в семью не полезем. Нельзя! Сама знаешь, что будет, если сунемся. Ваша семья — сами разбирайтесь. Извиняй...

Соседи стояли, переминались и шептались, поглядывая на избу, откуда доносился шум. А потом крики прекратились, и наступила непонятная тишина. Резко замолчали. Словно взяли и выключили. Бабка прислушалась. Тихо в избе. Очень тихо. Это больше напугало, чем крики и ругань. Все стояли на улице и не могли понять, что там произошло. Лишь ребятишки ни на что не обращали внимания. Голосили, носились по двору, по улице, лезли на чердак и сеновал, а оттуда спрыгивали и опять принимались играть.

Оглянувшись, баба Наташа едва успела ухватить внука, который пробегал через двор, на ходу стреляя из деревянного автомата, который сам смастерил из сухих веток. Прижав к себе, она принялась что-то ему шептать. Алешка недовольно заворчал, зашмыгал носом, посмотрел вслед мальчишкам, которые мчались к баньке, что находилась посреди огорода, там был их штаб, потом вздохнул и кивнул, соглашаясь.

Он вскарабкался на завалинку. Прижался к стеклу. Посмотрел. Ничего не видно. Поглядывая с опаской на окна, Алешка медленно поднялся по ступенькам в сени, тихо, чуть дыша, на цыпочках добрался до двери, приоткрыл ее и сполз на пол, а потом улегся и, едва приподняв голову, долго смотрел, что происходило за столом. Потом поднялся, притворил дверь, на цыпочках вышел и кубарем скатился с крыльца.

— Ну, что там, Алешенька? — увидев его, встревоженно сказала баба Наташа. — Что случилось? Что дедка натворил? Говори...

— Баб, да они водку пьют! — запыхавшись, сказал Алешка, подхватывая деревянное оружие, и помчался к огородам. — Много пьют. Кружками! А папка выпил, посмотрел на дядю Матвея и пальцем погрозил. Ладно, баб, отстань, я же играю, не мешай нам, — упал на землю и скрылся между грядками.

Раньше бы за такое отхлестали крапивой, что они балуются на огороде, а сейчас никто внимания не обращал, чем занимаются ребятишки.

— Ну все, сейчас зальют за воротник и раздерутся, как пить дать, — опять всполошилась баба Наташа, оглядываясь на дочерей. — Стоит только мужикам губы помазать — и все, дурная кровь в бошки ударяет, и начинают кулачищами размахивать направо и налево. Ой, соседи дорогие, уходите от греха подальше! — и замахала руками, провожая старух, которые стояли возле калитки. — Вы знаете наших мужиков, ненароком зацепят, мало не покажется. Идите, идите... — и увидела внука, который опять появился во дворе. — Алешенька, а ты видел, что там дядя Матвей делает?

— Ай, тоже водку пьет, — поморщившись, отмахнулся Алешка и подпернул сползающие штаны. — А мой папка как дернул рубашку, так пуговицы во все стороны разлетелись. Теперь мамке придется пришивать, если найдет пуговочки. А зачем он кулак показывал дядю Матвею, а, баб? А дядя Петя под нос сунул кулак и что-то говорил. А зачем, баб?

Покачивая головой, баба Наташа стояла возле крылечка, о чем-то думая, потом размашисто перекрестилась, медленно поднялась по скрипучим ступеням и принялась стучать в дверь.

— Ребятки, сынки, не трогайте Матвеюшку, — громко закричала она. — Это же ваш брат. Не берите грех на душу, не надо! Ребятки... — и опять заколотила. — Отец, слышишь меня? Проклянуй!

Но дверь не открывали. Видать, серьезный разговор. Очень тяжелый. Было слышно, как в избе громко разговаривали, почти переходили на крик, потом затихали, а через некоторое время опять начинали ругаться и стучать кулаками по столу, что-то доказывали, о чем-то спорили до хрипоты и опять громыхали по столу — того и гляди развалится.

Баба Наташа вернулась во двор. Уселась на завалинку и тихо заплакала, прижимая платок к глазам. Дочери и снохи сгрудились возле забора и молча наблюдали за

ней и за избой, внимательно прислушиваясь, что там творится. Вдруг наступила тишина. Баба Наташа вытерла слезы и прильнула к запыленному стеклу, стараясь рассмотреть, что происходит. Опять поднялась по ступеням. Прошла в сени. Прислонилась к двери, ничего не услышала. Покачивая головой, она вышла на улицу. Приложив к глазам ладонь, долго смотрела в сторону ребятишек, которые играли неподалеку от дома и, заметив внука, опять замахала рукой.

— Алешка, подь сюда,— протяжно крикнула она, дождалась, когда внук прибежит, и снова подтолкнула к двери.— Ты же знаешь, как заглядывать в избу, чтобы не заметили. Поэтому кликнула тебя, а не других ребятишек. Ты уж посмотри, что мужики делают. Нам же запретили заходить. Кнутом исхлещет. А дед не тронет тебя. Не бойсь. Он любит тебя,— она повторила.— Я знаю. Зайди, внучок, поглянь. Душа не на месте.

— Баб, я кушать хочу,— недовольно забубнил Алешка.— Дай пирожок! Мне надоело глядеть. Что я бегаю и бегаю... Вон пусть другие мальчишки смотрят, или сама иди, да гляди, а я кушать хочу, аж в животе урчит,— и отвернулся, обидевшись.— Все мальчишки играют, ты не трогаешь их, а меня заставляешь. Иди с ними и смотри,— он продолжал недовольно бубнить.

— Подожди, внучек, подожди, попозже накормлю,— прижимая к себе, сказала баба Наташа.— Сам же видишь, что творится. Дедка никого в избу не пускает. А ежли ты зайдешь, он не заругается. Любит тебя,— и опять повторила.— Сходи, внучек. А я кашку успела приготовить. В печке сготовила, натомила с пенкой. Вкусную, как ты любишь, пшенку с молочком и тыковкой. Сладкая — страсть! Ну погляди, а?

Недовольно заворчав, Алешка, неумело посвистывая, за что получил подзатыльник от бабы Наташи, медленно поднялся по ступеням. Добрался до двери. Прислонившись, долго стоял, прислушиваясь, потом опять приоткрыл дверь — щелочку, чтобы одним глазком взглянуть, присел на корточки и застыл, внимательно наблюдая, что делалось за столом. Потом прикрыл дверь. На четвереньках выбрался на крыльцо, поднялся и, быстро скатившись по ступеням, пошел к калитке, не обращая внимания на бабу Наташу.

— Эй, Алешенька, Алешка, куда помчался, а? — недовольно окликнула баба Наташа.— Что молчишь-то, как в рот воды набрал? Что мужики делают? Я для чего посылала тебя? Ну-ка, рассказывай...

— Чего-чего...— буркнул Алешка.— Плачут они.

— Как — плачут? — с недоумением взглянула баба Наташа.— Подожди, куда побежал?

— Как-как... Глазами плачут! — опять буркнул Алешка, захлопывая за собой калитку.— Все сидят, разнылись, словно девчонки. Даже дедка глаза трет и сморкается. Фу, глядеть противно! Вот только мой папка не плачет. Уставился на дядю Матвея, а сам молчит,— сказал и скрылся за калиткой.

Поправив платок, баба Наташа потопталась, поглядывая на окна, потом перекрестилась и исчезла в сенях. Приоткрыла дверь, долго смотрела на деда, на сыновей, которые сидели за столом. Облако дыма повисло над ними. Накурили, хоть топор вешай. Наконец-то, решившись, она зашла, сделала маленький шажок и остановилась, поглядывая на старика. Дыхание перехватило, когда дед взглянул на нее и нахмурился, хотел было что-то сказать, а может заругать, но не стал, а лишь махнул рукой. И баба Наташа торопливо перекрестилась, облегченно вздохнула и медленно вышла на улицу.

Прислонившись к косяку, она неспешно обвела всех взглядом. Поправила платок. Посмотрела на гостью, что приехала с сыном, с Матвейкой, потом взглянула на соседей, которые продолжали толпиться за забором, и улыбнулась, прикрывая беззубый рот ладошкой.

— Все, бабоньки, радуйтесь! Мой дед принял Матвейку,— крикнула она и, махнув рукой, заторопилась обратно в избу.— Дочки, пора столы накрывать. Гулять будем. Наш сынок и ваш брат вернулся. Радость-то, какая! Эй, ребятишки,— она приостановилась на пороге, подзывая внуков.— Ну-ка, быстро сбегайте по соседям и всех зовите в гости. Всех! — сказала и скрылась в избе.

И загудела небольшая деревушка. Прихорашивались бабы, вытаскивая наряды. Мужики степенно заходили во двор и закуривали, прислонившись к забору, и заводили долгие разговоры ни о чем. А потом, когда баба Наташа и дочери накрыли большущий стол, расставляя разнокалиберные тарелки, чашки, миски, где лежала картошка в мундирах, квашеная капуста, огурцы и помидоры, горки жареной рыбы, вяленая лежала, пожелтевшее сало мелкими кусочками было нарезано — его доставали только на праздник, и отдельно подали свежатину — и всех пригласили за стол. Гости чинно расселись, дожидаясь, когда дед Илья первым возьмет ложку, а потом уж остальные за ним. Раньше нельзя. Не дай Бог, если опередишь его и сунешься в чашку, сразу ложкой влепит по лбу, а то и выгнать может из-за стола. Хозяин! Сидели, поглядывая на стол, на деда, который был во главе стола и, заметив, что он взял ложку, положил небольшой кусочек в чашку и взял рюмку, гости неторопливо потянулись к свежатине. Не каждый день увидишь мясо в деревне, особенно в летнее время. Подняли рюмки, стаканы, кружки и выпили. Закряхтели, закашлялись. Крепка самогонка, крепка! Опять выпили, и снова налили и выпили. И зашумели, заговорили вразной, поздравляя деда и бабу, поздравляя всех, что вернулся сын и брат. И так несколько раз — много раз. Курили на улице, возвращались и снова усаживались за столы. Вели долгие разговоры, плакали, вспоминая войну, иногда исподтишка недобро посматривали в сторону Матвея, но отвлекались, а потом пели песни, протяжные, грустные и веселые, и еще плясали. Так плясали, что пыль столбом, что мебелишка тряслась. Снова садились, чтобы поднять стаканы и кружки. И так гуляли до глубокого вечера, пока не стемнело на улице, отмечая приезд долгожданного сына.

А вечером, когда гости разошлись по домам, Семен вышел на крыльцо, присел на ступеньку и молчал, задумавшись, закуривая одну за другой папироски. Молчал и думал. Рядом, прислонившись к перилам, на крылечке сидел Матвей и тоже молчал. Изредка вздрагивал, внимательно прислушивался, если где-то раздавался лай собак или всполошено, спросонья орал петух, закуривал папироску, торопливо курил в рукав, быстро тушил и опять застывал, слушая ночь.

— Справная бабенка,— буркнул Семен.

— Да, неплохая,— помедлив, сказал Матвей.

— Где познакомился?

— На поселение отправили, там работала,— прикурив, сказал Матвей.— Сошлись. Так и живем. Уже двое ребятишек. А у тебя сколько?

— Семеро по лавкам.

— Ты в деда пошел,— сказал Матвей.

— Да, и характер такой же, как люди говорят,— Семен опять закурил.— Что решил, навсегда приехал, или как?

— Не знаю,— пожал плечами брат.— Как народ примет.

— Уезжай,— сказал Семен, поплевал на окурок, и сунул в баночку.

— Почему? — опять помедлив, сказал Матвей.— Я отсидел свое. Искупил вину, какой не было.

— Уезжай,— опять повторил Семен.— Так будет лучше и для тебя, и для отца с матерью. Тебя не примут в деревне. Поверь. На своей шкуре испытаешь...

— Я уже испытал,— перебивая, повысил голос Матвей.— Такого насмотрелся, другим не пожелаю.

— Мы тоже не за печкой прятались,— звякнули награды на груди, Семен достал мятую папироску и закурил.— Тоже пришлось повидать и испытать вот так,— и он ребром ладони провел по горлу.— До сих пор воюем по ночам.

— Да я...

— Вот поэтому уезжай,— перебивая брата, буркнул Семен.— Недельку поживешь. Пусть мать с батей успокоятся, а потом соберешься и уедешь. Здесь не будет житья.

— Как батя с мамкой?

— Тяжело было,— покосившись, сказал Семен.— Батю подчистую списали после ранения. Приехал, кожа да кости. Мать радовалась, что живой вернулся, а ночами плакала. Сама болеет, и его выхаживала. И соседи проходу не давали, когда слух прошел, что ты в плену всю войну пробыл, а потом еще в лагерь отправили. В глаза одно говорили, а за спиной шептали — предатель.

— Но я же...— возмутился было Матвей.

— А ты хотел, чтобы тебя с распростертыми объятьями встречали, да? — не выдержал, психанул Семен и ударил крепким кулаком по ступеньке.— А ты заслужил? Люди устали от войны, от смертей, от похоронок. Сам знаешь, что в деревне разговор будет короткий. В плену был? Был! Работал на фашистов? Да, работал! Значит, предатель! Получил лагерь? Да, получил. А потом еще срок добавили и на поселение отправили. А почему? Значит, в чем-то была твоя вина, о которой не хочешь рассказывать. Вот и пораскинуть умом, что должны про тебя говорить люди, что должны думать мы — твои братья и сестры, как пережили это родители и как в дальнейшем переживут. А вот ты не задумывался над этим, нет. Прикатил, и грудь колесом. Ишь, кум королю, сват министру! Сам же видел, какую встречу на крыльце приготовили. Это еще цветочки увидел. А мог бы на лютики полюбоваться. Радуйся, что отлуп не дали, что сразу взашей не выгнали, а сначала решили поговорить. Посмотреть, что у тебя на душе. А тебя пожалели мужики. Да. Из-за бати и матери пожалели, а не будь их, сразу бы салазки завернули. Почти все мужики из деревни прошли войну, многие не вернулись, почти в каждом дворе похоронки, а то и две, даже по три есть, а некоторые вообще остались без кормильцев, и ты должен понять, как к тебе будут относиться, что с тобой будет, если останешься,— Семен выбросил окурок.— В общем, поживи несколько дней, побудь с батей и матерью, пусть порадуются, а потом забирай свою бабенку и уезжай отсюда. Новую жизнь начинай в другом месте. А здесь, в деревне, не тревожьте людей, не злите. Иначе будет беда. Большая беда.

И развернувшись, Семен зашел в дом и захлопнул дверь.

Матвей долго сидел, курил папироски одну за другой, о чем-то думал, а потом застонал: тяжело, протяжно и безвыходно.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ОХОТНИК
(глава из повести)

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член Союза писателей России.

Осень одна тысяча восемьсот шестьдесят второго года выдалась дождливой и холодной. Уже в начале сентября, едва успели собрать урожай с полей, как небосвод затянуло свинцовыми тучами, и начались затяжные дожди, превратив вскоре почву в грязно-серую непроходимую жижу.

Ехавшая из уездного города повозка, едва свернув с почтового тракта на проселочную дорогу, увязла в грязи, и тащившая ее молодая кобыла тяжело задыхалась и сбавила ход. Сидевший на козлах старый извозчик слегка и беззлобно подстегнул ее вожжами. «Но-о-о, пошла-а-а, пошла-а-а!» — понукал он, потрясая большой лопатообразной бородой, и лошадь, выдавливая копытами раскисшую земляную кашу, отфыркиваясь и хрипя, начала с еще большим усердием тащить повозку, с каждым шагом кивая от натуги головой. Вскоре, оставив позади себя размякшие от воды поля, овраги и балки, повозка въехала в раскинувшееся за перелеском небольшое сельцо и, промчавшись мимо крестьянских изб, крытых соломой сараев и амбаров, мимо покосившихся изгородей, остановилась у избы волостного старшины. Ямщик повернулся к сидевшему в повозке средних лет мужчине с чисто выбритым подбородком и аккуратными усиками.

— Здеся, господин почтмейстер, — указал он кнутовищем на избу.

Мужчина сошел с повозки и, прижимая к груди небольшой портфель, направился к дому. Не обращая никакого внимания на лающую на него собаку, он поднялся по ступенькам на крыльцо дома и постучал в дверь.

— Кто там? — послышался из-за двери простуженный мужской голос.

— Почтовая корреспонденция, — прокричал через дверь почтмейстер.

За дверью загремели засовом, и дверь со скрипом открылась. На крыльцо вышел лет семидесяти крестьянин с огромной до пояса бородой.

— Чего надобно, мил человек? — спросил он.

— Волостной старшина мне нужен, — ответил приехавший.

— Стало быть, я и есть волостной старшина, — кивнул головой крестьянин.

— Не брешь? — недоверчиво спросил почтмейстер, сощурился глазами.

— Чай не псина я какая, чтобы брехать. У меня, стало быть, и документ от земского начальства имеется, проходи, почитаешь, набось грамошный, — проговорил крестьянин, пропуская приехавшего гостя в дом.

Почтмейстер вошел, снял синюю форменную с кокардой фуражку, огляделся по

сторонам, ища взглядом вешалку, но не увидев ее, положил фуражку на стоявшую у печи длинную скамейку.

— Вот гляди — документ от земского начальника. Тута писано, что я самый и есть — волостной старшина. Тута на ей все, как и полагается, и рукоприложение самого земского начальника и печатка его имеется, — не без гордости в голосе произнес старшина, протягивая гостю лист бумаги. — По какому же делу прибыть изволили, господин почтарь? Не по полицейскому ли?

— По военному ведомству требование для тебя имеется, — произнес приехавший, ставя на стол портфель и доставая из него пакет из твердого серого картона с сургучной на нем печатью.

— Нужлижь опять война приключилась?! — испуганно спросил старшина, понизив голос.

— Типун тебе на язык! — в сердцах произнес гость. — Рекрутов будешь из деревень собирать по набору военному.

— Слава тебе, Боже наш! — облегченно вздохнул старшина, а то я ужо подумал, не иначе как опять с турком драться надоть. — Матрона! — позвал он жену, и из-за натянутой вдоль комнаты шторы вышла небольшого роста покрытая платком полноватая женщина и стала перед мужем. — Поди, растопи огонь в печи и поставь кипятку, — приказал он ей, — господин почтарь озяб с дороги, надоть его горячим чайком напоить, — но та продолжала стоять, с любопытством рассматривая гостя. — Иди же, сказал тебе! — прикрикнул он на жену, и та, потупив в пол взгляд, направилась к печке. — Вот глупая баба, только глазами бы ей полупить и ничего не делать. Всюду глаз да глаз нужен. А затем вновь повернулся к приехавшему. — Как звать-величать?

— Александром Васильевичем, — ответил гость.

— Ляксашка, стало быть, как царя нашего! — улыбнулся старшина. — А меня Тимофеем кличут.

Волостной старшина Тимофей Евграфович Михайлов был из местных вольноотпущенных крестьян. Отслужив двадцать пять лет в армии в должности денщика батальонного командира, он закончил службу в звании унтер-офицера пехотного полка и, несмотря на уговоры его батальонного командира, дворянина, который тоже увольнялся со службы, поехать с ним в его имение и стать его дворовым человеком, не согласился.

— Помилуйте меня, господин подполковник, домой меня тянет, в родные места, там и матушка моя с баткой схоронены, и деды мои. Отпусти, вашбродь, я вам верою и правдою служил, и еще послужил бы, кабы не конец службе моей. Таперча меня шибко в мою родную деревню тянет. Так тянет, что иногда аж в груди ломотит. Пришла, стало быть, моя пора домой возвращаться к родни моею, а у вас и без меня своей дворни хватает. Отпусти, дорогой мой, Сергей Иваныч, — Тимофей встал перед батальонным командиром на колени. — Отпусти, отец родной!

— Что ты, Тимофей, голубчик, разве же так можно, встань немедля, — подбежал к Тимофею подполковник и, схватив его подмышки, рывком поднял на ноги. — Ты же меня раненого под пулями от турок на себе уносил, это же я перед тобою на коленах ползать должен, а не ты, — подполковник взглянул Тимофею в глаза, они были полны слез. Тимофей плакал беззвучно, по-мужски — одними глазами. — Полноте тебе, Тимофеюшка, голубчик, полноте, негоже нам, солдатам, слезы лить, чай не бабы мы с тобою, — проговорил батальонный командир, отворачивая от старого служаки и свои повлажневшие глаза. — Видать, расходятся наши с тобою пути-дороги. Ты был хорошим солдатом и денщиком был хорошим, привык я к тебе, Тимофеюшка, столько-то лет вместе все беды и радости делили. А ежели и обидел когда, не поми-

най лихом, видит Бог, не со зла то было, а в сердцах. И знай наперед, ежели что не срастется у тебя там, в деревне твоей, приезжай ко мне, где находится мое имение, знаешь, приму как родного. Отпиши только мне на бумаге, авось грамоте обучен, а я сам тебе помогу с переездом ко мне. Ну, брат, давай обнимемся, что ли, на прощание.

Вернувшись в родное сельцо, Тимофей привез с собой жену и троих детей. Всего же у него было пятеро детей. Старший сын Аким служил унтер-офицером в крепости «Верная», что в азиатских краях стоит на пересечении шелковых путей, не пропуская из Китая и Афганистана караваны различных имамов, шейхов и беков, навьюченных запрещенным товаром, а средний Дмитрий остался служить солдатом в том же пехотном полку, где служил и сам Тимофей. Младший, названный в честь отца Тимофеем, вскоре по приезду женился на дворовой девке местного помещика и ушел в батраки, работая от зари до зари на помещичьих земельных угодьях. Выдав со временем замуж младших своих дочерей — Домну и Варвару, стал Тимофей доживать свой век с женой. Увидев в отставном унтере степенного и хозяйственного мужика, к тому же знающему грамоту, сельское общество на очередной сходке предложило ему стать исполняющим делами волостного старшины, взамен заболевшего по старости девяностолетнего вольноотпущенного крестьянина Тита Гордеевича Михайлова, родного дяди Тимофея по отцовской линии. После того, как Тимофей был утвержден в должности земским волостным начальником, Тит Гордеевич передал племяннику волостные дела и отдал ему печать, а сам, будучи человеком набожным, уехал в близлежащий монастырь, где исповедовался своему духовнику — отцу Пимену, причастился, пособоровался и, вернувшись домой, спокойно во сне отошел в мир иной.

Стоявший на печи самовар запыхтел, и Матрона, обхватив его фартуком, поставила на стол.

— Закуску на стол накрой, глупая баба, и литровку достань, нужлишь мы один чай пить будем? — недовольно проговорил Тимофей, исподлобья глядя на жену. — Да выйди на улицу и кликни извозчика, пуцай тоже малость согреться, что же он тама под дождем зябнет, — приказал он жене после того, как она выставила на стол бутылку с белой мутной жидкостью.

Запустив в избу холодный сырой воздух, вошел ямщик.

— Мир дому сему, — с порога проговорил он, потопав грязными сапогами и снимая с себя мокрую накидку, а затем пригладил рукой волосы и мокрую черную бороду.

— Милости прошу за стол, — пригласил его Тимофей. — Как звать-величать?

— Игнатом, — ответил ямщик, — затем, помолившись на образа, сел на краешек скамьи и, взглянув на хлопотающую у стола Матрону, смущенно отвел взгляд в сторону, побряхтел и убрал под стол огромные ручищи.

— Стало быть, по рекрутскому набору пожаловать изволили, господин почтарь? — похрустывая соленым огурцом после выпитой стопки завел разговор Тимофей.

— Да, распоряжение для тебя имеется от уездного рекрутского старосты, о проведении очередного рекрутского набора, — ответил тот.

— А чего же самолично пожаловать изволили, а не прислали распоряжение по почте, как бывало раньше?

— Велено так. Нарочным сказали доставить с распискою о получении письма.

— Понятно, стало быть, — произнес Тимофей и вновь потянулся к бутылке.

— А скажите мне, Ляксандр Василич, ежели енто не секретное дело, давно ли на почтовой службе состоите? — вновь задал вопрос уже слегка захмелевший Тимофей.

— Лет семь, как состою, — ответил почтовик. — А что спросил, так или что иное смущает во мне?

— Нет, нет, упаси Бог, ничего худого, ваше благородие, не извольте подумать.

Так спросил, из-за любознательности,— замахал руками Тимофей и вновь потянулся к литровке.

— С меня достаточно,— проговорил почтовый служащий и прикрыл стопку белой, не знающей грязной работы ладонью.— Достаточно,— повторил он.

— Ну, а мы с Гнатом еще выпьем,— сказал Тимофей, обращаясь к извозчику.

— Почему же не выпить? Можно и выпить,— кивнул тот головой и взял в руки стопку. Затем повернувшись к иконе, вновь перекрестился и залпом выпил. Крякнув, взял из миски щепотку квашеной капусты и, запрокинув голову, положил ее к себе в рот. С хрустом стал жевать, роняя с мокрых губ остатки на стол.

— А что, Гнат, хорошее ли жалование получают нынче извозчики на почтовой службе?

— Слава Богу, на жизнь хватает. Вот когда я в губернии извозничал, то получал меньше. Есть седуки, али их нету, все одно — хозяину три рубля в месяц отдай. Стало быть, сколько навозишь господ, столько и получишь. Сколько получишь, столько и поешь, а то иной раз и в питейный дом не сходишь, неначто. Таперча на почтовой службе в ямщиках оно лучше. Таперча жалование дают. Бывало, что и кобылу с конюшни не выводил, а жалование оно все же положено. Вот тебе, Гнаша, жалование твое положенное. Ни много ни мало, а два рублика получи,— начал рассказывать о своей службе опьяневший Игнат, с удовольствием пережевывая капусту.— Давай, что ли, Тимофей, еще винца-то влей, а то чавойто я никак не согреюся.

— Может, хватит тебе уже, Игнат Протасыч? И так пьян уже сидишь. Забыл совсем, как зимою спяна сани опрокинул и чуть было не замерз в сугробе,— недовольно проговорил Александр Васильевич.

— Да что ты, барин?! Я еще тверезай совсем. Даже не согрелся как следоваить. Как перед Богом говорю, тверезай,— повернувшись к почтовому служащему, проговорил Игнат, и в подтверждение своих слов перекрестился.— Вот те крест, тверезай.

Однако Тимофей и сам уже заметил, что Игнат изрядно опьянел, а потому решил трапезу заканчивать.

— Ну, что же, давайте это ваше распоряжение, а я руку приложу,— произнес он и, встав из-за стола, полез в верхний ящик комода, где он хранил печать волостного старшины.

Получив предписание, Тимофей расписался в толстой книге, которую ему дал для росписи почтмейстер, а затем долго дышал на печать, после чего аккуратно приложил ее к своей подписи.

Почтмейстер закрыл книгу и убрал ее в портфель, затем надел фуражку.

— Честь имею! — сказал он и, взяв под козырек, направился к выходу.— Пошли, Игнат, хватит трапезничать, нам с тобою еще несколько сел объехать надо,— сказал он, поторапливая извозчика, увидев, что тот продолжает сидеть за столом.

— Иду, вашбродь, иду,— закивал тот головой, продолжая жевать.— Будь здрав, Тимофей, и ты, Матрона, будь здрава, храни вас Бог,— поклонился он хозяевам и направился к выходу.

— Ангела-хранителя и вам в дорогу,— проговорил Тимофей, провожая гостей. А когда они ушли, он засобирался.

— Ты куда это собираешься-то? — спросила у него Матрона.

— В волость поеду, в правление, по важному государевому делу! Вот так-то! — ответил Тимофей, подняв вверх указательный палец.

Анатолий Коновалов

(д. Хмелинец Елецкого района Липецкой области)

ЧТО БЫЛО, ТО НЕ БУДЕТ ВНОВЬ

(новелла)

Родился в семье лесника 6 октября 1946 года в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (политолог).

Член Союза российских писателей, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов. Избран действительным членом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Автор 27 книг прозы и публицистики.

1

После окончания театрального сезона артисты труппы Московского Художественного академического театра во главе с Константином Сергеевичем Станиславским приехали погостить в Михайловку — родовое имение известной в России династии Стаховичей. Владельцем его был Александр Александрович Стахович — Тайный советник, Шталмейстер Двора Его Императорского Величества.

Один из его сыновей, Алексей Александрович, и пригласил своих коллег подышать свежестью первозданной природы, послушать нежный шепот деревьев, полюбоваться десятками экзотических кустарников барского парка на берегах живописной, с родниковой водой, реки Пальна.

Для этого был важный повод. Сын хозяина усадьбы, когда ему перевалило за пятьдесят лет, поступил на сцену известного и знаменитого далеко за пределами России театра.

Это редчайший, если не единственный, случай в российской театральной истории. Алексей Стахович пришел на сцену после того, как вышел в отставку в чине генерал-майора. С юных лет его жизнь была связана с армией. В двадцать два года окончил Николаевское кавалерийское училище. Слыл блестящим офицером, красавцем. Являлся адъютантом Великого князя Сергея Александровича. После поражения России в Японской войне решил оставить воинскую службу.

На судьбу генерала в отставке повлияла его дружба с Алексеевым-Станиславским. Константин Сергеевич, известный в основном по фамилии Станиславский, создал в 1898 году вместе с Немировичем-Данченко Московский Художественный академический театр. Он-то и предложил своему другу после военной карьеры попробовать силы на... сцене и исполнить первую в своей жизни роль князя Абрезкова в «Живом трупце». Его типаж, по мнению Станиславского, уж очень по внешним данным, темпераменту подходил для этого героя пьесы. Дебют оказался удачным.

Потом он уже в основном составе МХАТа играл Репетилова в «Горе от ума», Степана Трофимовича в «Бесах»...

Это событие и решила отметить труппа театра в живописном уголке российской глубинки — Елецком уезде Орловской губернии.

Был и еще один повод, почему не мог отказаться от любезного приглашения Стаховича к тому времени очень известный руководитель театра и основоположник сценического реализма, получившего впоследствии название системы Станиславского. В 1906 году художественный театр из-за труднейшего финансового положения оказался на грани закрытия. Тогда своему другу и пришел на помощь Алексей Александрович. Он упросил отца — известного российского коннозаводчика и крупного землевладельца, страстного любителя и знатока театра, более пятидесяти лет дружившего с Л. Н. Толстым — выделить крупную сумму денег, чтобы покрыть издержки МХАТа и спасти его от бесславного конца. Это еще больше сблизило Станиславского и Стаховича.

Актеров пальновская земля встретила радушно...

* * *

Среди гостей Стаховича была и актриса театра Мария Николаевна Германова — женщина необыкновенного таланта, но своеобразной актерской философии. Она от души восторгалась барской усадьбой. Имение ей показалось громадным, с конным и кирпичным заводами, больницей и школой, родильным приютом и школой кустарных кружев, маслобойней и ткацкой мастерской. Ее удивило, что все тут было заведено очень широко, элегантно и богато.

Но больше всего ее очаровал парк — большой и старинный, с которым знакомил Марию Николаевну и Константина Сергеевича Стахович младший. Каждое дерево, каждый цветок, аллея или просто тропинка казались Германовой дивными, сказочными. Среди вековых деревьев есть, казалось, какая-то таинственность, загадочность, притаившееся диво. Вдоль идеально ухоженных дорожек стояли замшелые каменные скамейки и белые статуи греческих богов и богинь. Парк по крутому склону спустился к речке. К ней также вела аллея, в конце которой, к своему очередному удивлению и восхищению, Мария Николаевна увидела на высоком постаменте бюст Пушкина. На серо-красном граните было высечено обращение Старика к Алеко из поэмы «Цыганы»:

*«К чему? Вольнее птицы младость;
Что в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь».*

— Любезный, Алексей Александрович, в честь чего здесь присутствует Александр Сергеевич?

— О! Мария Николаевна, этому послужил счастливо-трепетный случай в жизни бабушки и дедушки. И он произошел в начале мая 1829 года. По крайней мере, так моему отцу рассказывал его папенька Александр Иванович...

— Очень любопытно! — проявил интерес и Константин Сергеевич.

— Алексей Александрович, откройте нам завесу той истории! — сгорала от нетерпения Германова. В ее глазах, казалось, ярче, чем на небе, искрилось солнце. Пушкин был ее кумиром, и любой, даже незначительный, доселе неизвестный ей штришок его жизни вызывал у нее неподдельно жгучий интерес.

2

Село, которое получило первоначальное название от реки Пальна, было родовой вотчиной столбовых дворян Перваго. Знатный в России род возник от первого конюшего Великого князя Василия Темного. Видимо, и фамилия Перваго пошла от этого — «первого конюшего».

Имение по тем временам считалось одним из крупнейших не только в Орловской губернии. Оно насчитывало более трех тысяч десятин земли и делилось рекой Пальна примерно на две равные части.

В екатерининские времена Василий Осипович Перваго завещал старшему сыну Михаилу правобережную часть имения, получившую затем название по имени наследника — Михайловка. Левая часть досталась бездетному младшему сыну Алексею. Эта уже стала называться, естественно, Алексеевкой.

У Михаила Васильевича была красавица дочь Надежда. Она получила великолепное образование и воспитание, живо интересовалась поэзией Жуковского. А потом зачитывалась стихами Пушкина. От его таланта она была в восторге.

Когда Надежда Михайловна вышла в 1819 году замуж за полтавского помещика и артиллерии капитана Александра Ивановича Стаховича, отец ей подарил Михайловку, которая и стала почти на столетие родовым гнездом Стаховичей.

С замужеством и рождением двух сыновей и дочки интерес к поэзии Пушкина почему-то вспыхнул с большей силой. Хорошим знатоком литературы, особенно польской, был и ее муж Александр Иванович. Это и не удивительно, ведь его родовые корни польского происхождения. А уж когда женился, полностью разделял увлечение жены творчеством Александра Сергеевича.

Этот экскурс в историю своего рода Алексей Александрович для Станиславского и Германовой сделал не случайно перед тем, как объяснить появление в их парке бюста поэта.

— До дедушки и бабушки дошла весть, что Пушкин проездом из Москвы на Кавказ, куда его отправляли в ссылку, должен остановиться в Ельце. Так это и произошло. Александра Сергеевича довольно прохладно приняли на постоялом дворе в доме № 20 на углу улиц Орловской и Рождественской, все же ссыльный тот был. Поэту, как позже поделился он впечатлением о Ельце с моими предками, кроме великолепия многочисленных церквей и собора, больше ничего в уездном городе не понравилось. Настроение черными тучами в его душе клубилось.

Наступил последний месяц весны. Но еще не зацвели яблоневые и вишневые сады. На улицах города грязно, неуютно. Александру Сергеевичу хотелось быстрее покинуть этот городишко, хотя и на Кавказ особого желания торопиться не возникало.

В этот момент и осмелились пригласить в свое имение поэта супруги Стаховичи. Они, если Пушкин окажет им честь, прислали за ним в Елец самую лучшую тройку породистых лошадей, запряженных в бричку — легкую, с плетеным кузовом, кожаным верхом и внутри обитую красной тонкой кожей.

Душевная хандра, отвратительное настроение ссыльного поэта, видимо, и повлияли на то, что он не отказал любезному приглашению елецких помещиков.

3

Дом Стаховичей, который построен в начале восемнадцатого века, Александра Сергеевича особо ничем не заинтересовал. Да и возведение его было не завершено, а как потом выяснилось, особняк и не собирались достраивать.

Дело в том, что проездом из Москвы на Юг обещалась заехать к Василию Осиповичу Перваго императрица Екатерина I. Большак — дорога из столицы на Кавказ — проходил в четырех верстах от барской усадьбы и по землям имения Перваго — через Трегубово на Елец. Столбовой дворянин и решил выстроить дом специально для царствующей особы и ее пышного приема. Но та по каким-то причинам изменила свой маршрут и не заехала в Пальну. Василий Осипович с расстройством забросил стройку.

А вот парком Пушкин был восхищен. Александр Иванович показал ему скрытую небольшую пустыньку, или так называемую «меланхолическую сцену». Она была

окружена густым лесом. Здесь иногда уединялась хозяйка усадьбы с томиком Жуковского, а в последнее время чаще всего со стихами Пушкина.

— У Вас же тут, Александр Иванович, первородная Россия! — воскликнул поэт.

— Но Вы, Александр Сергеевич, не видели еще всего нашего парка,— был доволен Стахович, что на его знаменитого гостя оказала такое впечатление местная природа.

Хозяин и гость пробрались сквозь чащобу парковых насаждений и оказались на лужайке, которая простиралась до правого берега реки. От земли, украшенной первой зеленой майской щетиной травы, струился легкий, почти прозрачный парок, настоящий на свежести и сладком аромате прибрежных и разбуженных весной трав.

А левый берег Пальны был высокий и крутой. Он порос непроходимым, начинающим светло-зелено дымиться, кустарником, над покровом которого контрастно возвышались свечи тополей и мощные, пока без листвы, ветви дубов.

Складывалось впечатление, что крутые черные склоны бережно охраняли спокойное течение небольшой речки, в зеркальной глади которой отражались косы ивняка и постоянно меняющиеся картинки проплывающих на повеселевшем от яркого солнца небе причудливых облаков.

Подавали голоса одни из первых певчих перелетных птиц в этих краях — жаворонки. В зарослях кустов и деревьев давали знать о своем прилете трелями и цоканьем пока «холостяки» соловьи.

От свежести, чистоты дыхания природы у гостя чуть кружилась голова. Он глубоко дышал, запрокинув курчавую голову и закрыв глаза. Казалось, его беспокойная и истерзанная за последнее время душа обрела легкие и широкие крылья...

...Он не переставал любоваться парком.

— У Вас, Александр Иванович, в парке такой интерьер, словно его создавал не садовник, а художник,— у Пушкина глаза впервые за последние дни посветлели.

— Только с небольшим уточнением, Александр Сергеевич,— расцвело улыбкой лицо Стаховича.— Наш садовод рисует не красками, как художник, а живыми деревьями, кустарниками и цветами...

И это было не красным словом хозяина усадьбы. В парке деревья подрезаны и выращены так, что они походили на вазы, бокалы, пирамиды.

Александр Иванович добавил:

— У нас садовод не просто художник — он архитектор, он угадывает образ, который не создала по каким-то причинам сама природа. Лично я здесь вижу и контрасты, и естественную красоту, и в какой-то степени философию...

Пушкин посмотрел на Стаховича глазами, полными света и удивления:

— Александр Иванович, а вы не пробовали писать стихи?

Тот ответил шуткой:

— Писать так, как Вы, я не смогу, а сочинять плохо — людей смешить не хочу.

Александр Сергеевич заразительно захохотал.

Весело беседуя, господа незаметно возвратились к дому с парковой стороны.

Пушкин неожиданно для Стаховича остановился и замер. Он смотрел на дуб, который рос рядом с домом. Дереву было наверняка более ста лет. Его ствол нельзя измерить одним мужским обхватом. А мощные ответвления дерева... прикованы цепями к обручам на главном стволе.

— Какой великан!

— Этот дуб посадил Василий Осипович Перваго — дедушка Надежды Михайловны.

— А почему он в таком убранстве цепей? — удивление не покидало поэта.

— В него попала молния и расщепила его. А это первое дерево, которое посадил родоначальник усадьбы Василий Осипович, и оно являлось для него и сейчас считается для нас своеобразным талисманом крепости родовых корней и одновременно, по

русскому поверью, символом гостеприимства. Чтобы его сохранить, и решил батюшка Надежды Михайловны «заковать» раненое дерево в цепи...

Дуб на Пушкина произвел какое-то таинственное впечатление. Вполне возможно, что именно тогда у Александра Сергеевича зародились строчки:

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

Поэт долго сидел под ним, о чем-то думал, а, может, сравнивал свою жизнь с этим расщепленным деревом. Он так же прикован «цепями обстоятельств» к той судьбе, на которую обрекли его столичные власти и завистники. И ссылка на Кавказ — незримые цепи на его свободе и вольнолюбивой душе...

...Но возвращался Пушкин из Пальны в Елец таким, будто в его настроении солнечные зайчики плясали.

В тот же день смотритель докладывал голове города Ельца, что как-то странно выглядел «столичный стихоплет».

Блюститель порядка спросил у Александра Сергеевича:

— Неужели, Ваше сиятельство, клад изволили найти, что так сияете?

— Клад не нашел, а богаче стал, — ответил загадочно весело Пушкин.

— Это как же прикажите вас понимать? — допытывался слишком подозрительный смотритель.

— Очень просто. Познакомился со Стаховичами. Замечательные, скажу вам, люди...

...Алексей Александрович на какое-то мгновение прервал свой рассказ о тех событиях. Смотрел то на Станиславского, то на Германову. Они с таким интересом слушали Стаховича, что вроде бы перестали дышать. Но темперамент и необузданная женская любознательность взяли верх над Марией Николаевной.

— Но мы в Вашей усадьбе, Алексей Александрович, никакого дуба с цепями не заметили?

— И не могли.

— Почему?!

— Он сгорел в злополучные события 1905 года. В губернии, в том числе и в нашей усадьбе, произошли известные на всю Россию волнения. Обезумевшие крестьяне поджигали барские дома. Языки пламени коснулись и нашего особняка. А тот дуб рос в нескольких метрах от него. Пострадал сильно дом, а дуб превратился в пепел. Вот такая трагедия подстерегла того великана. Дом-то мы быстро восстановили, а пепел от дуба разнесли по округе ветры. Но в усадьбе есть дуб, который тогда посадил сам Пушкин. Предусмотрительный был Александр Сергеевич — прикопал дубовый саженец метрах в пятидесяти от дома. Ему уже исполнилось семьдесят лет, он по своему великолепию и росту догоняет тот — с цепями. Я его вам обязательно покажу...

— А как и когда здесь бюст появился? — вновь задала вопрос Германова.

Стахович улыбнулся:

— Я еще, любезная Мария Николаевна, не все про расщепленный дуб сказал.

— Извините меня, Алексей Александрович, за переполняющее душу любопытство.

— Да полноте Вам извиняться, Мария Николаевна.

Станиславский опустил голову и почему-то слегка ухмыльнулся. А Стахович продолжил вспоминать то, что ему рассказывали его родители.

— Мои дедушка и бабушка, потом и родители утверждали, что только наш пальмовский дуб навел поэту сюжет дивного стихотворения «У лукоморья», но это была всего лишь их красивая и желанная легенда. Пушкин написал то стихотворение за 92

четыре года до посещения моих предков. Но совершенно точно то, что Александр Иванович и Надежда Михайловна в память о пребывании в их усадьбе Великого Поэта поставили в начале сороковых годов вот этот — первый в России — бронзовый бюст. После смерти Александра Сергеевича официальные власти более двадцати лет «считали нежелательным» увековечение его в бюстах или памятниках не только в двух российских столицах, но и в губернских центрах. Потому пальновский бюст Пушкину долгие годы был еще и единственным в России. Я удовлетворил Ваше любопытство, Мария Николаевна?

— О! Да! — поспешила та с ответом.— Хотя мне непонятно, почему на постаменте высечены вот эти строчки и особенно нижняя из них: «Что было, то не будет вновь»?

— Этого не знаю. Но, скорее всего, это какая-то загадка Пушкина или моих предков...

Своя реакция на услышанный рассказ была у Станиславского. Он молчал какое-то время, изящным движением среднего пальца левой руки поправил пенсне, потом в задумчивости произнес:

— Более семидесяти лет нет в живых Александра Сергеевича, а мы и по сей день не можем отгадать его многие загадки...

— Что Вы имеете в виду, Константин Сергеевич? — любопытству Германовой вряд ли был предел.

— Я по долгу своей деятельности и просто дружу со многими современными писателями и поэтами. И вот один из них рассказал мне совсем недавно удивительную историю, связанную с именем Пушкина...

— Константин Сергеевич, я надеюсь, Вы ее от нас не утаите?

— Да разве можно что-то утаить от такой женщины, как Вы, Мария Николаевна? — этот большой, с густой взлохмаченной сединой на голове, человек излучал доброту и какое-то особое тепло.

Та в ответ только одарила мужчин очаровательной улыбкой.

4

— Я не могу отвечать за точность деталей той истории, расскажу так, как мне ее преподнес мой знакомый литератор,— Станиславский вроде бы извинялся,— может, это всего лишь удивительная легенда...

...Княгиня Елизавета Воронцова — жена наместника Кавказа генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова — была очарована не только творчеством Пушкина. Во время ссылки Александра Сергеевича на Кавказ их отношения переросли в близкие.

Когда настало время поэту покинуть Кавказ и ее горячие объятия, она подарила ему перстень. На его внутренней стороне имелась гравировка из трех слов.

— Душа моя Лизонька, что означает сие выражение?

На глазах Воронцовой янтарной росой выпали слезы. Казалось, тоску разлуки ничем невозможно было измерить.

— Ни один российский знаток иероглифов мое любопытство не удовлетворил,— огорченно вымолвила она.

— Но откуда тогда появился этот дорогой перстень с загадочной гравировкой? — интерес у Александра Сергеевича возростал.

— Его подарили моему мужу, когда он участвовал в турецкой кампании, а он мне...

— Но мне неудобно принимать такой подарок,— искренне говорил возлюбленный княгини.

— Не разбивайте на осколки мою душу, Александр Сергеевич, она и без того черная. А эти иероглифы пусть будут всегда напоминанием Вам обо мне и моем лю-

бязем сердце. Считайте эти непонятные знаки на перстне моим заклинанием вечной любви к Вам и Вашему безмерному таланту...

Расставание для обоих было тягостным. Но Пушкин все же принял подарок Воронцовой...

...Снял с трудом тот перстень Александр Сергеевич с пальца перед самой смертью после дуэли. У постели умирающего поэта неотлучно был его друг — писатель, этнограф и языковед Даль.

— Владимир Иванович, у меня к тебе будет просьба,— с трудом говорил Пушкин,— прими от меня вот этот перстень. Его мне подарила замечательная женщина. Она заклинала мне любовь. Я хочу, чтобы ты как языковед перевел то, что там выгравировано на внутренней стороне. Не получится это у тебя, пусть тогда те иероглифы будут моим заклинанием нашей вечной дружбы...

Он больше ничего не смог сказать своему другу. Силы его покидали. Так Владимир Иванович стал обладателем самого дорогого для него подарка.

Но как ни старался Даль перевести, что было написано на перстне, так и не смог. Не помогли ему и российские специалисты по иероглифам, к которым он обращался.

Умирая в 1872 году, он попросил, чтобы пригласили к нему его близкого друга Тургенева, который к тому времени был известен своим творчеством не только в российских, но и европейских писательских и светских кругах. Даль очень высоко ценил его романы «Накануне», «Отцы и дети», успел прочитать последнюю его повесть «Вешние воды».

Тургенев незамедлительно к нему прибыл.

— Иван Сергеевич, перед смертью...

— Да что Вы, Владимир Иванович, говорите такое? Мы еще с Вами повоюем на писательской ниве,— попробовал пошутить Тургенев.

— В Вас я, дорогой друг, не сомневаюсь, что Вы покорите не одну самую высокую творческую вершину. А вот для меня они уже только призрак. Но я не за этим попросил Вас приехать ко мне,— Далю явно было трудно говорить.

— Внимательно слушаю Вас, Владимир Иванович,— Тургенев видел, что, как ни прискорбно, дни его друга сочтены.

— Вот этот перстень принадлежал Великому Поэту современности Пушкину до его смерти. Он подарил его мне. Умирая, я хочу передать его Вам — Великому Писателю...

— Но это Вы, Владимир Иванович, незаслуженно так высоко меня поднимаете на вершину Парнаса,— покраснел Тургенев.

— Поверьте, Иван Сергеевич, я что-то в литературе понимаю. Потому примите мой подарок...

Тургенев не мог отказать ему в предсмертной просьбе.

...Иван Сергеевич последние годы своей жизни провел во Франции. И его попытки узнать, что начертано на перстне, тоже не увенчались успехом.

Это смогла сделать только Мишель Полина Виардо-Гарсиа. Певица, испанка по происхождению, в основном выступала в Париже, но гастролировала и в других городах Европы.

В 1843 году ее меццо-сопрано звучало в Петербурге. Тогда-то и услышал ее начинающий поэт, автор поэмы «Параша» Иван Тургенев. В его душе воспламенился к этой женщине огонь платонической страсти, который не угасал сорок лет — до самой смерти. Но она уже была замужем. Ну и что? Он же не добивался ее плотской любви? О его «странном» чувстве к жене знал муж Полины Поль Виардо, но это не мешало ему дружить с Тургеньевым. Иван Сергеевич подолгу жил в их доме, ездил вместе с супружеской четой на гастроли певицы...

Он умер в местечке Буживаль под Парижем в августе 1883 года.

Рядом с ним находилась Полина Виардо. Она его любила такую же любовью, какой он любил ее. Их чувства были прозрачными, чистыми, никем до конца так и не разгаданными.

— Полина, Вы знаете, что на этом свете не было у меня человека дороже Вас. Потому я хочу сделать последний в своей жизни подарок — вот этот перстень. Он когда-то принадлежал Пушкину. Его ему подарила Елизавета Воронцова, которая унесла любовь к Александру Сергеевичу с собой в могилу. На этом перстне есть иероглифы, которые Воронцова считала своим заклинанием безмерной любви к Пушкину. Пусть они будут заклинанием и моей любви к Вам...

В ответ на ее глазах появились капельки влаги...

...Во Франции, уже после смерти Тургенева, она все же отыскала знатока языков — араба по происхождению. Тот смог расшифровать, как она ему сказала, «заклинание». Когда он это сделал, заулыбался и глубоко удивил Мишель Полину:

— Мадам, никакого заклинания на Вашем перстне нет.

— Как?

— Очень просто! На нем выгравировано имя его хозяина — арабского султана, только и всего...

Но тот перстень после этого не потерял свою ценность для Виардо. Для нее он был самым дорогим, бесценным напоминанием чуда, которое люди загадочно называют «платоническая любовь».

А в начале двадцатого века восьмидесятилетняя Полина Виардо все же решилась с ним... расстаться. Она его передала в Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии Наук, завещая:

— Этот перстень когда-то принадлежал знаменитым российским поэтам и писателям. Я хочу, чтобы он был наградой лучшему литератору России.

В Отделении русского языка и словесности развернулись горячие споры: кому вручить награду — перстень? В основном на него было два претендента — Лев Николаевич Толстой и Иван Алексеевич Бунин. Говорили, что по этому поводу началась грязная закулисная борьба. Кампанию в поддержку Бунина возглавил его старший брат, известный столичный журналист Юлиан Алексеевич.

Братья Бунины все же смогли склонить чашу весов в свою пользу. Тем более в 1909 году Ивана Алексеевича избрали академиком Петербургской Академии Наук. И награждение его перстнем приурочили к тому событию...

...Станиславский сделал паузу в своем рассказе. На его крупном лице появилась широкая и лучезарная улыбка.

— Посчастливилось же Бунину обладать такой наградой! — подала голос Германова.

Константин Сергеевич не сдержался, засмеялся.

— Я что-то сказала смешного? — растерялась Мария Николаевна.

— Извините ради бога, голубушка,— почувствовал неловкость Станиславский, но улыбку с лица не стер.— Украли тот перстень!

— Как? — почти одновременно воскликнули и Германова, и Стахович.

— Накануне вручения перстня Бунину его похитили, и, как меня уверял мой знакомый литератор, его судьба по сей день неизвестна...

— Каков Пушкин?! — загадочно и задумчиво произнесла Мария Николаевна.

— А при чем тут Пушкин? — не понял ее Стахович.

— А Вы, Алексей Александрович, прочитайте нижнюю строчку на постаменте.

Тот незамедлительно пробежал глазами по отрывку из поэмы Пушкина, который почему-то решили увековечить на постаменте его дедушка и бабушка. Взгляд замер на нижней строке:

«Что было, то не будет вновь»...

В годы гражданской войны в России Германова эмигрировала во Францию. Блистательная актриса, известный в эмигрантских кругах режиссер, очаровательная женщина на удивление всем своим друзьям, воздыхателям по ней начала проповедовать в искусстве, а позднее и жизни... одиночество. Была глубоко уверена, что оно — великая вещь. Но, когда одиночество перестает быть аскетичным, оно становится волей вольной или гибельной свободой, особенно когда отгораживается от всего земного благополучием. Зато, когда одиночество становится трудным, оно поднимает душу. А с успехом и деньгами оно может стать гангреной эгоизма.

Иногда, правда, начинала ее душа метаться, тосковать о простой жизни, о семье. Но она так и не смогла жить простой жизнью, разучилась там — за границей — ладить с людьми. Жила поспешно, суетливо, хлопотно, утомительно, как будто репетировала какую-то неподходящую для себя роль. Но в стараниях найти верный тон своей жизни Германова все время переигрывала, металась из одной крайности в другую.

Только в 1940 году, перед самой смертью, Мария Николаевна в своих, написанных и изданных в Париже, воспоминаниях признается, почему спутником своей жизни она избрала одиночество. Ей не хватало матери, подруги, самого любимого — России! За граница же была для нее мачехой, а она Золушкой на балу чуждой для нее жизни...

«Что было, то не будет вновь» — часто она вспоминала строчку, выбитую на гранитном постаменте бюста Пушкина в парке Стаховичей.

«Боже мой, как это было давно и как близко и трепетно для моей души...», — писала она.

В ее воображении все чаще в последние годы жизни всплывали чудные мгновения, когда она уходила одна из особняка Стаховича, спускалась по аллее к реке, к нему — Пушкину. Присаживалась на скамеечку напротив бюста, мечтала, думала о своих необъятных творческих планах после блистательно сыгранной ею роли Грушеньки в «Братьях Карамазовых», о неземной любви, да мало ли чего такого рисовала тогда ее кипучая фантазия.

И вот она оказалась вдалеке от тех мест. С ней произошло какое-то чудо — она болезненно влюбилась в... образ Пушкина, столетие со дня его гибели считала чуть ли не своей личной трагедией, ежегодно со свечами, богатым столом отмечала день рождения Александра Сергеевича как самый великий праздник в жизни. Германова читала и перечитывала каждую его строчку. Вспоминала слова, когда-то сказанные Станиславским, что Пушкин многим поколениям оставил множество загадок. В этом теперь и она была глубоко убеждена.

Иначе чем объяснить то, что, когда она читала в парижской квартире его стихи, чувствовала запах воздуха России, ее земли. Она вроде бы видела в парке Стаховичей солнечные пятна на узенькой, песчаной парковой дорожке, ведущей к бюсту ее возлюбленного. Нет, нет, Мария Николаевна представляла себе не холодный бронзовый лик Пушкина на берегу речки, а что она вместе с Александром Сергеевичем идет по пальмовской аллее и он читает ей стихи.

К ней почти через тридцать лет, как наяву, приходило в воспоминаниях то лето 1910 года, когда она в последний раз приезжала вместе с труппой МХАТа в Пальну.

Да, деревня летом — рай. Все в ней, как в раю. В поле цветы неземной красоты, душистые. Все жужжит, благоухает, все наполнено тонкой, нежной, русской сладостью земли. Кругом необозримые дали, пажити, луга. Синюют далекие-далекие полосы лесов. Небесный свод широк, высок. И все-все: каждая травка, каждый жучок — говорит на русском, теплом-теплом, родном-родном языке. А может, все это также чувствовал и Пушкин в мае 1829 года? И ему, как и ей, жизнь в Пальне казалась привольной, ласковой? И, наверное, ему также было уютно смотреть в окно особняка Стаховичей, затемненное душистой и сочной зеленью высоченных деревьев.

Вспоминала с блеском в глазах и улыбкой, словно это было несколько мгновений назад, как приставленная к ней хозяйевами дома служанка приносила по утрам большой серебряный поднос с маленьким серебряным самоварчиком, в котором был кофе. Она любила пить его горячим-прегорячим с настоящими сливками, своим домашним маслом и сдобными и еще горячими булочками. Так это было все по-русски, по-барски...

О, Боже! Какая у нее была жизнь! Теперь все изменилось: годы, люди, отношения, иностранцы, свои, чужие. Не жизнь, а салат какой-то. И не разберешь из чего, из кого. Вроде бы она стоит на мертвой точке своей эмигрантской жизни, потеряла в ней и аромат, и вкус, и смысл...

И опять в ее воображении вставал постамент и слова на нем: «Что было, то не будет вновь»...

...Она всю эмигрантскую жизнь старалась узнать у тех литераторов, артистов, людей «голубых дворянских кровей», которые также покинули Россию после Октябрьского переворота, хотя бы что-то о пропавшем перстне Пушкина. Что он когда-то принадлежал другим людям, ей даже и в голову не приходило. Может, и права была Мария Николаевна. Если бы не Александр Сергеевич, никто бы о том перстне никогда и не знал, а тем более вспоминал.

Но он загадочно исчез...

До конца своих дней о его злополучной судьбе она так ничего и не узнала. Не рассеялся густой туман неизвестности о той, почти вековой давности, пропаже и нам, современникам, в начале двадцать первого столетия.

Не долетела черная весть до Германовой и еще об одной загадке, связанной с именем ее любимого поэта...

6

...Исчез с постамента бронзовый бюст Пушкина. Потом и гранитный постамент постигла та же участь. Произошло это летом 1919 года.

В имении Стаховичей хозяйничала уже новая власть. Ушли в мир иной его законные владельцы. В феврале 1913 года умер Александр Александрович. В том же месяце только через шесть лет покончил жизнь самоубийством его сын — Алексей Александрович. Потому стать на защиту бюста, а точнее памяти о Великом Поэте, было некому...

Предшествовало тому событию решение крестьянского съезда Елецкого уезда «О защите революции». Согласно ему объявлялась мобилизация на фронт и укрытие от наступающего корпуса конницы генерала Мамонтова хлеба, скота, ценностей.

Руководство Елецкого уезда, местный комитет бедноты в Пальне-Михайловке (советская власть переименовала село Пальна именно так) додумались спрятать и бронзовый лик поэта. Им, наверное, дорог был не сам бюст, а несколько пудов чистой бронзы.

Существовало две версии того, куда исчез бюст. Одна — официальная комитета бедноты: активисты от большевиков аккуратно сняли его с постамента, обмотали мешковиной и сбросили в реку Пальна до лучших времен. Другая версия, о которой перешептывались селяне, отличалась от официальной. Председатель комитета бедноты с сыновьями убрал бюст с постамента и действительно обмотал его мешковиной, но в реку прятать не собирался. Куда он его схоронил — селяне не знали.

Ладно, бюст представлял историческую и материальную ценность, но вряд ли высоко образованный генерал Мамонтов надругался бы над изваянием того, кто являлся гордостью России. А уж даже вообразить, что он прихватил бы с собой еще и...гранитный постамент, вовсе нелепо. Но и камень угодил в укромное место, о котором знал только главный активист из комбеда.

Отряд корпуса Мамонтова побывал в Пальне в конце августа 1919 года. Но уже в

первых числах сентября под натиском бойцов Красной Армии он потерпел поражение и начал отступать в Южном направлении. В Пальне белогвардейцы успели расправиться с некоторыми активистами советской власти, угнали с собой породистых лошадей бывшего конного завода Стаховичей. Председатель комбеда с сыновьями где-то скрывался в те дни и появился в селе только после отступления мамонтовцев.

Но ни бюст, ни постамент на свое прежнее место не возвратились в том 1919 году. Почему?

Отвечать на вопрос тогда было не до этого, да и никто его и не задавал. Шла гражданская война. А в тридцатые годы в Пальне-Михайловке, как и по всей России, началась всеобщая коллективизация, раскулачивание крепких крестьян. Потом грянула Великая Отечественная война. Кому какое дело было до какого-то бюста, если в тяжелейших боях решалась судьба социалистической России...

...Но все же вспомнили о нем, когда Александру Сергеевичу исполнилось 150 лет со дня рождения, — в июне 1949 года.

Водолазы чуть ли не до сантиметра исследовали дно реки, где по официальным данным должен был находиться бронзовый лик поэта. Но ни бюста, ни постамента так и не нашли. И до нынешнего дня его местонахождения остается загадкой.

А, может, Пушкин еще тогда предвидел: «Что было, то не будет вновь»?..

7

...Но бюст Пушкина в Пальне-Михайловке все же... появился. Семья Стаховичей, а точнее, живущие за пределами России потомки Александра Ивановича и Надежды Михайловны, гостем которых был Великий Поэт, на свои средства заказали елецкому скульптору Н. Кравченко бюст Александра Сергеевича, который по архивным документам напоминал тот, сороковых годов девятнадцатого столетия.

В 2000 году его установили и торжественно открыли в присутствии представителей рода Стаховичей, но не в заросшем и неухоженном бывшем барском парке, которым любовался когда-то Пушкин, а у входа в Пальна-Михайловскую среднюю школу, и на постаменте выбиты не строчки из поэмы «Цыганы», а выгравировано: «Пушкину — Стаховичи».

Сегодняшним детям, жителям бывшей усадьбы Стаховичей Александр Сергеевич с постамента напоминает о себе, что он вновь пришел в край, где рос когда-то у лукоморья дуб зеленый, а люди чувствуют прелесть его неисчезнувшей тени, и их сердца бьются с волнением, потому что не все загадки, связанные с именем Пушкина, отгаданы. И будут ли отгаданы? Не случайно ведь он предрекал:

«Что было, то не будет вновь...»

Алина Ульянова
(г. Королев, Московская область)

ЖИВАЯ РЕПРОДУКЦИЯ

Родилась в 1986 году в подмосковном наукограде Королеве (бывшем Калининграде). С отличием окончила Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (МЮИ при МЮ РФ). Стажировалась корреспондентом на местном телевидении «Королев ТВ». Публиковалась с рассказами в литературных журналах «Приокские зори» (г. Тула), Автограф (г. Донецк), «Гостиная» (США), «Кольцо А» (г. Москва), «Edita» (Германия), альманахах «Земляки» (г. Нижний Новгород), «Новый Континент» (США). Серебряный призёр IX городского конкурса на соискание литературной премии имени С. Н. Дурылина в номинации «Проза».

Денис поглядывал на время:

— Успеваем. И запас есть. Часа через полтора мы на месте.

— Не факт,— заметил Андрей.— На дороге что угодно может приключиться.

— Типун тебе на язык,— в ужасе произнес Денис.— Эта телега и так доверия не внушает, если рассыплется — придется чинить подручными средствами? Хорошо, осень еще, не зима. На улице хоть не замерзнем.

Водитель со стажем Андрей и молодой экспедитор Денис отправились в первую совместную командировку — перевозить на «ГАЗели» груз из родного Ярославля в северный регион. Уже семь часов они были в пути.

Денис достал телефон:

— Связи нет... Эвакуатор не вызвать и никуда не позвонить, случись что...

Андрей посмотрел на Дениса осуждающе:

«Зануда... И паникер, каких мало. Чему быть, того не миновать... Смысл заранее переживать?..»

Андрей с армии сделался фаталистом, иначе бы не взялся крутить «баранку» по ухабам страны. За десять лет в профессии кого, что и на чем он только не возил. Андрей работал и таксистом по межгороду, и личным шофером, и в «дальное» насмотрелся на всякое. Даже с «костлявой» встретился лицом к лицу. После такого свидания его ничего уже не страшило.

Вцепившись в смартфон, Денис нервно стучал пальцем по дисплею.

Андрей усмехнулся, глядя на него, и быстро перевел глаза на дорогу. На ней что-то лежало, преграждая путь. Андрей сбавил скорость и затормозил. На узкой двухполоске с густыми насаждениями по обочинам широкое препятствие не объезжалось ни справа, ни слева.

Поперек асфальтового полотна валялось бревно. По-видимому, вылетело из прицепа фуры на ходу. На севере России лесозаготовкой занимались активно и груженные свежим «спилом» КамАЗы попадались на здешних трактах часто. И вроде бы ничего сверхъестественного в бревне не было, если б не одно «но». Как на знаменитой кар-

тине Шишкина и Савицкого его облюбовали три бурых мишутки. Два поменьше, один покрупнее.

Денис оторвался от экрана девайса:

— Что случилось? Почему не едем? — приник он к лобовому стеклу испуганно, но тут же расплылся в милой улыбке.— Андрюха, смотри! Мишки! Какие забавные!

Зверьки выглядели совсем безобидными и ручными, будто сбежали из цирка, а не вылезли из чащи.

— Пойдем, погладим? — чуть ли не в ладошки захолопал Денис от радости.— Вся его боязливость мгновенно испарилась... Старший по возрасту Андрей волю глупым эмоциям не давал. Он всегда сохранял трезвость ума и мыслил рационально.

— Нет. Покидать машину не советую. Я, конечно, не зоолог, но опыт кинозрителя мне подсказывает, что где-то рядом бродит взрослая особь... А это не шутка... «Оскар» тому актеру из Голливуда дали не зря.

Медвежата тем временем резвились друг с другом, кувыркались, перекатывались туда-сюда.

Денис направил на них камеру смартфона:

— Грех не заснять! Выложу фото и видео в сеть. Миллион просмотров соберет!

Сработала вспышка. Щелкнул затвор.

Пока Денис баловался, Андрей прикидывал, что предпринять.

Отбуксировать бы бревно и ехать дальше, но вот как... Мешали животные.

Стороннее присутствие абсолютно не беспокоило мохнатых, и домой они не топились.

Андрей почесал затылок.

Соображая, он глянул мельком в водительское окно и замер. «В зобу дыханье сперло»...

На краю леса, у обочины, грозно стоя во весь рост и опираясь лапой о ствол дерева, точно человек об косяк, за малышами наблюдала медведица-мать.

— Тааак... Давай-ка убирай свой аппарат, и не свети им,— не сводя глаз с возникшей угрозы, махнул Андрей увлеченному фотографу.

— Сейчас, сейчас. Еще кадр сделаю.

— Да убери ты телефон, дуралей! — резко обратившись к Денису, грубо толкнул его в плечо Андрей.— Не привлекай внимание!

— Кого? — воскликнул Денис недоуменно, потирая ушибленную руку.

— Ее! — указал Андрей на медведицу.— Не приведи Господь, нападет. Задерет, к ядерной фене, и кабина нас не спасет. Медведи ружья перекусывают, не поморщившись, а с листом металла и подавно расправятся.

Денис побледнел. Пихнул гаджет куда-то под себя и вжался в сиденье.

— Что будем делать, Андрюха? — проговорил он шепотом.

— Подождем, пока семейство не умотает восвояси. Потом попробуем откатить бревно. Иначе мы здесь до Нового года прокукуем.

— А зачем ждать? Разворачиваемся и дуем обратно! Наплевать уже на график. Жизнь дороже,— задрожал Денис.

— На глазах у матери маневр рискованный. Подумает, отпрысков ее хотим обидеть — и приплыли... Неведомо, что у нее на уме. Бегают она шустро. А наша колымага покаааа разгонится... Лучше зверя не дразнить и затаиться.

Денис понимающе кивнул.

— И что им в бору не сиделось... — досадовал Андрей.

— А если медведь на нас все-таки кинется? — терзал его Денис.

— Надеюсь, обойдется. Но если вдруг... Включаю заднюю, и, бог даст, ускользнем... Иного варианта не нахожу.

Дениса ответ не обнадежил. Он еще глубже вдавился в кресло.

Андрей держал ноги над педалями сцепления и газа, а руку на рычаге. Двигатель он не выключал, и это его тревожило. Тарахтел старый «Соболь» будь здоров, нарушая природную тишину, к которой явно привыкли лесные обитатели. По крайней мере, Андрей считал, что лишний звук — это плохо.

Денис воодушевился:

— У нас подкрепление! — заметил он автомобиль в боковом зеркале.

Андрей хмыкнул:

— Ага... Да, да... У нас проблемы. Нас «заперли».

Отрезав путь к отступлению, легковушка встала за «ГАЗелью». И ладно бы просто встала себе и встала, так нет, начала еще и гудеть на всю Ивановскую.

— Вот идиот. «Замолчи!» Разуй глаза! — схватился за голову Андрей, готовый выскочить к бестолковому и «объяснить», что он играет с огнем.

— А, может, правильно, что сигналист? Вдруг отпугнет косолапых? — предположил Денис.

Андрей призадумался:

— Черт знает... Может, и правильно... Может, тот водила с палатками в тайге ночевал и памятку туриста штудировал.

Шофер легковушки жал и жал на клаксон, однако, трактовать как-либо реакцию животных на это представлялось затруднительным: медведица позу строгой родительницы не меняла, и малышей будто ничего не волновало.

Но скучать всяко не приходилось.

На горизонте тоже появился автомобиль, который по встречной полосе двигался к месту затора. Когда по ту сторону от лежачего «шлагбаума» подъехавший внедорожник остановился, его владелец за рулем — то ли самоуверенный герой, то ли безумец, то ли попросту слепотня — вылетел из салона выяснять, что стряслось.

Сердце заколотилось. Андрей затормозил Дениса:

— Дениска, Дениска! Опустит стекло и крикни этому камикадзе, чтобы немедленно запрыгнул в свой тарантас! Нельзя подходить к медвежатам! Мать ринется их защищать!

Сам Андрей, находясь под ее зорким оком, предостеречь об опасности никак не мог.

Встрепенувшись от внезапной паники Андрея, Денис судорожно закрутил ручкой на пассажирской двери, выполняя приказ старшего товарища.

— Эй, парень, — высунулся он в окно аж на полкорпуса. — Залезь в машину, живо! Уйди с дороги! Рядом с тобой огромный медведь! Не уйдешь, он тебя убьет! — не жалея горла, заорал Денис.

Его истошный голос заставил бы любого тотчас засверкать пятками, и недавний смельчак превратился в жалкого труса, с «квадратными глазами» заскакивая в автомобиль.

— Если еще кто-нибудь отважится сегодня испытывать судьбу, я, пожалуй, откажусь от роли ангела-хранителя. Нервов не хватит... — промокнул Андрей пот, выступивший на лбу. — На счастье этого безголового, у него джипарь высокий... Не заметила мамаша за ним, что кто-то около детей мельтешил...

После солидной встряски Андрей не сразу пришел в себя, а Денис, напротив, приободрился, ощутив причастность к спасению человеческой жизни.

Успокоившись, Андрей оценил обстановку. Водила сзади не прекращал неистово бибикать при том, что дикий вопль Дениса слышал наверняка. Не услышал бы его разве что глухой. Хотя и это, конечно, не исключалось. В настоящей ситуации, напоминавшей комедию абсурда, Андрей ничему не удивлялся. И даже слуховым галлюцинациям. Казалось, откуда-то доносился гул. Гул нарастал. Громыхало все сильнее и сильнее, загремело уже над головой, а потом загрохотало чудовищно. Небо будто

разверзлось. Набежавший ветер кренил кроны деревьев, а воздух рассекали длинные лопасти.

Вертолет завис в облаках и опустился над хвойным массивом максимально низко.

Похоже, прочесывая окрестности, пилот заинтересовался странной пробкой на пустой дороге и решил разобраться в причинах. Наверяд ли он поспешил сюда, чтобы сбросить веревочную лестницу жертвам хищника с острыми когтями.

Медвежата заревели беззвучно (так как парящий монстр заглушил собой все вокруг), закопошились, забыв о пиломатериале, по которому лазали, и стремглав драпанули к маме, словно по ним зарядили очередью.

Воссоединившись, семья суетливо повернулась к лесу передом, к людям задом и скрылась в дремучих зарослях.

Метод от противного или Андрей, действительно, чего-то не знал?..

Едва бурая чета распрощалась с братьями млекопитающими, водитель автомобиля-сирены вышел из него, отсалютовал стальной стрекозе, мол, порядок, и направился к «ГАЗели» с выражением лица плута, объегорившего простофиль. Он постучался в окно шоферской двери Андрея.

— Ну вы как тут, ребята? Нормально? Ууух, и пострадала нас Потаповна с топтыжками,— улыбался крепкий мужичок.

— А мы не боялись. Чего нам бояться,— бравируя, ответил Андрей невозмутимо.— Мы выжидали, пока медведи удержат. Они и удрали.

— Эээ, ребята, ребята... Сами они не удрали бы. Повезло, подмога сверху удачно подоспела. Без нее неизвестно, чем бы дело кончилось.

Вертолет, между тем, набрав высоту, отбывал на базу.

— Николай,— протянул новый знакомый руку сначала Андрею, потом Денису, продолжив.— Я, когда еще пацаном в походы ходил, на ус намотал: мишка шум не любит. Инструктировали нас так. Потому я гудел, гудел, да все без толку. Дорога-то близко — привыкло, видать, к машинам зверье... А винтокрылый-то уж шороху навел — мигом животину разогнал.

Андрей поджал губы.

Стыдливо признаться, что поднять гвалт не догадался бы и вообще должен благодарить фортуны, он, разумеется, не стал и сменил тему на преграду транспортному движению. Одна проблема исчезла, но вторая актуальности не утратила.

— Николай, как думаешь дерево к обочине оттащить?

— Да что тут думать-то? Вас двое мужиков. Я мужик. И вон впереди тоже мужик. Только пуганый: прячется и трясется, как косой,— захохотал Николай.— Схожу к нему, успокою маленько. А то, гляди, окочурится от страха.

Николай был прав. Вчетвером они сдвинули бревнышко играючи.

Расчистив проезжую часть, слаженно сработавшие «напарники» пожали друг другу руки, пожелали доброй дороги и поехали каждый в своем направлении. «Трусоватый камикадзе» на джипе во встречном, Николай в попутном, обогнав на проворной легковушке тихоходную «ГАЗель». Мигнув по-приятельски фарами, вскоре он пропал из виду.

Денис, не расставаясь со смартфоном, ежеминутно считал то просмотры ролика про трех медвежат, то «лайки» фотографий с ними, а Андрей рулил и размышлял: «Вот и еще история в копилку. Впору писать книгу — «Случай на маршруте», цикл рассказов. И ребенку читать по одному на ночь».

.....

И, кстати. Невзирая на вынужденную задержку, груз был доставлен вовремя.

Николай Макаров
(г. Тула)

ТУЛЯКИ — МИНСКИЕ СУВОРОВЦЫ В АФГАНИСТАНЕ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОДСЧЕТЫ АЛАМПИЕВА

Алампиев Валерий Алексеевич, родился 14.01.1956 года в городе Добруш Гомельской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Давай считать.— Начал разговор Валера Алампиев...— ух, опять эти пани-братские привычки: никак не избавлюсь от них...— в общем, начал разговор гвардии подполковник запаса Валерий Алексеевич Алампиев.

— Давай.— Соглашаюсь сразу.

— Учился в трех военных учебных заведениях...

— По твоим знакам угадаю с первого раза: Суворовское, Рязанское десантное и Академия Фрунзе.

— Верно: Суворовское — в Минске, Рязань — само собой и Военная академия имени Михаила Васильевича Фрунзе.

— И чего было считать — всего до трех-то?

— Считаю дальше: служил в трех дивизиях — Витебской, Псковской, Тульской...

— Опять получается — три дивизии...

— Плюс три бригады: Николаевская, Актагайская в Средней Азии, Уссурийская...

— Снова — три...

— Еще — ООНовский батальон в Югославии.

— Не хило!

— Не забывай Афганистан и Чечню.

— Короче — «военным туризмом» ты сыт по горло.— Подвожу черту под его подсчетами.

— А — то!..

— Про Афганистан.

— Два года службы в Витебской дивизии и 11 декабря нас поднимают по тревоге: куда, зачем, когда — никто ничего не знает. Десятого срочно приняли присягу у «молодых». Обычно присягу принимали в подразделениях, а тогда приехавшие офицеры из частей принимали прямо в учебном центре дивизии одновременно у всех. Загрузили в самолеты: Ил-76 и Ан-22. С мытарствами добрались до Ташкента: вылетали — было минус двадцать, прилетели — плюс двадцать. По Цельсию, естественно.

— К этому времени знали наверняка, куда «дальняя дорога легла»?

— Пока три дня «жарились» в Ташкенте, слухи «шатались» среди личного состава: или Иран, или Афганистан, или Пакистан. Один «ташкентский» туман. Наконец — всему когда-то приходит этот самый конец — нас подняли в воздух и войска оказались на аэродроме в Энгельсе, где через три дня выдали карты Кабула. Тогда-то и стала всем понятна наша цель. Сели клеить карты, вспоминая школьные познания про эту страну.

— Да, бывает и так, что окольный путь оказывается короче прямого.

— Три дня передышки и двадцать седьмого декабря — мы в Кабуле...

— Твои самые первые впечатления об Афганистане.

— Готовились к самому худшему варианту развития событий, но наши советники свою задачу выполнили на «отлично с плюсом», обеспечив нашу посадку в Кабульском аэропорту без выстрелов.

— Дальше.

— Об остальном столько всего написано-переписано...

— Как я понял...

— Правильно понял.— Из дальнейшего нашего разговора — наша беседа растянулась на добрых три с половиной часа — я узнал столько новых фамилий людей, с кем приходилось учиться и служить Алампиеву, что сходу всех и не запомнил. Тем более, что о каждом человеке, так или иначе пересекавшему пути Валерия, он рассказывал подробно, давая меткие характеристики каждому.

— Тебе и не к чему их запоминать. Вспомнил молодость, тем более такого внимательного, не смотрящего поминутно на часы, у меня, считай, и не было.

— И на том — спасибо.

— Если нужна моя помощь — обращайся...

— Стоп! — Сам себе сказал я, уже взявшись за ручку двери кабинета Алампиева.— Пару слов о своей теперешней работе.

— Уволился из Армии в 2001 году. И столько несправедливости, обмана, порой — подлости творилось по отношению к уволенным в запас — пришлось самому столкнуться с подобным явлением,— что возникла мысль о создании общественной организации, которая бы и отстаивала права наших с тобой коллег.

— Полностью одобряю твой выбор.

На том и расстались до новых встреч.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями; имеет первый разряд по футболу.

О Минском суворовском военном училище.

Расположено в центре Минска. Рядом с училищем — Белорусский государственный оперный театр, ВДНХ Белоруси, Дворец спорта, Парк культуры и отдыха имени партизана-школьника Героя Советского Союза Марата Казея, набережная реки Свислочь.

НАЧАЛЬНИК ТЫЛА

Бабушкин Сергей Александрович, родился 22.09.1949 года в селе Перевозное Воткинского района Удмуртской АССР; Минское СВУ.

Биография Сергея Бабушкина, написанная им самим с небольшими изменениями и сокращениями, не меняющие смысла нижеизложенного.

...У нас в семье трое детей. Отец после рождения нас с сестрой был призван в армию. Во время срочной службы окончил курсы младших лейтенантов и уволился из

рядов Советской Армии в звании полковника. Мама всю жизнь проработала воспитателем в детском саду. Старшая сестра проработала всю жизнь врачом. Младшая сестра закончила трудовую деятельность учителем в начальных классах средней школы.

Я после окончания восьми классов поступил в Минское Суворовское военное училище, которое окончил в 1967 году. В 1967—1971 годах учился в Московском ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР.

В 1971—1976 годах — служба в 108-м гвардейском парашютно-десантном ордене Красной Звезды полку 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (командир взвода, командир роты).

В 1973 году встретил свою будущую супругу. Сыграли свадьбу, через год родился сын Герман. В полку отнеслись по-человечески, дали однокомнатную квартиру, правда, без современных удобств. Дрова для печки в сарае, газ привозной. Но мы и этому были рады. Супруга — учитель химии и биологии — работала в учреждениях образования в городах по месту службы.

В 1976 году поступил в Военную академию тыла и транспорта (Ленинград). По окончании академии направлен для службы в 76-ю гвардейскую воздушно-десантную Черниговскую Краснознаменную дивизию (Псков) на должность начальника организационно-планового отделения дивизии.

В 1981—1983 годах — служба в 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул): начальник организационно-планового отделения дивизии; с 1982 года — заместитель командира 357-го гвардейского парашютно-десантного ордена Суворова 3-й степени полка по тылу.

Воспоминания об Афганистане.

В ДРА прибыл 21 ноября 1981 года.

Заместителем командира 103-й ВДД по тылу был полковник Лев Маркович Красный. Он к этому времени уже прослужил в ДРА два года и готовился к замене. Убывая в Витебск, он дал мне наказ постоянно вникать во все стороны тылового обеспечения частей и подразделений дивизии, держать на постоянном контроле наличие материальных запасов и принимать меры к их пополнению.

Пополнение запасов тыл дивизии осуществлял своими автомобильными колоннами из базы 40-й армии в Пули-Хумри и базы ТуркВО в Термезе. Кроме того, по погоде самолетами Ан-12 из Ферганы мы доставляли скоропортящиеся продукты, а также наши десантные сухпайки.

Особо Лев Маркович обращал внимание на постоянный контроль за доброкачественным приготовлением горячей пищи, еженедельным банно-прачечным обслуживанием личного состава, медицинским обеспечением, недопущением заразных заболеваний. Климат в ДРА давал о себе знать.

Подвоз запасов мы осуществляли созданными в полках автомобильными колоннами. Душманы не давали нам свободно подвозить запасы, но со временем мы решили этот вопрос. Конечно, были потери и личного состава, и техники, и материальных запасов.

Лично сам возглавлял колонны в Пули-Хумри и в Термез в декабре 1981 года. Был начальником группы обеспечения Панджшерских операций дивизии в мае и сентябре 1982 года с аэродрома Баграм. Вертолетами отправляли по заявке штаба материальные средства, эвакуировали раненых.

В сентябре 1982 года назначен на должность заместителя командира 357-го полка по тылу. Строили столовую из пяти СРМ, проложили водопровод, в том числе — и на мойку в автопарке, построили новую скважину для добычи воды, построили здание штаба полка, построили офицерскую баню.

Принимал участие в боевых выходах полка. Периодически посещал 2-й батальон в Бамиане, 3-й батальон — на позициях по охране Кабула, точки охраны нашей разведроты в окрестностях Кабула, 7-ю роту — на охране Министерства Обороны ДРА.

За службу в ДРА награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-ей степени.

В конце октября 1983 года по замене убыл для службы на Родину.

В 1983—1987 годах — заместитель начальника тыла 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (Каунас).

В 1987—1990 годах — заместитель командира 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии по тылу.

Воспоминания о Минском СВУ.

Самое светлое воспоминание осталось о моей учебе в Минском СВУ. Училище мне дало очень много. Я научился очень многому, физически окреп, научился жить в воинском коллективе. По настоящему влюбился в военную службу. После выпуска часто переписываемся с однокашниками. На 40 лет и 45 лет после выпуска из СВУ встречались в Минске в родном училище. Встречи незабываемые. Осенью 2013 года встречались в Минске на 60-летию училища.

Из книги «Записки батальонного врача».

...Бабушкин.

После полковника Жукова тыл дивизии возглавил только что окончивший Академию тыла и транспорта, подполковник Бабушкин Сергей Александрович. Умнейший и грамотнейший офицер. Суворовское училище, Московское ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР, Академию — все окончил с «золотой» медалью. Но... но — грубиян и матерщинник, каких свет не видывал. Абсолютно незлопамятный человек.

Как-то весной он уехал на очередные свои, тыловые сборы. В другую дивизию. В это время мне по своим эпидемиологическим делам пришлось выехать на наш Тульский полигон, что неподалеку от санатория «Слободка».

Приезжаю. Вижу: рота солдат в оттаявшей земле копает какую-то непонятно для чего предназначенную траншею. Один конец траншеи упирается в горловину заброшенной артезианской скважины, из которой когда-то качали питьевую воду.

Куча вопросов: кто распломбировал эту горловину? По чьему приказу направляются талые воды в эту скважину? Кто додумался до такой дури?

Спрашиваю старшего по полигону и слышу в ответ:

— Подполковник Бабушкин приказал!

Предлагаю прекратить заниматься этим неблагоприятным делом. Опасным, чреватых непредсказуемыми последствиями, делом.

Армия есть армия. Не может подчиненный отменить приказ вышестоящего командира и начальника. Предлагаю компромисс: пусть солдаты сделают перекур на 10—15 минут, а мы пойдем и позвоним комдиву.

По телефону докладываю обо всем комдиву генерал-майору Лебедю Александру Ивановичу. Объясняю, что через распломбированную заброшенную скважину в подземные воды попадет всяческая гадость, в том числе и возможные патогенные микробы.

Лебедь тоже предлагает компромисс: на сутки приостановить работы, а мне представить в письменном виде все аргументированные обоснования этих антисанитарных мероприятий, которые могут привести к вспышке желудочно-кишечных заболеваний.

Мне — что? Пара пустяков — такая работа. Заезжаю в СЭС Ленинского района: там дают справку о недопустимости подобного безобразия, дают наглядные схемы водоснабжения из артезианских скважин.

Затем заезжаю в Тульскую КЭЧ: здесь также подтверждают в письменном виде мои опасения.

Беру «буквари» по гигиене воды (не все же цифры можно помнить).

На следующий день утром докладная развернутая записка — на столе у комдива. Следует приказ начальнику полигона об опломбировании заброшенной скважины, о прекращении рытья траншеи. Также следуют нелицеприятные эпитеты в адрес подполковника Бабушкина, которые Лебедь по приезду последнего со сборов ему и выскажет.

Бабушкин после этого разговора, ворвавшись в кабинет начмеда, обвинит меня во всех смертных грехах: в моей некомпетентности, в моей тупорылости, в моем черносотенстве и т. д., и т. д., и т. п., и т. п., выражаясь десять к одному — десять ненормативной лексики к одному нормативной. И что в КЭЧ, и в этом Ленинском СЭС сидят одни уроды, ничего не понимающие и не смыслящие в водоснабжении...

Полчаса «срывания масок» завершились хлопаньем дверей...

По окончании рабочего дня, нагло ухмыляясь, он заглядывает в кабинет:

— Тебе что? Особое приглашение? Стол накрыт! Все ждут одного тебя! Начальник со сборов приехал, а это — праздник для подчиненных!

Ну, ни капли, ни каплюшечки у него не было злопамятства. Но свои ошибки, свои промахи (а у кого их нет!) он переживал на «всю катушку». Тем более ошибки, исправленные его подчиненными...

ПЯТЬ ОРДЕНОВ

Жданеня Михаил Николаевич, родился 26.02.1952; Минское СВУ.

С Михаилом, с Мишкой Жданеня (это он по службе был для меня гвардии полковник Михаил Николаевич Жданеня) я познакомился в девяностом году прошлого века, когда он пришел в нашу 106-ю десантную начальником оперативного отделения штаба дивизии. Неискушенный обыватель может задаться вопросом: «Что это такое — оперативное отделение? С чем его едят?» Штаб дивизии (вообще штаб любой военной организации) — это мозг, а оперативники (только не надо путать с оперативниками из внутренних и других органов), то есть оперативное отделение (или отдел) — это мозг штаба.

— Получается, что полковник Жданеня возглавлял мозг в квадрате.

— Ну, ты загнул.

Мы с ним сидим в комнате городской афганской организации. Или как там ее. В общем, сидим, и я слушаю его рассказ. Комната не для нас одних и проходящие-входящие посетители (ветераны-афганцы, естественно), кто на минуту, кто на большее время подсаживаются к нам и с интересом, и, конечно, со своими комментариями и замечаниями дополняют моего визави.

— Ладно, не скромничай. Но сейчас не об этом. На твоих афганских фотографиях Жданеня выглядит подтянутым стройным пацаном. Не морщись, хорошо, — юношей. А однажды на каком-то строевом смотре заместитель командующего ВДВ генерал-полковник Чиндаров... — Михаил, смеясь, перебивает меня:

— Подходит ко мне и через зимнюю десантную куртку кладет на мой непомерный живот руки и говорит: «Что это у тебя там, Михаил Николаевич?». Ты знаешь его — хохмач, каких поискать, но я не растерялся и отвечаю: «Пистолет!». Тут же, ни мгновенья не задумываясь, как будто — домашняя заготовка, он выдает: «Что-то он у тебя большой и круглый, этот пистолет!?!».

— Хохот тогда стоял — будь здоров. Правда, откуда такой лишний вес?

— Сидячая штабная работа, нарушения какие-то в организме. Ты же доктор — придумай что-нибудь.

— О медицине как-нибудь в другой раз. Я вот о чем хочу спросить. Мой отец, фронтовой разведчик, в декабре сорок первого, за месяц до своего восемнадцатилетия, был награжден орденом Красного Знамени. За подрыв вражеского эшелона с техникой. Ты, конкретно, за что был награжден таким орденом?

— Давай по порядку.

— Давай.

— Вкратце — до Афганистана, пойдет.

— Пойдет, пойдет.

— Минское суворовское — в семидесятом, военное училище в Оржоникидзе — в семьдесят четвертом, от взводного до командира батальона в Псковской дивизии — до восьмидесят второго, «Фрунзе» — в восьмидесят пятом, начальник штаба полка в Болградской — всего год, и два года, с восьмидесят шестого по восьмидесят восьмой, в Афганистане начальником штаба 350-го полка 103-й Витебской дивизии.

— Что значит штабной работник: коротко, лаконично и все понятно.

— До Красного Знамени у меня была награда: орден Красной Звезды.

— Так, начинай с этой награды.

— В принципе-то, награждали по совокупности, но так получилось, что первым орденом наградили после одной операции. На Саланге нашу колонну с продовольствием, что там скрывать, «духи» почти полностью разбили. Для выяснения обстоятельств, для оказания помощи, для эвакуации оставшейся техники послали солидную группировку под моим командованием. Прибыли на место без происшествий.

— Какие происшествия?

— Без стычек с «духами». Прибыли, а «духи» тут как тут. Нет, эти «духи» не стреляли. Эти «духи» покупали муку, сахар и все, что было в разбитой накануне колонне...

— Покупали?

— Ну, да! Прапорщик — кто же еще!? — из дорожной бригады беззастенчиво и без зазрения совести проворачивал свой гешефт.

— Прапорщик — наш, из десантуры?

— С нашим я сам бы по полной программе разобрался. Естественно, «духов» разогнали, подняли из кюветов технику, с прапорщиком «органы» начали разбираться и мы двинулись на Кабул.

— Сколько, приблизительно, км?

— Около или чуть больше ста пятидесяти километров. Не успели двинуться, как началось: стреляли с гор, стреляли из «зеленки», откуда только не стреляли — сплошной шквал огня из всех видов оружия. Так с постоянными боями и продвигались почти всю дорогу до Кабула. Прибыли. Встречает сам комдив, Грачев, а я не могу ничего ему сказать: руки трясутся, ноги дрожат, язык не слушается. Видя такое мое состояние, приказывает своему ординарцу принести из медсанбата, благо рядом стояли, спирта. Тот «мухой» притаскивает полную солдатскую кружку медицинского — выпил залпом, как воду, ничего не почувствовал, но доложил четко, что у нас потерь нет, всего двое легкораненых.

— На этом «разбор полетов» и закончился?

— На следующее утро в кабинете комдива обстоятельно докладываю о ходе операции и он предлагает наказать «духов» за такую наглость и беспредел. Разрабатываю план операции, утверждаю у Грачева и... дали, очень дали прикурить в тот раз «духам»: прочесали всю «зеленку», откуда по нам стреляли. Вскоре после этого к комдиву прибыла делегация старейшин с мольбой о перемирии, что, дескать, они

сами уже разобрались со своими отморозками. Тем более, что, когда выводили нашу разбитую колонну, потерь с их стороны было более восьмидесяти человек, а после нашей «зачистки» лучше и не говорить сколько их полегло.

— Это — в восемьдесят седьмом, а Красное Знамя?

— В восемьдесят восьмом во время операции «Магистраль» мне пришлось с господствующей высоты руководить боевыми действиями нашего полка. К ночи с «духами» было покончено и войска стали отходить в район сбора; моя БМД тоже начала «сползать» с горки и, аккуратно, при выезде на дорогу слетает гусеница.

— Картина Репина «Приплыли»?

— Точнее не скажешь. Хорошо, на дороге нас поджидали пять боевых машин. Механики ремонтируют гусеницу в кромешной темноте.

— А подсветить?

— Не успеешь включить переноску, как снайпер с гор присылает «визитку». Но к полночи все равно гусеница была поставлена на место и мы благополучно, главное — без потерь, добрались до своих.

После Афганистана Жданеня почти два года «работает пожарником» в составе Кировабадской дивизии (была тогда такая дивизия в Воздушно-десантных войсках, дислоцирующаяся в Закавказье): Сумгаит, Тбилиси, Баку, Степанокерт и т. д., и т. д. В конце девяностого года гвардии полковник наконец-то обретает относительное успокоение своей военной души.

— Не считая,— комментирует Михаил,— опять же «турпоездок» по Северному Кавказу и август 91-го в Москве.

— Тебе, наверное, «надоела» экзотика гор и тебя в девяносто втором году «заносит» в Приднестровье, поближе к молдавским винам и к твоему третьему ордену — «За личное мужество».

— Вина что на Кавказе, что в Приднестровье — реки, но окунаться в них не рекомендовано.

— Это — понятно. Твои функции в Приднестровье.

— Тирасполь — это само Приднестровье, это 14 армия, это Лебедь. Через Днестр — Бендеры — это Молдова, это враги Приднестровья. Вот в Бендерах у меня и была «непыльная» должность — комендант, первый комендант, города Бендеры. Миротворец — одним словом.

— И в чем специфика?

— Один пример. Два следователя прокуратуры — молдаванин и приднестровец. Враги не на жизнь, а на смерть. Если на дело едет молдаванин, то виноватым всегда, даже если потерпевшая сторона — приднестровец, оказывается, естественно, приднестровец. И — наоборот. Враги — еще раз повторюсь — не на жизнь, а на смерть. Принимаю соломоново решение и поселяю их в одну комнату. Вторая мера — всех заставляю питаться не в кабинетах, а в общей комнате из одного армейского котла.

— Результат?

— Через неделю следователи стали не только разговаривать друг с другом по человечески, но и «закладывать за воротник» совместно.

— Скорее всего: вначале вместе начали дегустировать молдавские вина, а потом — и разговаривать.

— Пожалуй.

Затем у гвардии полковника Жданени — московская осень девяносто третьего; две Чеченские войны и два ордена: «За военные заслуги» и орден Мужества; должность командира (первого командира) Русского батальона под эгидой ООН в Югославии и два ООНовских ордена; увольнение в запас из рядов Армии в 2002-ом; «гражданка».

— Николаич, тебе сейчас твоя новая должность — директор стадиона на Косой Горе — помогает избавляться от «большого круглого пистолета»? — все присутствующие при нашей беседе заразительно смеются.

— А то — нет? Смотри сам.

— Постройнел, ничего не скажешь. Но до афганских фотографий — далековато.

— Какие наши годы!

— И то — верно.

ДВЕ КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Киласония Олег Евгеньевич, родился 13.11.1952; Минское СВУ.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого века о нем ходили — если и не легенды, то молва шла по всем Воздушно-десантным войскам. Окончив Минское Суворовское, затем Рязанское десантное училище, молодой, стройный, симпатичный гвардии лейтенант Олег Киласония начал службу командиром взвода в Тульском 51-ом гвардейском парашютно-десантном полку. Перспектив для служебного роста не меряно.

— Я был самым старым лейтенантом, — сегодня он с иронией вспоминает свою молодость, — во всех Вооруженных Силах страны (естественно, по словам политработников из Москвы), который за пять с лишним лет службы умудрился получить три (!!!) строгих партийных выговора с занесением в личную карточку. И не только не был исключен из партии, что автоматически приравнивалось к увольнению из Армии, но между вторым и третьим выговором получил не младшего, как двое моих «товарищей» по несчастью, а старшего лейтенанта.

Да, «похождения» его гремели, как говорили, «со страшной силой». Припоминаю два эпизода из его «послужного» списка (автор на три года раньше начал службу батальонным врачом в этом полку).

...Олег, вальяжно облокотившись на трибуну, в тени смакует импортную сигарету; по периметру части солдаты его роты (5-ой парашютно-десантной роты, где он командовал нештатным батальонным взводом разведки) с полной выкладкой в летний зной отмеряют нормативные километры; исполняющий обязанности начальника физической подготовки полка, видя такое «безобразие», немедленно выполняет «прогиб» перед командиром полка.

— Обнаглел, понимаешь, совсем этот лейтенант. Солдаты бегают, а он, понимаешь, курит вразвалочку. — И преданно уставился в глаза командиру, предвкушая разнос строптивного лейтенанта.

— Другие не курят! — Следует ответ командира. — Но у них и солдаты не бегают, а прячутся по всяким «подворотням».

— Да, — смеется Олег, — «прогиб» начфиза был «не зафиксирован».

...Строевой смотр полка в зимней форме одежды; новый командир полка обходит строй офицеров и замечает у какого-то лейтенанта неуставной шарф (неуставной была только крупная нить в вязке шарфа, который Киласония, как и многие другие офицеры, купил в Московском военторге на Парадной площадке); следует диалог:

— Товарищ лейтенант, я приказываю вам выбросить этот шарф!

Выбросить, так выбросить: лейтенант снимает шарф и засовывает его в карман шинели.

— Я приказал выбросить! А — не засовывать шарф в карман! — Страсти между командиром полка и командиром взвода (полковником и лейтенантом) накалялись с каждым мгновеньем. Из-за пустяка, из-за ничего.

— Я дурацкие приказы не выполняю! — Олега тоже понесло.

— Да я, да тебя!.. — И пошло, и поехало. Могло и до рукопашной дойти. Перед строем всего полка.

Вмешалось московское начальство, переведя лейтенанта Киласонию в Прибалтику, в школу прапорщиков — «Золотой фонд» Советской Армии, на капитанскую должность. Что-то, вроде, главного кадровика этой школы.

— Но до чего же подлый народ бывает, — рассказывает Олег, — до этого приказа, пока я был простым «Ванькой» взводным, со мной ни начальник отдела кадров полка (сам недавний взводный), ни, тем более, исполняющий начфиз не здоровались. А теперь, пожалуйста, первыми руку тянут...

Оттуда, из этой школы прапорщиков, и прибыл для дальнейшего прохождения службы гвардии капитан Киласония 3 января 1987 года в 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк, в Баграм, в Афганистан.

— Первую Красную Звезду получил через полгода, в июне восемьдесят седьмого. Почти двое суток шли бои с «духами» у крепости Алихейль, в пяти километрах от пакистанской границы. Я выполнял обязанности начальника штаба полка передового командного пункта. Дали мы тогда «духам» прикурить по полной программе. «Духито» «духами», но среди их убитых часть были неграми, часть белыми из американских «зеленых беретов». Хотя и у нас были потери — семнадцать человек. — Олег тяжело вздохнул. — Но когда после окончания операции командир полка построил личный состав и спросил о потерях «зеленоберетчиков», то получил что-то неразборчивое в ответ. То ли два, то ли три человека.

— Что — так? — задаю Олегу вопрос.

— Дело в том, что на операцию личный состав уходил в форменной обуви, а на строевом смотре после боевых действий около ста человек стояли в американских кроссовках. Командир все понял об истинных потерях супостата, но вникать в подробности не стал.

— Мародерствовали?

— Нет! Это были законные военные трофеи военного времени. Брали не для продажи, брали себе, чтобы удобнее было воевать, чтобы больше иметь шансов остаться в живых. Мародерство — это когда пленных «духов» расстреливают, особенно караванщиков, а все золотишко, все камешки, всю «зелень» американскую присваивают себе. — Олег горестно вздыхает. — И эти же люди с особой яростью допрашивали своих солдат после боя, видя на их руках импортные часы. А ты говоришь — мародерство.

Через месяц после того боя Киласония получает звание — «майор».

— Вторую Красную Звезду, — продолжает вспоминать Олег, — я получил в сентябре восемьдесят восьмого. К тому времени «духи» стали более жесточенно обстреливать Кабул американскими ракетами «земля-земля» с радиусом действия до тридцати километров. Вот и пришлось этих «стрелков» отодвигать минными полями до сорока километров. И обстрел резко сократился.

Сказано всего четырьмя фразами, а сколько дорог, сколько троп исхожено в горах вокруг Кабула (справедливости ради надо отметить, что дорог, даже троп в прямом понимании этого смысла фактически и не было). Горное бездорожье плюс в любой момент засады душманов, плюс смертоносный груз в руках саперов. Но задание командования по ликвидации массированного обстрела Кабула было выполнено на «хорошо и отлично».

Перед выходом Советских войск из Афганистана гвардии майор Олег Киласония был награжден афганским орденом «Звезда». По заслугам. Это — перед выходом, а после выхода?.. После выхода все «афганцы» рвались к мирной жизни, рвались к

своим семьям. Но... но человек предполагает, а бездарное руководство страны располагает и кромсает человеческое мясо в свое удовольствие.

Так Киласония со своим 345-м полком, не успев толком расквартироваться на новом месте в Кировабаде, оказался в гуще апрельских событий 89-го года в Тбилиси.

— Ты же сам был в то время в Тбилиси,— обращается ко мне Олег (да, пришлось и мне побывать там: наша Тульская 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия на третий день беспорядков была переброшена в Тбилиси),— и эти спекуляции о саперных лопатках в руках десантников — сплошной маразм и чья-то целенаправленная клевета и заказуха. Лопатки, лопатки,— мы оба возмущаемся под стук коньячных рюмок,— команды «Фас!» не было — мы бы голыми руками утихомирили этот грузинский сброд.

Отгуляв отпуск, Олег решил увольняться из рядов разваливающейся Советской Армии разваливающейся когда-то великой Державы. Даже от предложения командующего 14-ой армией генерал-лейтенанта Лебеда занять должность заместителя начальника разведки армии с перспективой через месяц-второй стать начальником разведки, он отказался. Съездил в Приднестровье, огляделся: как в Кировабаде, так и здесь — ни жилья для семьи, ни работы для жены, ни учебы для детей (сын и дочь у него).

И зажил гражданской жизнью гвардии подполковник запаса Олег Киласония в Туле с октября 1989 года — откуда начинал свою военную стезю.

— Третий тост! — Мы встаем, молча опорожняем рюмки и дуэтом.— За тех, кто не вернулся! Кто остался за Речкой!..

Попросив Олега (или — Олега Евгеньевича?)... Нет, все же — Олега. Значит, попросив вспомнить и, при возможности, написать об «интимных подробностях» суворовских будней, я не ожидал, что он поймет буквально мою просьбу.

Он вспомнил и написал...

«Минское суворовское, 1970 год. Мне — 17 лет. 11 класс. Большая перемена на второй завтрак. Осталось немного времени, и мы с пацанами поднялись к двери на чердак покурить. Это действо грозило чреватými последствиями — три наряда вне очереди плюс месячная уборка туалета. В таких условиях не закурить выглядело верхом опрометчивости и... короче, не по-пацански.

Стоим, значит, курим. Вдруг — а как же, без вдруг? — к нам поднимается преподавательница немецкого языка Аллочка Самолетова — красавица, умница, двадцати семи лет от рода... достаточно пожилая. Все, не только суворовцы, были в нее влюблены. В пальцах вертит сигарету и говорит:

— Ну, что, преступники, дайте уж кто-нибудь прикурить!

Я, как единственный обладатель зажигалки, чиркаю. Ничего. Еще раз чиркаю — ничего. Третий раз — не зажигается фитиль, сволочь...

Аллочка, ломая сигарету и бросая ее на пол:

— Запомните, юноша: раздражить женщину и не оправдать ее надежд — это страшное преступление!

Запомнил на всю жизнь. Вот так формировались мужчины...».

Но... но, прочитав полстранички текста и зная Олега — не один год прослужили в одном, гвардейском пятьдесят первом, полку,— «загоняю ему под ногти иголки»:

— Не может быть, чтобы у этой истории не было продолжения.

— Доктор, от тебя ничего не скроешь.

«Окончив третий курс Рязанского десантного, в свой законный отпуск наведываюсь на три дня в Минск: хромовые сапоги, тельняшка в голубую полосочку, голубой берет, грудь в «орденах». Недалеко от Суворовского училища нос к носу... вот она, красавица Аллочка Самолетова.

— *Вы помните меня?*
— *Конечно, помню, только забыла имя.*
— *Давайте вспомним вместе за чашечкой кофе.*
...Вспоминали неделю, не вылезая из ее постели».
Подводя резюме, Олег счастливо улыбается:
— За свою жизнь ни разу не совершил «страшного преступления».
— И не совершаешь, надо думать, до сих пор?
— А то ж...

КРЕСТНИК МАРГЕЛОВА

Платонов Владимир Ильич, родился 06.12.1954 в деревне Бородино Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Естественно, суворовцам в десантном училище, да, пожалуй, и в любом другом военном училище, не только в десантном, служить намного проще и легче, чем школьникам. — Не давая мне перевести дух от нашей встречи (как ни как служили в одной дивизии, в одном полку), начал разговор Владимир Платонов. — И физическая подготовка, и стрельба, и строевая подготовка, и дисциплина, само собой, у нас были на голову выше. Если не хватало курсантов, поступивших в училище из армии, то командирами отделений назначали суворовцев.

В Суворовском училище школьник из белорусской деревушки оказался не случайно. Сосед-фронтовик, не раз, сидя с его отцом на лавочке и дымя самосадом, рассказывал облепившей их ребятне о своей армейской жизни. Без преувеличений и без прикрас, конечно же, не обходилось, но, тем не менее, воспоминания соседа-фронтовика, считай, с детских лет врезались в память пацанам.

— В Рязанское десантное из нашего выпуска — а выпуск ни много, ни мало двести суворовцев — поступало всего восемь человек. На распределение, и не только на наш выпуск, в Минск часто приезжал сам Маргелов и его заместитель Иван Иванович Лисов. Ведь они до Войны оба учились в Минском пехотном училище, на базе которого впоследствии и было создано Суворовское. Считай, стал крестником самого Маргелова.

Пришло время, и Платонов — в Афганистане.

— С ротой располагался в двадцати километрах от Кабула. — На секунду задумался Владимир. — Задачу имели не допускать обстрела Кабула и обезвреживать караваны моджахедов. Обычная рутинная работа.

Вот-вот, все у них, наших Афганцев — обычная работа, обычная служба. Два года этой «обычной службы». Наверное, так и надо, так определено природой: привыкание, адаптация к любым, даже невыносимым условиям армейской жизни даже в гористо-пустынной местности Афганистана, когда в любой момент может оборваться любая жизнь, в том числе — и твоя...

— Был случай. Нашей роте придали артиллерийскую батарею. И надо такому случиться, что командир батареи выехал в штаб полка в Кабул, а в батарее больше офицеров не оказалось. По закону подлости, в это время ночью душманы начали обстрел Кабула ракетами. Взял командование на себя, и сержанты-артиллеристы огнем из орудий быстро подавили пусковые установки противника. В Афганистане меня поражала меткая стрельба расчета АГС-17 без использования прицела. Видя реальную работу артиллеристов на местности, перестал удивляться. Однажды даже проверяющий чин-артиллерист из штаба ВДВ был поражен такой стрельбе без прицелов: недолет, перелет, цель — «вилка», одним словом, по артиллерийскому «букварю».

Краткая биографическая справка.

— в 1970—1972 годах — учеба в Минском суворовском военном училище;

— в 1972—1976 годах — учеба в Рязанском высшем воздушно-десантном командном дважды Краснознаменном училище имени Ленинского Комсомола;

— в 1976—1985 годах (командир взвода, командир роты) и в 1987—1988 годах (начальник штаба батальона) — служба в учебной дивизии Воздушно-десантных войск в Литве;

— в 1985—1987 годах — служба в 357-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-й степени полку 103-й гвардейской воздушно десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР в Афганистане (командир роты, начальник штаба батальона);

— в 1988—1991 годах — служба в 51-м гвардейском парашютно-десантном Краснознаменном ордена Суворова 3-й степени полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии в Туле (начальник штаба батальона, командир 3-го парашютно-десантного батальона);

— в 1991—2000 годах — служба в войсках МЧС в Тульской области;

— с 2000 года гвардии подполковник В. И. Платонов в запасе;

— награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, афганским орденом «За храбрость».

СЛОВАМИ ГЕРОЯ ОЧЕРКА

Подшибякин Вячеслав Михайлович, родился 01.05.1946 — умер 06.10.2010 в Туле; Тульское СВУ, Московское СВУ, Минское СВУ.

Автор этого рассказа — полковник в отставке Вячеслав Михайлович Подшибякин, мой хороший знакомый. Незаменимый человек в Тульской городской афганской ветеранской организации, готовый всегда прийти на помощь своим товарищам. А потому, что он сотрудничает со многими газетами и журналами, то я попросил его написать о себе самому — флаг, то есть перо,— ему в руки.

Выпускник Минского суворовского военного училища, Бакинского военного общекомандного училища, Военного Краснознаменного института Министерства обороны. В 1983—1985 годах — начальник отделения спецпропаганды 40-й армии. Принимал участие в арабо-израильской войне (октябрь 1973 года), боевых действиях в Афганистане (1983—1985) и Эфиопии (1989—1990), нормализации обстановки в «горячих точках» Закавказья (Сумгаит, Нагорный Карабах, Баку).

БУДЕМ ЖИВЫ!

Как-то вечером у меня в квартире зазвонил телефон. Трубку взяла жена (у нее всегда в это время «пятиминутка» с подругами). Через секунду протянула трубку мне:

— Тебя. Из Москвы. Блохин. Говорит, твой одноклассник по суворовскому училищу.

Я схватил трубку:

— Саша, привет!

— Старик, в следующее воскресенье быть в Москве на юбилее у Володи Фетисова, ему исполняется 60 лет.

«Старик» — это не фамильярность, а мой, так сказать, псевдоним в суворовском училище. Однажды кто-то из одноклассников позаимствовал у меня без спроса журнал «Юность» с повестью Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками» о школе юнг

на Соловецких островах. Журнал мне по великому благу, как активному читателю, всего на один вечер дали в училищной библиотеке. Обнаружив после ужина пропажу, я имел неосторожность заорать на всю спальню: «Ребята, где моя «Юность»! На что тут же получил ехидный ответ: «В стенах суворовского училища, старик». Так в 11 лет я стал для моих друзей «стариком».

За праздничным столом нас, бывших суворовцев 1-го взвода 7-ой роты, собралось всего несколько человек. Жизнь разбросала моих одноклассников по всей России, странам ближнего и дальнего зарубежья. У каждого своя судьба, своя дорога.

Стал академиком РАЕН, доктором технических наук, генеральным директором одного из академических научных центров Саша Блохин. Закончил службу генерал-лейтенантом, начальником управления РЭБ Генштаба ВС РФ Валера Володин. Блестящую карьеру военного дипломата сделал полковник ГРУ Юра Куликов. Вырос до ответственного работника правительства Москвы Игорь Федюнин. Нашел себя на партийном поприще в партии «Родина» (ныне «Справедливая Россия») Женя Игумнов. Хорошо известен в Москве в кругу специалистов в области металлов и сплавов директор крупного предприятия Женя Ваганов. Издал сборник стихов наш «инженер человеческих душ», поэт и переводчик Володя Елисеев.

Выпили за юбиляра, ведущего конструктора научно-конструкторского бюро «Искра» Володю Фетисова. Почтили память ушедших из жизни одноклассников — туляка Витю Монахова, москвичей братьев-близнецов Васю и Николая Сычевых, Олега Восселя, Толика Селезнева.

От меня потребовали объяснений, куда я исчез после окончания суворовского училища. Рассказал, что окончил Бакинское ВОКУ, служил в Закавказском военном округе сначала в Джульфе — командиром отдельного разведвзвода полка, потом — заместителем командира отдельной разведроты 75-ой мотострелковой дивизии в Нахичевани на советско-иранской границе. В 1970 году поступил на японское отделение спецфакультета Военного института МО СССР. После окончания — Дальневосточный и Забайкальский военные округа, Афганистан, Главное командование войск Южного направления, Эфиопия.

В конце вечера Саша Блохин достал гранки своих еще неизданных мемуаров. Во вступительной статье и подписях под фотографиями фамилии всех ныне покойных (моя — в том числе) взяты в черные траурные рамки.

— Извини, старик, тебя мы явно поспешили похоронить.

Слухи о моей гибели появлялись неоднократно. Впервые это случилось еще во время арабо-израильской войны в октябре 1973 года. Тогда всех слушателей старших курсов ВИМО привлекли для полетов в качестве радистов-бортпереводчиков на самолетах ВТА в Сирию и Египет. Меня направили в Тульский полк ВТА. До моих одноклассников дошел слух о том, что самолет, на котором я летал, не то сбит израильской авиацией, не то загорелся над Средиземным морем и судьба его экипажа неизвестна.

Действительно, в Сирии при посадке в аэропорту Дамаска один из наших самолетов попал под налет авиации Израиля. Ракеты «Шрайк» с израильского истребителя поразили кабину самолета. Были ранены правый пилот и штурман. Экипаж был эвакуирован.

Мы в это время летели в Каир с ракетами для ЗРК египетских ПВО. Над Средиземным морем на нашем самолете вышел из строя один из четырех двигателей. При его отключении техник самолета допустил грубую ошибку, в результате которой была нарушена работа всех навигационных приборов. Командир принял решение возвращаться на аэродром подскока в Венгрии. Вслепую сделал разворот и взял обратный курс. Мне приказал запросить в аэропортах на острове Крит, в Афинах и Брин-

дизи возможность аварийной посадки. Услышав наш «Мэй Дей» (SOS по международному коду радиопереговоров в авиации), американцы немедленно подняли с авианосца, находящегося в Средиземном море, два истребителя. Дальше мы долго летели крыло в крыло с «почетным эскортом». Время от времени американские летчики демонстрировали нам наличие ракет «воздух-воздух» на своих самолетах.

Комиссия Главного командования ВВС признала решение и действия командира соответствующими сложившейся в момент возможной аварии обстановке, а содержание моих радиопереговоров со службами воздушного контроля государств-членов НАТО правильным. Командир получил орден Красного Знамени, остальные члены экипажа (я в том числе) медали «За боевые заслуги».

— Старик, о том, что ты потом воевал в Афганистане, погиб и посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, я лично читал в какой-то центральной газете,— спросил юбиляр Володя Фетисов.

— Очевидно, речь идет о статье в газете «Труд» ее специального корреспондента Ю. Дмитриева. Меня прикрепили к нему от политотдела 40-й армии во время его командировки в Кабул летом 1984 года. До этого еще в 1983 году по указанию командующего армией генерал-лейтенанта В. Ермакова я успел поработать в качестве переводчика и консультанта с корреспондентом американской газеты «Дэйли уорлд» Майклом Дэвидоу — первым иностранным журналистом, которому официально была предоставлена возможность посетить ОКСВА.

Ю. Дмитриева интересовали особенности нашей работы с населением, но не столько в плане укрепления афгано-советской дружбы (об этом много тогда писали советские газеты), а в ходе боевых действий. В качестве примера я рассказал ему о боевой операции в провинции Лагман осенью 1983 года. Тогда наши и афганские войска зажали в одном из ущелий крупную банду. Душманы оказались в безвыходном положении: с фронта и на господствующих высотах — «шурави», в тылу — зона проживания нуристанских племен. Нуристанцы, по преданию потомки воинов Александра Македонского, закончившего здесь в 320 г. до н. э. свои завоевательные походы, сохраняли во время войны в Афганистане позицию вооруженного нейтралитета. В случае вторжения на их земли с одинаковым успехом били как душманов, так и правительственные войска. Поэтому здесь банды сопротивлялись с отчаянием смертников. К тому же они загнали в пещеры население всех близлежащих кишлаков и прикрывались женщинами, стариками и детьми как живым щитом.

Я с оперативной группой спецпропаганды 40-й армии получил задачу вывести из района боевых действий местное население. Направили в предполагаемые места его нахождения агитаторов из числа активистов НДПА. Наши звуковещательные станции работали непосредственно в боевых порядках пехоты. Распространяли с вертолетов листовки с призывом к мирным жителям покинуть места боев. Наконец, на наши позиции вышел местный мулла. Наверное, никогда не забуду: маленький, горбатенький, совершенно седой старичок с лиловым носом бульбочкой. У нас такими рисуют в детских книжках гномиков.

Мулла рассказал, что местные жители в пещерах слышат сообщения наших звуковещательных станций, читают листовки, верят им. Но боятся выходить, опасаются, что в них начнут стрелять. Договорились, что в определенное время советские войска прекратят стрельбу на один час. Установили сигнал оповещения об этом — три зеленые ракеты. Определили «коридоры безопасности» для выхода мирного населения и пункты сбора. Дали возможность мулле обратиться через звуковещательную станцию к душманам с призывом последовать примеру «шурави». Мулла попросил у нас три часа, чтобы он мог добраться до пещер.

Продолжался ожесточенный бой. Работала наша артиллерия, вертолеты огневой

поддержки. Наносились бомбоштурмовые удары авиацией. В назначенный час в небо взвились три сигнальные ракеты. С нашей стороны все стихло. Душманы еще продолжали стрелять. Истекло 15 минут, полчаса. И вдруг словно прорвало плотину — по «коридорам безопасности» хлынула толпа женщин, стариков, детей. В пунктах сбора мы насчитали около трехсот человек. Прекратила сопротивление и часть душманов.

В ходе этой боевой операции совершил свой подвиг разведчик из 108-ой мотострелковой дивизии сержант Николай Анфиногенов. Прикрывая вынужденный отход своих товарищей, он подорвал гранатой себя и окруживших его душманов. За свой подвиг он был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Обо всем этом я рассказал Ю. Дмитриеву.

— А другие боевые операции у тебя были? — спросил Женя Ваганов.

— Как-то подсчитал: за двадцать два месяца пребывания в Афганистане я всего два месяца находился в пункте постоянной дислокации штаба 40-й армии. Все остальное время — на боевых действиях. В моем активе 14 армейских операций, 28 боевых вылетов на залистование в районы с неподавленным ПВО. Командование 40-й армии направляло меня, как начальника отделения спецпропаганды, на самые сложные операции: в Герате, под Кандагаром, Джелалабадом, Митерламом, ГЭС Сурруби, Газни, Гардезом, ущельях Панджшер, Искаполь, Тора-Бура, Ургун, «зеленой зоне» Чарикара, провинциях Пактия, Пактика, проводку колонн на Файзабад и Ургун. Оставшиеся месяцы — агитрейды в окрестностях Кабула. К тому же, в 1984 году в 40-й армии для работы среди населения было развернуто 14 агитотрядов в дивизиях, бригадах, отдельных полках, а также средневолновая радиостанция большой мощности. Все это нужно было разместить, ввести в строй, организовать их работу. За операцию в Панджшере я был награжден орденом «Красной звезды».

— А какая операция запомнилась больше всего?

— Операция по деблокированию крепости Ургун на границе с Пакистаном. Она проводилась в первых числах января 1984 года по просьбе руководства ДРА. Руководил операцией начальник штаба 40-й армии генерал-майор А. И. Сергеев. Накануне операции мы вместе с министром ДРА по делам народностей Лайеком встретились со старейшинами проживающего здесь племени джадран, одного из самых воинственных в Афганистане. В ходе переговоров со старейшинами удалось убедить их в необходимости сохранения нейтралитета. Среди душманов проводилась активная спецпропаганда, местным жителям была оказана материальная помощь.

У меня до сих пор остались в памяти три эпизода этой операции. Первый — выдвигание. По дороге из Гардеза на Ургун вышли на перевал. Кругом заснеженные сопки, сосны, ели, совсем как у нас на Дальнем Востоке. Единственное отличие — на каждом километре сожженные БТР, БРДМ, КАМАЗы. Свидетельство того, что проводки колонн на Ургун все годы афганской войны сопровождалось сильным сопротивлением душманов, которые получали непрерывное подкрепление из Пакистана. Второй — само ущелье. Во время второй англо-афганской войны в 1840 году здесь была полностью разгромлена группировка войск англичан. Уцелел только военврач, которому чудом удалось добраться до английских войск в Джелалабаде. На всем протяжении — нависшие над дорогой скалы, постоянные доклады из отрядов обеспечения движения о выявленных местах установки мин и фугасов, случаях подрыва. В районах Малые и Большие Шаторы завязались ожесточенные бои с душманами. Здесь совершил свой подвиг летчик майор Рубан. При нанесении бомбоштурмового удара его самолет был подбит из ПЗРК. Он направил свой самолет на позиции душманов. Был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Третий — встреча наших войск в крепости Ургун, блокированной душманами почти полгода.

Население и личный состав 14-го погранполка ДРА восторженно встречали нас как освободителей. За эту операцию я был награжден одной из высших наград ДРА — орденом Красного Знамени.

Закончился наш вечер воспоминаний признанием Саши Блохина:

— Старик, накануне 40-летия нашего выпуска в 2004 году мы сделали последнюю попытку разыскать тебя. Вспомнили, что твой старший брат работал в Госкомитете по науке и технике СССР. Решили, что ты мог тоже осесть в Москве. В базе данных МГТС нашли более семидесяти В. М. Подшибякиных. Я начал обзванивать их. На четвертом телефонном номере ответила пожилая женщина. Сказала, что ее сын, Подшибякин Вячеслав Михайлович, кстати, тоже полковник, умер несколько месяцев назад. Назвала кладбище в Подмоскowie, где он похоронен. По своим делам я недавно был в том районе, заскочил на кладбище. В дирекции мне назвали номер могилы, сошелся и год рождения. Навестить саму могилу я не успел, шел сильный дождь. Решил, приедем потом с ребятами. Так в моих мемуарах появилась черная рамка на твоей фамилии. Поэтому сообщение из Международной ассоциации суворовских, нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство» о том, что ты разыскиваешь меня, вызвало у меня в буквальном смысле шок. Предлагаю в связи со счастливым завершением всей этой эпопеи тост: «Будем живы!».

Постскриптум:

Небольшая зарисовка.

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ»

Это был один из самых счастливых дней в семье Героя Советского Союза майора Михаила Яковлевича Подшибякина и его супруги Марии Павловны.

Лето 1957 года, Западная Белоруссия, город Гродно.

После долгой разлуки собралась вся семья. С полигона на границе Белоруссии и Литвы вырвался на несколько дней Михаил Яковлевич. Из своих суворовских училищ приехали на каникулы дети. Старший Володя — из Воронежа (16 лет на фотографии), Саша — из Ленинграда, Слава — из Тулы. Больше всех радовался младшенький, Юрочка; ему осенью идти в первый класс и ему не терпелось посоветоваться с братьями, в какое суворовское училище поступать через три-четыре года. Михаил Яковлевич предложил сфотографироваться всей семьей.

Веселой гурьбой они ввалились в фотоателье. Старый поляк-фотограф долго рассаживал их, обращаясь к Марии Павловне «пани», к Михаилу Яковлевичу — «пан Герой», к старшим детям — «паночки маленькие офицеры», а к Юре — «прелестный паненочек». Подставлял какие-то скамеечки, переставлял с места на место лампы освещения. Мужчин попросил снять «фуражечки», но, увидя, обритую «под Котовского» голову Михаила Яковлевича и подстриженные по суворовской моде наголо три детских головы, замахал руками, сказав, что в фуражках будет солиднее. Потом скрылся под черным покрывалом, накрывавшее его старинный фотоаппарат на треноге. Долго крутил правой рукой объектив, а левой делал замысловатые пассы. Наконец торжественно произнес: «Увага!», что все поняли как: «Внимание!», снял колпачок с объектива и через мгновение вернул его на место. Вся процедура заняла полчаса. Впереди и у взрослых, и у детей была целая жизнь...».

Вячеслав ПОДШИБЯКИН, полковник в отставке, начинавший обучение в Тульском суворовском военном училище, продолживший учиться в Московском суворовском военном училище, окончивший Минское суворовское военное училище.

У моего друга Славки Подшибякина, земля ему — пухом, — отец — Герой Советского Союза. Я счел нужным в память и об отце, и о сыне — он не возражал бы — привести на страницах этой книги краткую биографию Михаила Яковлевича Подшибякина — отца суворовца Вячеслава Подшибякина.

Итак:

ПОДШИБЯКИН Михаил Яковлевич.

Родился 05.06.1916 в деревне Малая Шишовка (ныне — Воловского района Тульской области) — умер 20.07.1967 в городе Богородицке Тульской области.

Герой Советского Союза (03.06.1944), медаль № 3898.

Из крестьянской семьи. Образование неполное среднее. Работал бухгалтером в колхозе. В рядах Красной Армии с 1937 года. В 1939 году окончил КУКС. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 годов.

На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1942 года.

Командир батареи 45-мм пушек 372-го стрелкового полка (218-я стрелковая дивизия, 47-я армия, Воронежский фронт) старший лейтенант Подшибякин отличился 29.09.1943. Батарея в боях за удержание плацдарма на правом берегу Днепра у села Пекари (Каневский район Черкасской области, Украина) участвовала в отражении многочисленных вражеских контратак, подбила 3 танка. Оставшись один из расчета, продолжал сражаться и подбил танк.

Выдержки из Наградного листа на представление к медали «За отвагу» командира батареи ОИПТА 51 ОСБр старшего лейтенанта ПОДШИБЯКИНА Михаила Яковлевича:

«...Старший лейтенант ПОДШИБЯКИН М. Я. работает в отдельном истребительном противотанковом дивизионе с января 1942 года в должности командира взвода; проявил себя на фронте с немецко-фашистскими захватчиками мужественным, решительным мастером своего дела. В результате чего взвод, которым командует тов. ПОДШИБЯКИН, прямой наводкой из 45-мм пушек в районе Новоросийска и горы Мысхако уничтожил до 210 солдат и офицеров противника; уничтожил и подавил 2 пулеметно-огневых точки; подавил огонь 2-х 47-мм пушек, разрушил 6 блиндажей и ДЗОТов противника, одну кухню, подбил один средний немецкий танк и одну бронемашину.

За это представляется к правительственной награде — медали «За отвагу».

Командир ОИПТА майор Иванов. 1943 год».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года: за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Подшибякину Михаилу Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 3898).

После войны продолжал службу в армии. В 1946 году окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу. С 1960 года майор Подшибякин — в запасе. Жил и работал в городе Богородицке Тульской области.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды (3), медалями.

Александр Петренко
(г. Краснодар)

Прозаик, публицист и краевед. Проживает в городе Краснодаре.

Автор двадцати электронных книг и шестнадцати «бумажных». Публиковался в периодических изданиях: литературно-художественный журнал «Южная ночь», «Земляки», «Снежный ком», «Великоросс», «Созвучие», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», Русско-Новозеландском Вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманахах «Чайка» (США), «Лира», «Русский переплет», «Камертон», «Клаузура», «Что есть истина?» (Великобритания) и других. Член Союза писателей России и Межрегионального союза писателей. Победитель конкурсов «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», лауреат Международного конкурса «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь». Награжден медалями им. И. Бунина и им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

БАБКА ЧЕРЕВАТОВА

Я вот тут намедни стою на остановке троллейбуса. Жду «рогатого», а его нет и нет. Жарко у нас в Краснодаре. Лето. Присел в тенечке, да и предался воспоминаниям.

* * *

Сын бабки Череватовой работал водителем троллейбуса. Сейчас, поди, уже на пенсии. А бабка жива? Если да, то здоровья ей и долгих лет жизни. А ежели померла, то царство небесное. Простой советской труженице, не щадя живота своего, восстанавливающей нашу страну после той страшной войны.

* * *

Лет сорок назад нас, без пяти минут выпускников местного политеха, отправили на преддипломную практику в соседний Ставропольский край. Студентов, как правило, селили в общежитии комбината хлебопродуктов, по принципу сколько в одну комнату влезет. Чай, не баре, пущай вообще рады будут, что крышу над головой предоставили. Но была особая каста студентов, так сказать, брахманы — по-нашему привилегированные. То есть женатики. Молодую советскую семью разлучать никак нельзя. А свободных комнат в общежитии отродясь не водилось. Вот и определили меня с моей половинкой и моего дружбана Даньку с его кареглазой Алькой на постой к бабке Череватовихе. У нее после смерти мужа, почитай, аж две комнаты пустые имелись.

После гражданской войны сопливую девчонку Галочку родители привели к воротам бывшей купеческой мельницы, да там и оставили. Ибо сами уже прокормить не могли. А замуж — годками еще не вышла. Вот так Галюся Череватова и стала «дочерью полка», то есть дочерью большой экспроприированной мельницы.

Записей в ее трудовой книжке две. (Лично видел). Принята на должность мукосеи. Уволена в связи достижением пенсионного возраста и наличием нескольких профессиональных заболеваний.

* * *

Дом у бабки Череватовой был уникален. Сложен из тесанных бревен. «Что же тут удивительного? — скажет мой дотошный читатель.— У нас, почитай, пол-России такими домами утыкано».

Так то же в России, но не у нас, на юге. Лесов здесь раз, два и обчелся. Посему южные хаты строят из самана, глины вперемешку с навозом. Сам до сих пор в таком экологически чистом доме живу.

Как ей это чудо-дом достался, бабка нам не рассказывала, но каждой студенческой семье по светелке выделила. И напутствовала: «Грешите там в меру. Занятие это нужное. Нашему мукомольному делу новая кровь о как нужна. Только и о работе не забывайте. Чтобы, значит, к восьми ноль-ноль были мне как огурчики на своих рабочих местах».

Хозяйка наша за свою долгую жизнь никакой школы так и не окончила. Читать и писать не могла. Однако, издали завидев почтальона, побросав все дела, не разбирая дороги, бежала к нему навстречу. Выхватывала пачку писем, скоро перебирала их, и радостная возвращалась с заветным конвертиком домой.

— На, читай скорее, что мой сыночек матушке пишет. Да читай же, ирод студенческий, не томи.

Я прочел. Отдал бабке листок. Она, бережно погладив, положила его в старинную шкатулку.

— И чего ты на меня уставился? Мышка маленькая, серенькая, но и ей понятно, что ежели первая буква в письме на цифру четыре похожа, значит письмо то мне, бабке Череватовой! А этот лентяй почтальон плетется как старая заводская кобыла. До моего двора, почитай, еще минут пять топать будет.

* * *

За наш постой предприятие платило хозяйке не деньгами, а комбикормом. 500 килограмм свиного или 100 для птиц, на выбор. Череватова держала у себя пару десятков несушек. А теперь догадайтесь, какой комбикорм она выписывала? Правильно, для свиной.

— Бабушка, ну так же нельзя. Ваши курочки болеть будут, а может даже и умрут совсем,— раскрыв от удивления и без того огромные глаза, верещала Алька.— Поймите же! На заводе составляют специальные рецепты для кормов. Для свинок свои, для курочек свои. Это сложный процесс, требующий тщательной проработки.

— Много ты понимаешь, деваха. Мужу своему будешь вечером в спальне организовывать сложный процесс, требующий тщательной проработки,— съязвила бабка.— Нешто я не понимаю. Почитай, полвека этим треклятым комбикормом дышу. Три таблетки добавляешь на килограмм — и вся недолга.

— Бабушка, вы конечно меня извините,— вмешался в разговор самый интеллигентный из нас — Даниил.— Вы же, я прошу прощения, неграмотная. Как же латинские названия на упаковках с таблетками читаете? Там же все не по-русски написано.

— Вот малахольный. Привязался ко мне со своею Алькой. Да че там читать! Две желтенькие и одну синенькую растолок, да и в корыто бросил.

— Но ведь надо же знать их фармакологическое действие,— не унимался Даня.

— Чего надо знать? Говори громче. Знаш ведь, что глухая я, на оба уха, совсем. Шум там у нас на мельнице такой, что только матерные слова расслышать и можно. Более ничего. А таблетки от чего? Так от поносу же. Если людям годятся, так птичкам моим, лапочкам, тем более полезен.

— Надо же,— удивилась Алька.— У нас в стране огромный научно-исследовательский институт десятками лет бьется над созданием универсального комбикорма...

— А бабушка Череватова две желтенькие и одну синенькую на килограмм! — поддержал молодую жену супруг.

Но хозяйка ничего не ответила. Ибо ничего не услышала, по причине приобретенной профессиональной тугоухости.

* * *

Мой отец, инвалид войны, регулярно получал продуктовый набор повышенной калорийности. В него входили и невиданные в наших степных краях консервы, например, такие — «Кальмар дальневосточный в собственном соку». К чему это я? Да к тому, что матушка сунула мне пару таких банок в дорогу: «У нас эту гадость отродясь не ели. А вы там, на своей практике, с голодухи еще и не такое сплямкаете».

Голодухи у нас не наблюдалось. Картошки было вдоволь. Муки всех сортов, сами понимаете, тоже. Вот наши молодые женушки и осваивали на практике приготовление различных блюд из этих двух ингредиентов.

Кальмаровые консервы мы открыли, но есть не стали. По причине того, что никогда в жизни их не пробовали. Отдали хозяйской собаке. Своего «кабысдох» она также кормила исключительно свиным комбикормом. А он в знак протеста из будки не вылезал. Нес службу, то есть тявкал, исключительно оттуда.

«Кальмар дальневосточный в собственном соку» пришлось бедному животному исключительно по вкусу. Нюх у собаки был отменный. Чуюл он нас четверых за версту. После такого угощения мы естественно слали лучшими друзьями не только его, но заодно и всех собак улицы. Теперь, заметив нашу четверку, они дружно приветствовали нас радостным лаем. В надежде на то, что и им перепадет заветная баночка с кальмарами. А вы говорите, что в Советском Союзе дефицит был. Это сейчас никому и в голову не взбретет кормить своих Жучек и Бобиков «Кальмарами дальневосточными в собственном соку». А в то время — запросто!

* * *

Сидим на бабкиной кухне и в десять рук лепим вареники с картошкой. Вернее, не в пять пар, а в три. Ибо меня и Даньку от этого действия освободили, по причине полной профнепригодности.

— Вот же послал бог вам, девоньки, мужиков, что у одного, что у другого руки точно не с того места растут. А еще мукомолы будущие. Нормальных вареников налепить не могут, глянь каких быцюг лепить пытаются. Такой же и в рот не запихаешь,— беззлобно ворчит на нас бабка Череватова.— Про остальные мужские причиндалы ничего сказать не могу. Но по вашим довольным мордочкам догадываюсь, что у мужей новоиспеченных с этим делом все в порядке. У мого-то, покойного, чего греха таить, не шибко выходило. Одного сыночка и смог мне сварганить. Хворый совсем с войны пришел. Уж лечила я его, лечила, да, по всему видать, окопы поганые всю силу мужеску себе забрали. О!! Стоп, ребята! Кончай треньдеть! На мельнице авария! Бежать надо, мож какая помоч требуется!

— Бабушка, да вам-то откуда знать? Мелькомбинат в километре от вашего дома стоит! — удивленно спрашиваю я.

— Молчи, олух царя небесного! Дай послушать! Точно! Турбовоздуходувка замолкла. Все, детки мои. Побегла я. Вы тут сами без меня управляйтесь.— Бабушка, как же вы шум турбовоздуходувки можете за километр услышать, ведь вы же глухая? — сказала Алька. Прислушалась, но ничего не услышала. А старуха Череватова ничего не ответила — она уже была в коридоре и обувала выдавшие виды резиновые боты.

Вернулась через час.

— Электрик, понимаешь, сопля зеленая. Такой вот выпускник желторотый, как и вы. Взял да фазы-то и перепутал. Вот турбовоздуходувка-то и захлебнулась. Если бы не мы, старики, так, почитай, весь город завтра бы на сухарях сидел. Свежего хлеба испечь не с чего было бы.

* * *

В ту ночь я долго не мог заснуть. Лежал с закрытыми глазами и размышлял. Каким образом наша хозяйка, много лет назад почти полностью потерявшая слух, могла слышать работу турбовоздуходувной машины, расположенной в тысяче метров от ее дома?

Утром Алька дала мне простой и четкий ответ:

— Да сроднилась бабка Череватова с ним, с комбинатом. Они уж много лет живут как единое целое.

Вы скажете фантастика. А я скажу — реальность! Сейчас, наверное, такой феномен уже не наблюдается. Может быть. Нынче я и сам уже пенсионер. Но иногда по ночам, во сне, стою у вальцовых станков, перемальваю зерно и внимательно слежу за тем, чтобы турбовоздуходувка не остановилась!

МАЭСТРО

Светлой памяти Александра Тавадова.

Сорок пять лет назад август в моем родном Краснодаре был таким же жарким, как и нынешний. Пот с меня, абитуриента Политехнического института, катится градом. И не только потому, что в скверике, где я сижу, очень жарко. А еще и потому, что я сижу смиренно, жду своей участи.

Все! Вступительные экзамены позади. В листке, что лежит у меня на коленях, красуются три пятерки по устным экзаменам, и одна пустая строчка. В графе № 4 — литература (сочинение, письменно), пока что прочерк.

Еще утром секретарь приемной комиссии безучастным, металлическим голосом объявила: «Результаты сочинений и список поступивших будут в одном приказе. У нас страна хоть и богата лесами, но неча на вас, олухов царя небесного, казенную бумагу изводить. Чай не баре, разом все и узнаете. Кому, значит, в нашу доблестную армию, а кто на ликвидацию кустов амброзии и прочие сельхозработы. И еще не известно, что лучше!»

Стрелки часов «Победа», подаренных мне отцом, вообще перестали двигаться. Пытаюсь читать захватывающую «Эру милосердия». Бесполезно. Жиглов и Шарапов не в состоянии мне помочь.

Кто-то пустил слух, что в этом году проходной бал 18. Выходит, если не двойка по литературе, то я, стало быть, студент. А ежели пара? Тогда года через два, а скорее всего спустя три (Морфлот СССР, будет чрезвычайно рад получить в свои ряды такого верзилу как я!).

* * *

Кто-то бесцеремонно и больно шваркает меня по плечу.

— Сидишь, потеешь! Пошли пивка тяпнем, я угощаю! — Рядом стоит коренастый парень с ярко выраженными кавказскими чертами лица.

— С какой это радости? С минуту на минуту списки вывесят! — Я скидываю его руку со своего плеча и раздумываю, провести ли в ответку силовой прием с её захватом или нет?

Но парень улыбается так искренне, что я, отложив книгу, спрашиваю: — Тебе что, не интересны результаты письменного по литературе?

— Не-а! Не интересны! Меня Александром зовут, как и тебя. Тезки мы, понимаешь. Но ты называй меня просто, Маэстро. С самого детства все так кличут. Привык уже. Короче, пошли пиво пить. Жарко же ведь! — Выстреливает он как из пулемета, не давая мне возможности вставить хотя бы слово.— Да пошли же. Сейчас к ларьку знаешь какая толпа набегит! Поступление обмывать. Не протолкнешься!

— Не понял. Объясни все толком. С какой такой радости ты меня пивом угощать собираешься. И вообще, сказал же тебе, никуда не пойду, вот-вот приказ вывесят.

— Саня, я из Баку, но тебе не на армянском и не азербайджанском, на твоём родном, русским языком объясняю. Меня Маэстро зовут. Ма-э-стро.

— И что из этого?

— А то, что я битый час крутился возле деканата, зайду, то одно спрошу, то другое. С меня, кавказца, какой спрос? Человек с гор спустился. Вот и терпели, взшей не гнали. Короче, студенты мы с тобой! Сечешь! Сту-ден-ты! Да как за это пивка не дерябнуть! — И он чуть ли не силой потащил меня на соседнюю улицу, к заветному ларьку «Пиво-воды».

Я упирался, но не сильно. Какая по сути разница. С чего пить, с радости или с горя. Горло ведь уже давно пересохло.

— Давай, излагай во всех подробностях, Ма-эст-ро.

— Какие тебе еще подробности нужны? Приказ напечатали. Сейчас к ректору на подпись понесли. У тебя девятнадцать баллов, у меня шестнадцать, но я по спецнабору, вне конкурса. Мне лишь бы двойку не схлопотать.

* * *

Быстро пролетел первый семестр. Не сказать, что мы с Маэстро стали закадычными друзьями. На курсе образовалась своеобразная кавказская диаспора. У нас, местных, краснодарских, своя ватага. Но зимняя сессия вновь сблизила нас. Возобновили дружбу, на этот раз по несчастью. Оба не сдали экзамен по высшей математике. Не знаю, как там в Баку, но у нас в школе ее преподавали из рук вон плохо. Да и не давалась она мне, в отличие от химии и гуманитарных наук. Решили нанять репетитора. Одного на двоих, чтобы подешевле вышло.

С большим трудом выпросил у родителей небольшую сумму. А у Маэстро кое-какие денежки водились всегда. Это сейчас объявления о платных услугах в любой газете отыскать можно, я уже не говорю о всемогущем интернете. А во времена развитого социализма подобная информация передавалась из уст в уста. То есть строго конфиденциально. Потому как нетрудовые доходы, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прибыли мы по адресу, указанному в замусоленной бумажке. Дружок раздобыл, неведомо где. Позвонили, никто не выходит. Час прождали. Затем второй. Холодно. Январь в Краснодаре разительно отличается от августа, причем в худшую сторону. Ветер с моря, хоть и ослабевший, но пронизывает основательно. Стали искать, где бы согреться. Столовую не нашли, зато поблизости отыскивали ресторан. Да и оставили

там все денежки предназначенные для неведомого репетитора. Придя домой в совсем не легком подпитии, я выслушал длинную родительскую лекцию. На тему как, хорошо отслужив положенное армии, доблестно трудиться разнорабочим или дворником, самоотверженно строя при этом долгожданный коммунизм и светлое будущее всего прогрессивного человечества.

В итоге я хвост по математике таки, без всякого репетитора, обрубил. Даже стипендию заработал. Маэстро — нет. Смог перевестись на заочный, с потерей курса. Виделись мы с ним редко, да и интересы у нас были различные. Он весьма обеспеченный бакин-ский служащий. Я студент, правда, с незначительно повышенной стипендией.

* * *

Прошло тридцать пять лет. Маэстро разыскал меня на Одноклассниках. Пригласил к себе в Москву. Жил у черта на куличках, в Бутово. Много лет назад попал в чудовищную аварию, на всю жизнь остался инвалидом. С большим трудом передвигался на костылях. Жена оставила семью. Александр, как мог, растил двух славных пацанов.

* * *

По роду своей деятельности я частенько летал в белокаменную и далее, за границу.

В любое время суток, в любом столичном аэропорту, в любую погоду меня встречал Маэстро. Из машины не выходил. Сидел и ждал, пока я уложу свой не хитрый багаж. Зато в вождении автомобиля ему не было равных. Зачастую мне казалось, что мой друг и транспортное средство — единое целое. Огромный город знал как свои пять пальцев. Не было такого закоулка и тупика, куда бы Маэстро не смог подъехать.

* * *

Несколько номеров в отеле, где я останавливался, арендовало консульство одной из западных стран. Понятное дело, что протолкнуться к заветным дверям было практически невозможно. Жаждающие увидеть красоты этого государства ночевали прямо на полу, и все, как один, вскакивали при слове «Перекличка». А мне срочно нужна была виза. Времени в обрез. Там, за кордоном, я, кровь из носу, должен был принять участие в очень важных переговорах.

— Ты чего такой грустный, или просто голодный? Тогда поедем к моим друзьям, бакинцам. У них свой ресторанчик, на кольцевой. Хочешь шашлык из седла барашка? — Маэстро пытался поднять мое настроение. — Нет, ты мне скажи, кто из нас двоих инвалид? Ты можешь взбежать по лестнице, я уже нет. В конце-концов можешь дать хорошего пинка, кому захочешь, я нет! Так, кто здесь должен нос опускать? Отвечай сейчас же? Давай быстренько излагай свои проблемы. Чего у тебя там не получается? Ты, наверное, забыл как твоего друга зовут? Так я напомним — Ма-э-стро!

* * *

Прошло полчаса.

* * *

— Граждане пропустите инвалида и его сопровождающего!

Из одной двери, как ошпаренный, выскочил служащий консульства и помог мне провести Маэстро в заветное помещение.

— Ой, вы знаете. Я вот прямо сейчас передумал. В вашу страну в этом году не поеду. С климатом, говорят, у вас там не все в порядке. Опять же отношение к нам,

россиянам, не ахти какое. Санкции против нас поддерживаете. Нехорошо. А нужные лекарства мне вот этот господин быстренько доставит. Я ему полностью доверяю остаток своего здоровья. Не сочтите за труд, выдайте господину Александру годовую визу, чтобы мы вас лишний раз своим присутствием не беспокоили.

* * *

Помахивая визой, покупаю билет на ближайший рейс. Вылет завтра в пять утра. Прощаюсь с Маэстро.

— Саша, спасибо тебе огромное. Буду лететь назад, привезу, что закажешь.

— Юность нашу привези. Скверик перед Политехом помнишь? А вкус того разливного и разбавленного пива помнишь?

— Скверик помню, пиво нет,— честно признаюсь я.

— Плохо. Стареешь брат. Короче, выходи из своей гостиницы в два ночи. Час будем ехать, если без пробок. За два часа до вылета, как и полагается, будешь в аэропорту. Еще чего удумал. Такси он будет заказывать! Такие деньжищи платить! Транжира! Навязался на мою голову.

* * *

Всю ночь шел снег. Выхожу, как и положено, в два часа. Возле отеля пусто. Ни одного следа от проехавшей машины.

— Опаздывает мой Маэстро. Оно и понятно, дороги то еще не все отчистили. Вот как теперь быть? Ждать его или срочно такси вызывать?

Из снежного бугорка, стоящего на обочине, высовывается голова моего друга.

— Привет, брателла. Я тут подумал: и чего мне в такую погоду в Бутово переться, а потом назад трястись. Лучше я прикурну подле твоего хо-тэ-ля часок-другой.

— Маэстро! Ну ты мог мне об этом сказать? Я бы тебе номер снял. Чего же тут скрюченный, да еще под снегом.

— Не ворчи, дружище. Кончай стареть! Садись скорее. Сам видишь, дороги какие, а путь нам с тобой предстоит не близкий. Опоздаешь. Мне тебя на машине за границу везти прикажешь? Так я, дружбан, позволю себе напомнить: визы у Маэстро нет, а если честно, то и загранпаспорта тоже.

* * *

Осенью прошлого года я вернулся из солнечного Узбекистана. За время моего отсутствия в доме переломалось все, что могло переломаться. Бросаю не разобранный чемодан и бегу в магазин за запчастями. В кармане знакомой мелодией играет телефон.

Ба! Господин Маэстро звонит. Как хорошо. Сейчас он мне ничем помочь не сможет. Но хоть выслушает стенания друга и то полегче будет.

— Московский бакинец, привет. Несказанно рад тебя слышать. Как поживаешь, мой Маэстро.

— Дядь Саш, это не Маэстро, тебе звонит его сын. Похороны завтра, прилетишь?

* * *

Перебираю фотографии. Их у меня совсем немного. Как-то за повседневной суетой недосуг было фотографироваться. И на всех Маэстро улыбается. Счастливый человек, умевший дружить и дарить всем частички своего большого и доброго сердца.

Яков Шафран
(г. Тула)

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

Артем уволился в запас в июле в звании младшего сержанта, и когда вернулся домой,— ощущение родного, теплого, уютного семейного гнезда, к которому тянуло все время службы, не оставляло его,— чувствовал себя поначалу как-то «не в своей тарелке» — отвык от свободы. «Ты куда так летишь?» — удивлялись родители, видя, что он все делает уж чересчур быстро и с озабоченным выражением лица. Да, ответственность и организованность... Армия усилила в нем эти качества. Потому он сильно переживал, когда мать, убираясь в его комнате, по-женски, как ей казалось правильным, перекладывала все на столе, на полках и в шкафу. Ведь служба — третий, а кому и второй родитель,— приучила: любая вещь должна лежать на своем месте, чтобы легко, когда понадобится, найти ее.

Так вышло, что друзья Артема, в общем-то, дружелюбного, общительного и умеющего верховодить сверстниками, были старше его по возрасту. Он уже в школьные годы был серьезным и рассудительным парнем, любил подвижные игры — но не в «дыр-дыр», а футбол и волейбол по-настоящему,— и стал завсегдагаем находящегося рядом с их домом школьного стадиона, с которым он буквально сросся, тянулся к нему в любую свободную минуту и заметно вытянулся в росте, благодаря его уличным тренажерам; там он и познакомился с заядлыми игроками — нынешними своими друзьями, охотно принявшими в свою среду умного и уважительного паренька. Эта дружба осталась на всю жизнь. Потому для него, вернувшегося из армии, сразу нашлась и работа в автосервисе, и компания для отдыха, не в пример одногодкам с их пьяными гулянками и на все согласными девочками. А поскольку Артем не любил прохлаждаться, то и не тянул с началом работы. Ремонтить машины ему нравилось, но себя он мыслил в ином качестве — мечтал «ремонтировать» людей — он и к машинам-то относился как к людям: поглаживал их, похлопывал как бы по плечу и мысленно разговаривал с ними,— и готовился через год поступать в медицинский институт. Как-то он проговорился об этом в мастерской, что вызвало насмешки и некоторое охлаждение к нему.

— Ты поменьше рассказывай о своих планах. Мало ли кто кем хотел или хо-

чет — да не может! — быть — говорил ему Виктор, друг, который и устроил его на работу.— Мне можно рассказывать все, вот и рассказывай *мне!*

Через пару месяцев Виктор пришел в мастерскую чернее тучи. На расспросы Артема вначале ничего не отвечал, только желваки ходили на скулах, резко выступавших на осунувшемся лице, да взгляд из-под полусомкнутых ресниц был какой-то затравленный. Но когда немного пришел в себя, глубоко вздохнув, произнес:

— Серегу привезли...

— Как привезли? Что значит, привезли?!

— В гробу привезли, в цинковом...

— Серегу?! Откуда?

— С Донбасса. Он там добровольцем воевал, пока ты служил.

...Со смертью товарища (друзьями они не были — невозможно дружить с абсолютно скрытным, постоянно пребывающим в себе человеком) Артем впервые столкнулся в армии. Но это было самоубийство — суицид, как официально выражались командиры. Было даже возбуждено уголовное дело — «доведение до суицида». Алексею до «дембеля» оставалось полгода. Тем не менее, он повесился... При этом дедовщины в части не было и в помине, и со стороны офицеров рукоприкладства и вымогательства, как пишут в СМИ, не наблюдалось. А вот происшествия были, и несколько подряд — буквально одно за одним: солдата задавили грузовой машиной, три человека погибли при взрыве танка на полигоне, взорвалась БМП... Психологически тяжело было всем — такое не на войне, а в мирное время! Однако у Алексея не выдержала психика, и...

Но здесь была другая смерть. Сергей, один из самых близких друзей, находился, как сказали Артему, в командировке и вскоре должен был приехать. Артем очень хотел встретиться с ним... А встретил в гробу, в оцинкованном запаянном гробу, который стоял в открытом деревянном. Во дворе валялись остатки большого, плотно сколоченного транспортировочного ящика. Вместо лица Артем увидел в изголовье, среди живых цветов, портрет Сергея в красивой рамке. Как выяснилось, он погиб на Донбассе в знаменитом бою за Саур-Могила 26 августа 2014 года, почти через месяц после прихода Артема из армии...

Дверь была открыта настежь: входили родные, соседи, друзья и просто знакомые. Мать, седая женщина в простом пальто и шали, сидя у гроба, причитала, и при появлении всякого нового человека — видимо, душа ее сейчас не выдерживала вида живых людей, — начинала голосить. Рядом, держа ее под руку, беззвучно плакал старик-отец. Девочка лет десяти, племянница Сергея, удивленно и испуганно смотрела на бабушку и по-своему пыталась успокоить ее. Артем подошел, по-солдатски, мужественно, как мог, выразил соболезнование родителям и встал у гроба. «Прощай, Серега!» — плакала его душа по другу, но он крепился, и ни слезинки не было на лице его. Только, как в калейдоскопе, в сознании сменяли друг друга эпизоды их встреч, совместных дел, дружеских шуток, улыбочное, веселое лицо ставшего ему фактически старшим братом Сергея. И вдруг спазм перехватил дыхание: «Вот и повидались, друг, а сколько я сказать тебе хотел...». Слезы, скатившейся по щеке, он ни стесняться, ни вытирать не стал и, выйдя во двор, затянулся взятой у кого-то сигаретой, хотя до того не курил.

Все украинские «события» начались, когда Артем еще служил. Солдаты, по армейскому распорядку, каждый вечер с 21.00 по 21.15 просматривали первую часть

программы «Время». Киевский майдан буквально приковал ребят к экранам, ставшим для них будто окнами в иной, чуждой и кошмарный мир. Ведь после попытки, конечно, слабой, прекратить безобразия, все перешло в форму чуть ли не восстания. Только много позже Артем понял, что главное происходило не на площадях и улицах, а за всем этим, как за ширмой, совсем другие люди устроили госпереворот, далеко не в интересах скакавших на майдане. Однако эти скачущие, особенно их глумливые выкрики, типа «москаляку на гиялку», вызывавшие внешне у кого шутку, а то и смех, у кого ругань и аналогичные ксенофобские призывы, на Артема, с детства воспитанного в дружелюбии к людям любой национальности — а в его родне были и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, то есть весь малороссийский интернационал, — производили тягостное впечатление. Такое же настроение, в той или иной степени, испытывали, в общем-то, и все военнослужащие — солдаты и офицеры.

Но вот пришли весна и события в Крыму. Настроение ребят заметно изменилось. А когда объявили о воссоединении Крыма с Россией, ликование волнами разливалось и в душах людей, и в общении — даже самые скучные и серьезные улыбались. Конечно, и среди ребят находились те, кто кривил нос при информации с полуострова. Ну, не «пятая колонна», а только отдельные единицы ее все же были среди сослуживцев Артема... Но это общей радости отнюдь не портит, и командование даже праздничный ужин с пирожными и лимонадом устроило.

Однако затем оптимизм и светлые ожидания, когда крымский сценарий вроде бы должен был повториться на Донбассе, на фоне бурной и необычной весны для Ленинградской области, где Артем служил на 18-м испытательном полигоне, — когда в апреле, как никогда, светило солнце и не было дождей, а в первой половине мая — сильный ветер да грозы с градом, — явно пошли на убыль. А дело было так. Ни референдумы, ни провозглашение суверенных республик жителями Донецкой и Луганской областей, ни желание их объединиться в Новороссию и вступить в состав России, чего, собственно, и ожидали все, не привели к признанию их с ее стороны, а уж тем более к вхождению в ее состав, несмотря на то, что в основной массе своей, как и крымчане, люди считали себя русскими и воспротивились насильственной украинизации, «великой украинской истории» и ее бандеровским «героям» и не подержали хунту, захватившую в Киеве власть.

Дальнейшие же события на Донбассе — на Артема особенно повлияли начала июля бои за Николаевку вплоть до отхода ополченцев из Славянска, — когда начался бесконечный «сериал»: бои, обстрелы украинскими военными гражданских объектов, гибель людей, искалеченные тела, сгоревшие дома, разрушенные школы и больницы, — ввергли ребят в настоящую депрессию, все в части ходило как в воду опущенные. Пришлось начальству даже меры принимать насчет дисциплины...

Но через некоторое время на Донбасс поехали добровольцы, в том числе уволившиеся контрактники из их части. А обратно — по письмам из дома — стали иногда приходиться «грузы-200». Вот и Артем встретил то, что осталось от Сергея...

Артем похоронил, потом помянул друга вначале в кругу его родных и знакомых, а затем отдельно, среди близких друзей. В свободное же от работы время его потянуло походить по памятным местам их дружбы — по той самой густой аллее, где с друзьями любили гулять в теплые летние вечера и где однажды они с Сергеем вступились за знакомую девчонку и вдвоем отколошматили троих хулиганов, пристававших к ней; у паромщика дяди Василия он одолжил на время ту самую старую лодку, все так же переваливавшуюся с бока на бок у берега и знакомо, словно ворча на сидков, скрипевшую уключинами, на которой они с Сережкой любили кататься по реке или, сидя в ней, удить рыбу. Много, много было таких мест, оживлявших в его душе воспоминания... Но не только ими жил в эти дни Артем.

В город приехала семья беженцев из Краматорска: мужчина лет сорока с женой и тремя детьми — от пяти до десяти лет. Тот говорил, что хотел остаться, воевать, но жена не пустила — куда, мол, она с детьми, а кто работать, кормить будет... И правда, отец семейства сразу же впрягся в работу на стройке, где он, как и на родине трудился, устроился главным механиком — отвечал за все машины, трактора, краны, пеканиски, за все механизмы и приспособления и сам, наряду со слесарями, ремонтировал их. Потому уходил из дома чуть свет и возвращался около девяти вечера, а то и позже.

Они поселились по соседству с Артемом, в его же старом доме, сняв недорогую однокомнатную квартиру — для такой-то семьи! — и как-то в воскресенье у детской площадки, где супруги сидели, наблюдая за ребятами, он и разговорился с ними. Понятно, по теме, которая его больше всего интересовала. Александр и Мария рассказали, как с детьми, в чем в тот момент были одеты, прятались от бомбежек в большом сыром и темном подвале их «сталинки», среди таких же, как они, растерянных и подавленных горем людей. Немудрено: у всех одна страшная, гложащая беда — война, и в глазах: «За что?!» и «Доколе?!», и неизбежный страх за детей... Ведь среди них были такие, у кого они погибли, порой на глазах у родителей.

— Говорить о том больно, а тем более пережить. Страшно, когда бомбы падают: стекла вылетают, дом ходит ходуном... — слезы катились по щекам Марии. — И мы ж боимся, прежде всего, за них, а то сами б ушли к ополченцам, кабы не они, — она показала на играющих детей и одновременно с тревогой и лаской взглянула на них. Александр сидел, молча, понурясь, и сильно сжимал большими пальцами сцепленные в замок кисти рук. — С нами ж приехала сюда моя подруга, — продолжала Мария. — Ой, Господи, как она выжила — не описать. У ней двоих вот таких, как наши, детей убило снарядом, — голос ее прервался, с трудом преодолев слезы, она продолжила: — Муж-то Ольги в ополченцах, и уж неделя как не было звонка от него, а мобильник недоступен. Мучается, кроме мужа у ней никого... И все мы так: жили, работали, а нынче не знаем, будет ли куда вернуться, может, у нас и дома уж нет. Если бы не Россия, что бы было, куда бы мы с дитями?

— Когда же эти гады порошковские увидят, что убивают простых, не повинных ни в чем людей!? — не выдержав, воскликнул Александр. — Это, Артем, в натуре, настоящий геноцид нас, русских!

— И горше всего, что и на той стороне много русских... — промолвила Мария.

— А вот брат звонил из «ихней» донецкой зоны, рассказывал, как зашли «укропы» в Славинск, а у них уж списки на руках, кто в ополчении. Поймали женщину и мужчину, сын которых воюет, привязали их к машине пехоты за ноги и тащили на скорости по площади, потом окровавленных бросили и уехали, — глухо, с тоской стал рассказывать Александр. — Зашли в дом, где отец был ополченцем, забрали пятилетнего дитя, вынесли его на ту же площадь и прибили гвоздями к рекламному стенду. Прибегла мать, и ее на глазах у всех расстреляли. Что делается, Артем? — Заходят с собаками в жилье, мужиков до тридцати пяти без разбора убивают! Получается, бомбежка погуманнее будет, чем то, что они творят...

— Так что же ты тут сидишь?! — не выдержав, забыв на миг все объяснения соседей, возмутился Артем и вскочил.

— Да я бы с радостью взял автомат... — тихо промолвил тот, и видно было, что давно и сильно страдает. — Но куда ей, — он кивнул на жену, — хвоя и слабая она больно, особенно после третьего дитя, не потянет так работать, чтобы прокормить семью...

— Извини, брат, — сказал Артем и, сочувственно поглядев на них, попрощался и ушел.

Но теперь он не пропускал ни одного репортажа о событиях на Донбассе. Артем вглядывался в лица людей, ополченцев, словно пытаясь разглядеть знакомых или сослуживцев по армии. А передачи сопровождались страшными кадрами: искалеченные трупы стариков, женщин и детей, кровь, кровь и кровь...

По интернету он нашел репортажи и о событиях 2 мая в Одессе, когда звериная толпа националистов и соотносящих себя с ними загнала сотню людей в здание Дома Профсоюзов и, предварительно всюю поиздевавшись над ними, сожгла заживо за то, что они посмели объявить себя русскими и отстаивать свои, русские, права. Ужас объял Артема, смотревшего эти кадры. В этом горящем здании он увидел образ горячей России, то есть то, во что хотели превратить ее эти безумные «плясуны». И он понял, что именно эта безнаказанная бойня и послужила стимулом вот «таким» для подавления, вплоть до физической зачистки их руками, любых прорусских выступлений местных жителей. Потому велика была его радость, когда наступления «укропов» на донбасском фронте захлебывались. «Побольше бы таких «иловайских котлов», какой устроили им наши ребята с 10 августа по 3 сентября!» — думал он.

Артем знал себя, знал, что долго он так пассивно смотреть на все это не сможет. И вот однажды он почувствовал в душе сильное желание быть там, где такие же, как погибший Сергей, защищают право русских быть самими собой, говорить на родном языке, любить, заводить семьи и рожать детей, — в общем, жить и радоваться жизни. Вначале это желание, подобно маленькому ростку, только-только показалось на поверхности его чувств, но с каждым днем все более и более крепло, пока не стало настолько непреодолимым, что он уже не мог ни дня, ни часа жить спокойно. Где-то в уголке сознания появлялась мысль о матери: «Как она, ведь одна останется?» — Но он убеждал себя: — Попрошу ребят, чтобы присмотрели и, если что, помогли». И в первых числах октября Артем решился пойти к знакомому Сергею, который, как он знал, помогал тому отправиться на Донбасс.

Знакомого звали Кирилл. Он принял Артема доброжелательно, но все же перво-наперво спросил:

— Ты серьезно решил?

— А что, я похож на несерьезного? — поначалу даже обиделся Артем.

— Ну, не обижайся, всяко бывает... — сказал Кирилл, и было ясно, что он уже имел опыт взаимодействия с теми, кто чисто эмоционально решил ехать и воевать.

Кирилл угостил гостя чаем и за питьем начал свой рассказ.

Переправляться на Донбасс, понял Артем, придется через Ростов-на-Дону. Но предварительно нужно написать по электронному адресу, чтобы получить контакты координатора, с которым нужно будет там связаться — не будет же он бегать по городу и спрашивать: «Где здесь отправляют на Донбасс?». Как группа соберется, так и поедут на ростовском автотранспорте, и далее — на разные участки фронта, куда требуются бойцы. Главное требование: возраст чтоб был не меньше двадцати одного года (при этом Кирилл пытливо посмотрел на Артема, и тот утвердительно кивнул, ему недавно исполнилось требуемое число лет, он в армию пошел двадцатилетним). И обязательно — отсутствие серьезных болезней и всего, не дающего право на выезд за границу, то бишь судимости, условного срока, нахождения в розыске, штрафов и долгов по кредитам или алиментам, и, наоборот, чтоб наличествовала хорошая физическая форма, выносливость и владение стрелковым оружием. Опять же, срок служения, именно *служения*, сказал Кирилл, — не менее трех месяцев, а лучше больше. Потом он подробно объяснил Артему, какие документы обязательно иметь при себе и что из обмундирования, защитных средств, медикаментов и бытовых принадлежностей с собой брать, так как ополчение испытывает в том нужду. Ну и до Ростова

добираться нужно самостоятельно, остерегаясь мошенников, всю обещающих за определенную плату переброску и обустройство на месте. И еще: получить деньги с «большой земли» будет весьма проблематично, потому должен быть при себе запас дензнаков: рублей, гривен и долларов.

— И запомни: нет гарантии,— продолжал Кирилл,— что нынешнее руководство республик или одной из них не продано с потрохами олигархам, что тот или иной полевой командир не посылает бойцов на задание, спущенное сверху от предателей и врагов народа. Поэтому сегодня в ополчении требуются те, кто умеет критически смотреть на происходящее и думать своей головой... Поэтому, если ты согласен со всем, что я сказал, то можем начать.

— Да, согласен, начнем! — ответил Артем. И Кирилл, включив компьютер, набрал в интернете адрес координатора в Ростове.

Артем добрался до Москвы, на Курском вокзале взял билет до Ростова и, переночевав в зале ожидания, в 7 утра был уже в поезде «Санкт-Петербург — Анапа». В плацкартном купе, кроме него, ехали еще муж с женой, где-то сорока лет, и парень, примерно одного возраста с Артемом. Все они ехали из северной столицы — супруги на отдых «дикарями», а парень — его звали Степан — ответил как-то уклончиво.

За окном моросил нудный осенний дождь, которому, наверное, и самому уже надоело моросить, а непроницаемо серое небо только усиливало тоску. Супруги, позавтракав, спешно убрали со стола, предлагая парням место для еды. Артем перекусил на вокзале, потому вежливо отказался, а Степан с удовольствием уселся на освободившееся место у окна, развернул свой сверток, достал из него хлеб, кусок сала с желтыми кружлячками и соленые огурцы и стал аппетитно нарезать это все на матерчатой салфетке. В купе сразу запахло чесноком.

— Сало по-белорусски? — спросил Артем,— у них в городе такое продавалось на рынке, и он несколько раз покупал.

— Нет, украинское! — почему-то с некоторым задором ответил Степан и предложил, обращаясь ко всем соседям по купе: — Угощайтесь!

Все отказались по причине сытости, и Степан, отвернувшись к окну, стал быстро есть.

— А вы с Украины? — спросила женщина.— У меня сестра в Луганской области живет...

— Да, я из Украины,— жуя, ответил парень, делая ударение на предлоге.

— А откуда, если не секрет? — спросил муж женщины.

— Из Тернопольской области...

— А-а...

— В России на заработках? — в свою очередь спросил Артем.

— Был. Родители позвонили, что повестка пришла.

— Ну, и проигнорировал бы! Что, охота воевать?

— Охота! — ответил Степан, зло свернув глазами как-то поверх голов собеседников.

В купе наступила тишина. Парень закончил завтрак и, свернув остатки еды в пакет, сел на свое прежнее место у прохода.

Мужчина, которого звали Николаем, долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на жену Светлану, затем на Артема, но ничего не сказал. Артем же тоже понял, кто перед ним, но решил возразить.

— Значит, воевать хочешь? С кем же и за что?

— Как с кем? — С оккупантами, кто отжал наши земли и хочет отжать еще! — дернулся парень и уставился на Артема, сидевшего напротив.

— Ты сам-то не воевал еще?

— Нет.

— Значит, хочешь убивать... А знаешь, сколько ваши поубивали уже на Донбассе? Может, ты видел фотографии или тебе рассказывали?

— Это все пропаганда! Это ваши «гиви» и «моторолы» пришли и превратили восток моей страны в бойню! — Степан был явно не в себе, зрачки глаз его были сужены, плотно сжатые губы сильно побелели, а глаза — ну разве что не испускали молний.

— Ты ври, да не завирайся. Когда вы, прыгая на майдане, начали кричать свои: «москаляку на гиляку» и крушить все, хоть чем-то напоминавшее вам Россию, тогда еще никакой войны на Донбассе даже близко не было. И его в Сомали превратили вы сами! — твердо сказал Артем.

Степан задергался и так плотно сжал кулаки, что костяшки пальцев сильно побелели.

— Ты представь,— спокойно продолжал Артем,— что в твой родной Тернополь приехали вооруженные люди, под страхом расправы запретили тебе говорить на своем языке, запретили голосовать за тех, за кого ты хочешь, и стали во всем устанавливать свой порядок... Тебе это понравилось бы?

— Ты мне своей «ватой» рот не забивай! — парень вскочил и уже хотел было кинуться на оппонента, но тут Николай поднялся со своего места и своим грузным телом мягко встал между ними.

Степан с разбегу уперся в его широкую грудь, отодвинулся и, ожидая, видимо, что мужчина пройдет, продолжал стоять в боевой стойке. Но Николай никуда не шел, и тот, подергавшись, сел.

— Пойдем, выйдем,— обратился Николай к Артему.

Они вышли в тамбур. Дождя за окном поезда уже не было, выглянуло солнце и стало глядеться в капли влаги на стекле, играя в них всеми оттенками радуги.

— Не связывайся с ним, парень, ты же видишь, что он — «фонарь», да к тому же еще и неадекватен.

— Николай, но ведь слушать этот бред невозможно! Хорошо бы он это у себя на родине нес, а то здесь, у нас говорит и не смущается даже. Я бы посмотрел, что они сделают с нашим, говорящим там, у них, за Россию.

— А я в их «сало в шоколаде» вообще не заглядываю, своя психика дороже... Зато много общался с западными украинцами — их у нас много на стройках работает,— вот возле моего дома общага, где строители живут. Так они говорят, что, в отличие от части населения — таких, как этот Степан,— большинство хорошо или просто спокойно относятся к русским и к России. А в СМИ, конечно, только тупая хохлопропаганда, и больше ничего. Удивительно, но ее, во всей красе, допускают на наших телеканалах. Я же на эти телешоу и на их свидомитский бред тратить время не хочу.

— Я уже жалею, что связался с ним — пораженным «укропом головы». Пусть думает и говорит, что хочет.

— А ты куда, Артем, едешь?

— На Донбасс.

— В ополчение?

— Ну да!

— Будь с разговорами поосторожнее, тем более в Ростове — там у *них* рук много. Они ведь знают, что оттуда в основном переправляются ополченцы. Могут все что угодно с тобой сделать.

— Я понял, Николай.

— Вот и хорошо! А таким, как этот Степан, хоть кол на голове теши — свои «ще не вмерла» и «слава Украине» орать будут. Таким помочь может только доктор или сама жизнь. Может, попадет в ситуацию, когда мозги на место встанут...

— Это было бы полезно, и не только ему!

Вернувшись в купе, Артем достал из рюкзака книгу и погрузился в чтение. Так с перерывом на еду прошла оставшаяся часть дня. Ночь набегавшийся по предпоездковым хлопотам парень проспал на своей второй полке как убитый. Разбудил его голос проводника, объявившего о скором прибытии в Ростов.

С администратором группы, занимающейся доставкой добровольцев и грузов в Донбасс, Артем связался еще будучи дома, по Интернету. А прибыв в Ростов, он по телефону взял у него контакт координатора, непосредственно осуществляющего переправку. Тот сообщил, ехать можно уже на следующий день. Чтобы не тратиться, Артем решил переночевать на вокзале, из которого он, собственно, и не выходил.

Утром он проснулся раньше мобильного — звонил координатор, сказал, что необходимо скорее прибыть к парковке гипермаркета «Мега» на Аксайском проспекте. И Артем, пользуясь лучшим путеводителем — языком, быстро добрался до места сбора. Там уже стояли человек пятнадцать парней и мужчин в камуфляжной форме и с рюкзаками. Через несколько минут они погрузились в два автомобиля и, сопровождаяемые ополченцем, отправились в сторону границы.

В машине Артема ехал один новгородец, капитан-пехотинец, брат которого 2-го мая сгорел заживо в Одессе в Доме Профсоюзов. А еще один парень, такой же, как и Артем, демобилизованный, отслуживший в ВМФ, рассказал, что на его решение сильно повлиял увиденный по ТВ видеоматериал о том, как в Мариуполе с ветеранов Великой Отечественной сдирали ордена и медали, обещая следующий раз содрать вместе с кожей...

У границы они увидели лагерь беженцев и идущих к нему по дороге людей. Это были уже прошедшие пункт пропуска. А на луганской стороне стояла большая очередь и колонна автомобилей почти на километр. Артем, увидев, что там были не только женщины и дети, но и много мужчин, был поражен. Он подумал: «А ведь вот они, дезертиры! Крепкие мужики, и сваливают. Тьфу!» — сплюнул он в приоткрытое окно. Но тут же вспомнил семью из Краматорска, что жила недалеко от его дома, и сдержал готовые вырваться наружу слова. «Видно, ситуация у всех разная...» — решил он.

Пересекли границу возле российского Донецка и поселка Изварино Луганской республики. Проблем никаких не возникло: беглый досмотр, проверка личных вещей, документов — на все ушло не более часа.

У пропускного пункта на территории ЛНР они получили оружие, но пока временно — для безопасности в пути: автоматы Калашникова, пистолеты, гранаты и бронежилеты. Однако у рядовых ополченцев есть явные проблемы с оружием и снаряжением, рассказывал сопровождающий. Применяются даже самозарядные карабины Симонова (СКС) 1949 года и уж давно, казалось бы, забытые автоматы ППШ. А с техникой еще хуже. И это при том, что украинские части на Донбассе по численности в четыре раза превосходят ополчение. Идет, конечно, и техника, и оружие, но нужно бы гораздо больше.

Группу предупредили: двигаться будем без остановок, при обстреле — выпрыгивать и — в заросли: уж какие попадутся, и они поехали дальше. Путь лежал от Краснодона, через Шахтерск и до Донецка по разбитой дороге, поэтому ехали достаточно медленно. По пути они увидели несколько женщин в форме и с автоматами, и Артем все же с неприязнью подумал о мужчинах в толпе беженцев. Сопровождающий сказал — ввиду действия диверсионных отрядов — по Донецку ходить не менее чем по трое.

На зданиях и даже частных домах висели флаги Новороссии, ДНР и ЛНР, России и даже СССР. Часто попадалась уничтоженная техника, разрушенные здания... Шахтерск, на окраинах которого еще шли бои, выглядел как Сталинград в 1942-м году.

В Донецке, остановившись на одной из баз ополченцев, передали коменданту свои данные для внесения в компьютерную базу. Там же, по согласованию со Стрелковым, началось распределение добровольцев по отрядам. Как потом Артем узнал из разговоров, у каждого подразделения есть своя специфика, определенная самостоятельность и привязка к территории.

Отряд, куда попал Артем 20-го октября, после обороны от атак ВСУ со стороны Песков, хорошо проявил себя в длительной осаде Донецкого аэропорта. Когда она началась, он только собирался пойти к Кириллу, чтобы узнать, как попасть в добровольцы. С погодой ему, не привыкшему жить долгое время в продуваемых всеми ветрами помещениях и на природе, повезло. Стояла осенняя, но не такая, как в средней полосе России, более теплая погода. Однако ночью спасались спальными мешками.

Артем вспоминал на добром слове знакомого с его советом купить ботинки и хорошие носки, а то бы измучился и ноги покалечил в сапогах — портянки он мотать не умел. В отряде был деревенский парнишка, которого отец научил хорошо мотать их. Быть может, если бы он умел, то попробовал и сапоги, но от добра добра не ищут, поэтому с ногами у него все было в порядке. С питанием тоже было нормально для войны — голод не испытывали, несмотря на то, что приходилось пару раз и одними галетами обойтись, после боевых действий можно было и подкупить кое-что. Кухня в отряде работала — был повар с двумя помощниками, на «базе» был водопровод. Сюда же, на терминал — на «боевую» — воду взяли с собой в бидонах, а пищу готовили на перевозной печке (в «поле» же и на костре можно). Только плохо, что на базе не было горячей воды, и мыться было не в удовольствие. А уже была поздняя осень, и зима катила в глаза. Пользовались влажными салфетками, одежду же им стирали местные, за отдельную плату, конечно. А вот с медицинской службой дело было так. Среди ополченцев оказался фельдшер — именно оказался, так как специальной единицы такой не было. Да еще пару санитаров из своей среды выдвинули, как говорится, без отрыва от основной службы, фельдшер их обучил оказанию первой медпомощи и использованию лекарств, которых было достаточно. Индивидуальные пакеты и аптечки — это святое, они были у всех.

(Продолжение следует)

Владислава Васильева
(г. Узловая, Тульская область)

ВЕРОЧКА

Родилась в 1971 году в городе Узловая Тульской области. Победитель конкурса литературной премии «Ясная Поляна» на лучшую рецензию к книге из списка номинации «Иностранная литература» (2017 г). Победитель V областного слета молодых литераторов Тульской области (2017 г) в номинации «Проза».

Верочка решительно надвинула поглубже красную шляпу с большими полями и зашагала волнующей походкой. Получалось хорошо, только спина сразу устала. Идти надо было как по ниточке, при этом покачивать бедрами и чтобы юбка так... р-раз влево, р-раз вправо, а потом завивалась вокруг коленок. Еще и туфли на каблучке с ремешками, это просто йога какая-то после привычных кроссовок. Верочка надеялась, что хотя бы глаза из-под полей шляпы сверкают соблазнительно. Но, после вчерашнего вечера, надежды было не много.

Двадцать три года жизни прожито как попало! Не ставила перед собой цели — раз. Не ухаживала за своей красотой — два. Не пользовалась древней женской магией — три. А все норовила валяться на диване и читать книжки про сыщиков. Только сыщик с седыми висками был красив, богат, умен и в книжке, а она... да, что говорить! Но вчера привычный ход вещей нарушился.

Когда утром на работе она привычно шуршала входящими-исходящими в своем углу, в кабинет проскользнула завхоз Тамара Михайловна, вся в красных пятнах от волнения и, припав к широкой спине начальницы канцелярии, зашептала ей в ухо страшным шепотом, который был отчетливо слышен даже за дальним столом. Ужас, кошмар, у директрисы в кабинете завял последний букет живых цветов, а уборщица, совершенно безответственная дура, не привезла с дачи новый. И теперь надо скидываться на магазинный букет, и быстрее, либо — конец света! — ставить на стол горшок с цветущей фиалкой. Фиалкой! Могучая спина не реагировала, но, дождавшись, когда шепот был уже готов перейти в истерику, наконец-то повернулась. Начальница канцелярии милейшая Валерия Николаевна наслаждалась паникой на корабле. И только дав отчаянию несчастной дойти нужной точки, согласилась взять на себя переговоры с директрисой о размещении — только на один день! — горшка с фиалкой на первом столе учреждения.

— Не знаю, не знаю, Тамара Михайловна, что вы будете делать! Прямо дети малые без меня. И та еще, бестолковая, как можно было букет не привезти! Уж казалось бы не первый год работает... В чем дело, ты куда, Вера? Вера!

С Верой как раз в этот момент и произошло неприятное событие. Ее попросту стошнило, она едва успела добежать до туалета и благо еще, что тот оказался незапертым. Ополаскивая руки и лицо холодной водой, она меланхолично думала, что ей

ведь почти удалось. Почти. Она получила нормальную работу, многие даже и завидовали. Она продержалась целое слишком жаркое лето. Несмотря на запахи котлет и копченых сосисок, лопающихся в микроволновке в обеденный перерыв. Не смотря на духоту и заклеенные скотчем форточки. Несмотря на... в общем, какая разница, что именно она вынесла, если сейчас она стоит с мокрым лицом в туалете и не может заставить себя пойти назад в кабинет.

Но пойти, конечно, пришлось. Коллеги сидели с пытливыми лицами, Тамара Михайловна на всякий случай даже с осуждающим, а Валерия Николаевна, как капитан пиратского судна, встречала Верочку скрестив руки на груди:

— Что это, Вера,— начала она как бы ласково, но с некоторой особой интонацией, сулившей допрос с пристрастием,— что-то съела ты или как? Может кефир несвежий на завтрак попила?

— Нет, все нормально,— пискнула Вера.

— Значит, беременная,— заключила Валерия Николаевна.— И ведь только взяли! Она уже и беременная. Да, точно вам говорю, наверняка, и устраивалась уже в положении. Всех обманула! Понаберут таких-то, а они потом в декрет. Да хорошо еще до декрета бы доработала, а то ляжет на больничный. А я предупреждала! Говорила! А наша мне: «Она не замужем!»! Наивная.

«Нашей» Валерия Николаевна называла директрису, близостью с которой чрезвычайно гордилась, и каждый обед с энтузиазмом сервировала стол для совместных обедов в директорской подсобке.

— Чтоб никаких мне больничных! — приказала она Верочке, и тут же повернулась к Тамаре Михайловне: — Что за молодежь, ну лишь бы не работать!

Тамара Михайловна тут же поджала губы, выражая отношение честного работника к «таким-то». Вера хоть и была уверена, что не беременна, но... но вдруг? Вдруг они правы? Вон ведь как все сходится у них. Действительно, и пришла на работу недавно, и тошнило в туалете, и не замужем она. Она посмотрела на Валерию Николаевну почти с испугом:

— А можно мне... за свой счет? День... два. Два можно?

— На учет встать? — догадалась многоопытная начальница,— ну, пиши заявление на два дня. Подпишу сама у нашей. Иди сейчас прямо! Считай, сегодня не приходила. Сегодняшний день тебе и пятница на обход врачей. В понедельник, чтоб как штык на работе. Поняла?

— Да, да, конечно,— слабым голосом отозвалась Верочка, сгребая в сумку ручку, карандаш, блокнот, все, что не хотела оставлять на работе. — До понедельника.

Но ни к какому врачу, она, разумеется, не пошла. Вместо этого она набрала телефон Фаины и коротко рассказала о том, что у нее есть два свободных дня, и два выходных, и большое желание больше никогда-никогда не приходиться на работу. А вопрос заключается только в одном — белое или розовое брать.

— Бери обе две! — распорядилась Фаина.— А грейпфруты не бери, у меня есть. Курицу главное не забудь, а я картошку пошла чистить.

Когда лучшая подруга велит взять курицу и сообщает, что уже начала чистить картошку, становится понятно, что парочкой мартини дело не ограничится, и Верочка проявила разумную предусмотрительность, чтоб потом два раза не бегать. Сумки разом потяжелели, зато весело позвякивали, и к Фаине Верочка пришла уже почти выздоровевшая.

— Витюня? — встретила ее Фаина, уперев руки в бока. Сегодня на ней было рекордное количество браслетов, цепочек и еще каких-то штук, название которых Верочка никак не могла запомнить. Практичная Фаина была в своем любимом балахоне, который вообще-то был домашней одеждой, но в случае внезапного приключения (кто знает, как сложится вечер?) мог сойти и за платье.

Верочка только фыркнула. «Витюня!» Тоже, скажет глупость какую-то. Витюня был ее старым любовником. Вообще-то не таким уж старым, всего на пятнадцать лет старше, но вспоминая о нем, она мысленно называла его только так. Это было выражение сродни выражению «старая сумка». Что-то надоевшее, чем пользуешься неохотно, хочешь поменять на новое, но пока ленишься... А вот выражение «старые джинсы» не подошло бы, думала Верочка, старые джинсы вещь любимая. Отношения с Витюней Верочку не то чтобы устраивали, но как-то не мешали. Немного раздражала его манера разговаривать — ласково, до сюсюканья, а так ничего. Она даже притерпелась к его вечным хвастливым рассказам о своих мужских победах, думая обычно в такие моменты о своем. «Тебе от меня только одного и надо!», — обижался Витюня. «Это уже немало», — рассеяно отвечала Верочка. Иногда ей казалось, что только ее равнодушие до сих пор держит Витюню рядом с ней, а впрочем, какая разница?

— Эй, очнись! — крикнула из кухни Фаина. — Курицу пожарить или запечь? От чего тебя не тошнит, подруга?

Пришлось объяснять про работу. Что чувствует какое-то совершенно дикое, лесное одиночество. Что ей уже не раз говорили, что она странная. И что сегодня ей от всего этого стало так тоскливо, что вот... Организм выдал такую странную — опять «странную»! — реакцию.

— Ну? И что? Будем искать тебе другую работу? — деловито закусывая грейпфрутом, спросила Фаина.

«Все-то у нее запросто», — засомневалась Верочка. Проблема была в том, что она и правда ощущала себя странной. А ведь от себя не убежишь. Говорят, твоя проблема пойдет вслед за тобой. Боже, как это все грустно...

— Давай напьемся для начала, — сказала Верочка, — как там картошка, сварилась?

И они напились. И Вере стало хорошо от мартини, и картошки, и курицы, она смеялась, изображая в лицах то завхоза, то широкоспиную Валерию. От работы плавно перешли на мужчин и тут уж совсем хохотали до слез над Витюней и над Фаиниными приятелями. В отличие от Веры Фаина предпочитала молодых. Относились к ним как к породистым жеребяткам, но уж и дрессировала их соответственно. «Иногда думаю, — говорила Фаина, — Не купить ли мне ботфорты по самую попу и хлыст? То-то радости будет. Но с выбраковкой хлопот много. Пока подберешь себе чемпиона...». Вера уже даже смеяться не могла.

— А если серьезно, — сказала Фаина, — тебе надо найти свою судьбу.

Учитывая, что «судьбой» Фаина обычно называла всех своих парней, так и говорила «судьба № 1», «судьба № 2», в воздухе запахло чем-то тоскливым, вроде сайтов знакомств.

— Зачем? — уперлась Вера. — Это что-то из твоих штучек?

— Это реально работает! — горячо заговорила Фаина. — Я теперь так всегда делаю, и во всем! И своего последнего так нашла, и одежду так покупаю. Надо только слушать себя, — и она торжественно положила руку на грудь, — быть готовой ко всему. Жить надо так, чтоб тошнило не от скуки, подруга!

Так и получилось, что сегодня Вера вышла из дома, наряженная в парадные туфли, купленные еще на выпускной, и в Фаинину шляпу. Правда, с тяжелой головой после вчерашнего. Зато в этой тяжелой голове было пусто-пусто, прямо-таки идеальные условия для развития интуиции. И не успела она отойти и нескольких метров от дома, как на ближайшей же помойке ей встретился трехцветный котенок. Он громко мяукал, призывая то ли мамку, то ли ее, Верочку. В растерянности Вера опустилась на корточки и начала его гладить. Тельце у котенка было мелкое, худое, косточки

легко прощупывались, а голос громкий, пронзительный. Неужели надо его взять? Трехцветный, все-таки. Говорят, они счастье приносят. «Это все? — подумала она.— Можно идти домой, судьба уже нашла меня? Это значит, что быть мне старой девой и жить с кошками. Господи, я не готова!»

— Ты, что ль, Верк? — раздался сзади едкий голос.

Вера обернулась. Соседка тетя Тоня стояла с мусорным пакетом и глядела на нее во все глаза.

— Кошек уже подбираешь? А шляпу-то, глянь, нацепила. Будешь, как твоя мать, всю жизнь кошек помоечных кормить! Ох, и странная ты, девка!

И тут Вера разозлилась. Злость она ощутила как прилив адреналина и впервые в жизни поняла до чего ж это приятно. Сузив глаза, она почти пропела:

— Здравствуйте, тетя Тонь! А я никак Настю вашу вчера видела? В гости, наверное, приехала? По родному дому соскучилась? И как только муж отпустил.

Пару дней назад Верочкина мама принесла со двора новость: Тонина дочь, которую с трудом удалось пристроить замуж, и Тоня даже бегала свечку ставить на радостях, вернулась из замужа домой. Муж, хоть и валенок, а терпеть ехидну не захотел и вернул сокровище теще. Настя, привыкшая добиваться всего скандалами, обозлилась почему-то на мать. И Тоне теперь надо было либо дальше лелеять свою принцессу, либо искать другого принца.

— Не твое дело! За собой смотри, кобыла! — плюнула Тоня и, быстро выкинув пакет, заторопилась в сторону магазина.

На душе у Веры запели птички, оказалось, что немного зубастости в жизни не помешает. И как прекрасно тонизирует! Она посмеялась немного над своим только что придуманным каламбуром («Тоня — тонизирует»), и, прибавив шаг, вышла, наконец, на ближайшую улицу. Охота за счастьем началась.

Значит, как там вчера Фаина ее учила? Так... первая встречная машина красная. Надо искать большое красное. Ага. Вот. Большая красная вывеска магазина. Так, и что? Режим работы до двадцати ноль-ноль. Хм... ну, давай, что ли поищем на какой-нибудь машине номерной знак с двадцаткой. И проследим куда она направляется... Как пить хочется! Надо зайти в магазинчик. «Девушка, бутылку воды без газа, маленькую!». А на бейджике-то у нее «Светлана». Я где-то видела магазин с таким названием. Или это была парикмахерская?

К обеду ноги буквально отваливались, Вера чувствовала себя русалочкой, добровольно согласившейся на пытку ради любимого. Из побочных эффектов поиска имелись две пачки чипсов, бутылка пива, свежий маникюр, и пачка сигарет. А судьба все не находилась.

Вера бы и бросила давно это занятие, но воспоминание о работе заставляло ее идти до конца. Нет. Назад пути нет. Иначе, не вылезать ей из служебного туалета до конца дней, хроническая интоксикация организма обеспечена.

Что ж, если нельзя вернуться, можно хотя бы отдохнуть, и Вера свернула в парк. Хорошо как, пусто в парке. Спортсмены, бегающие по дорожкам, уже отзанимались, шумные дети уведены мамками на обед, а молодежь, наверное, еще и не проснулась.

«Я здесь почти одна»,— подумала Вера, блаженно вытягивая ноги, и подставляя лицо холодноватому, августовскому солнцу. Небо сегодня было синее-синее, каким оно бывает исключительно в конце лета, в тени под деревьями уже скапливался за ночь холод и расплзался потом по всему парку деревенской свежестью. Пахло уставшей травой, землей и даже опавшими листьями. Вера достала из сумки пиво, шуршащий пакет чипсов, немного повозилась, все это открывая, и принялась обедать. Вкус ее обеда напоминал счастливую пору бестолковой юности, когда они с Фаиной бегали в этот парк тусить. И этот холодок, и яркое небо, и вкус пива и глю-

томатные эти чипсы, ну какое же было тогда счастье! И все казалось еще впереди, надо только дождаться будущего. Кто ж знал тогда, что в будущем ее ждут входящие-исходящие... Нет-нет, эту мысль надо отогнать прочь. Не сегодня. Лучше еще чипсинку. Еще глоточек. М-м-м, блаженство.

Внезапный грохот рядом со скамейкой заставил Веру буквально подпрыгнуть. Молодой человек в белой футболке и черном плаще уронил рядом с ней странный деревянный ящик, с приделанными к нему металлическими ножками. Что за грохот. Ой, да это же мольберт. Вера не знала, что в городе есть художники. Детей с мольбертами видела, а взрослых нет. Она повнимательней присмотрелась к парню. Одет интересно. Наверное, было бы даже стильно, если бы одежда не была такой потрепанной. Старенькие джинсы, футболка немного растянута, плащ, кажется, вообще с чужого плеча. Но все чистое. Она перевела взгляд на его сокрушенное лицо. Он рассматривал отвалившуюся от мольберта ногу...

— Четвертый раз! Скоро уже нельзя будет починить, если я и дальше так буду ронять.— Его по-детски пухлые губы надулись от досады, а на щеках выступил густой румянец. И только кудрявая прядь, упавшая ему на лоб выглядела веселой. «Как у козленка из мультика»,— подумала Вера.— «Ну, совсем ребенок!» — умилилась она, и тут же разлилась на себя. «Ребенок вполне взрослый, а я скоро паутиной покроюсь, если буду всех молодых людей сравнивать с Витоней. Это он старый, а...».

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Борис.

«...а козленок Борька как раз мне подходит»,— мысленно закончила она и улыбнулась кудрявому художнику. Молодой человек явно приободрился, разглядывая ее шляпу.

— А я Вера, очень приятно познакомиться. Вы писали тут картину?

— Я начал пейзаж,— признался Борис,— но когда я буду его заканчивать, уже всю будут жечь листья...

— А это что-то меняет?

— А как же! Я хотел, чтобы глядя на мою картину вы бы прямо чувствовали этот запах костра из осенних листьев. Но как его передать?

Вера задумалась.

— Наверное, дым... и он меняет цвет неба, хм, но не везде, а только местами. Например, тут будет синее-синее, и золотые кроны, а тут костер и дым поднимается и он такого цвета...

— Вот-вот,— обрадовался Борис,— какого? И давай на «ты», да?

— Цвета перца с солью. Давай на «ты».

— М-м-м,— помычал Борис задумчиво,— это как приправа?

— Ну, или как окрас у собак. Или как седина, когда она только начинается.

— Над этим надо подумать,— серьезно сказал Борис,— ну и раз уж я тебя напугал, можно угостить тебя кофе?

— И где мы его будем пить? — засмеялась Вера, или у тебя там, в мольберте, термос есть?

— Зачем же, тут есть прекрасное кафе, разве ты не знала? — и повел Веру в один из домов, прилегающих к парку, где в полуподвальном помещении действительно расположилось маленькое кафе на три столика. Вера с удивлением разглядывала стены, покрашенные серой краской, сколоченные из досок столы и скамейки, покрытые прозрачным лаком. Красиво. В углу было маленькое пространство бара, где скучал за книжкой молодой бармен в черной футболке. Борис молча ткнул пальцем в строчку «кофе» и показал бармену два пальца. Уселась за столик под окном. Из окна были видны кусты, кусочек неба, несколько раз чьи-то кроссовки пробежали мимо окна, потом процокали лодочки и Вера сказала:

— Здесь как в мастерской Мастера, когда он каждый вечер ждал свою Маргариту, а она прибежала и стучала ему туфелькой в окно, помнишь?

Этот вопрос был проверкой. Люди, которые не знали про Мастера и его Маргариту, Веру не интересовали в принципе, такое у нее было правило.

— Мастер это тоже художник? А, нет, здесь глухонемые кафе открыли, для своих. У меня просто сосед друг детства, ну и не возражают, когда я прихожу. Правда, всегда один приходил. Но, думаю, они не против, разве им жалко, когда девушка красивая? — козленок Боря смотрел на нее нежно и с восхищением из под кучерявой челки.

Дзынь! Звякнула кофемашина. Но Вере в этом коротком дзыньканье послышался звук оборвавшейся нити, за которую был привязан воздушный шарик. Голубой воздушный шарик, привязанный к ее макушке и наполненный с правилами, интеллигентностью, самомнением и прочей ерундой. Стало так легко-легко, будто это был не шарик, а пудовая гиря на ноге, и еще почему-то стало смешно... Она сидит в фантастическом месте, о котором ничего раньше не знала, она пьет кофе, напротив сидит красивый юноша, который смотрит ласково и явно хочет более близкого знакомства. Какого черта, а? Какой Мастер? Какая Маргарита? Если не сейчас, если не с этим молодым художником, то где она? Да, может быть, это судьба, права была Фаина.

К вечеру Вера и Борис, веселые и наболтавшиеся вволю, пришли к нему домой. Ему непременно захотелось показать свой дом. И он водил ее по комнатам, прижимая к себе все более ласково и настойчиво. «А вот тут была комната деда. Сначала моя раскладушка стояла рядом с его кроватью, а потом он выделил мне целую отдельную комнату. А тут была наша мастерская. Вот тут стоял дедов мольберт, а у того окна мой, маленький. Дед грунтовал мне холсты, покупал краски, он всерьез готовил меня в великие художники. Что? Нет, он умер прошлой весной. Мать жива, но... мы не видимся, мы не очень интересны друг другу. Вот. Посмотри, это картины деда, а это мои. Не смейся, это я рисовал еще в первом классе. Между прочим, дед сказал, что для первого класса очень неплохо. А вот тут фотографии деда и бабушки, она умерла и потом он больше не женился. А вот тут наш с дедом тайник, хочешь сладкой наливки? Мы делали сами из вишни. Есть еще из смородины и клубники, ты что хочешь? Иди ко мне, какие у тебя сладкие губы, это от клубники. Всегда буду поить тебя клубничной наливкой».

Вера чувствовала себя счастливой, доброй и пьяной. Это было так хорошо! Жаль, что нельзя было прожить так всю жизнь. Ей стало казаться, что Борис превратился в большого ласкового котенка, который мурлычет и трется о ее ноги своей шелковой спинкой. Ах, да у него на самом деле совершенно шелковая кожа, и похоже он на самом деле мурлычет. Иди сюда, я почешу тебя за ушком! Ах, ты ко-о-отичка...

Проснулась она очень рано. Так на нее действовал алкоголь. Проснулась и засмеялась. Что-то вчера случилось важное. Повернув голову, она увидела своего художника, сладко спавшего на пышной пуховой подушке. Наверное, тоже дедушкино наследство. Протянула руку и провела слегка по щеке. Ну, точно, шелковый. За ночь не отросла щетина? Совсем птенец. Она полежала, вглядываясь в незнакомые черты, пока холодок не начал пробираться мурашками по шее. Раньше таких приключений у нее не было и ей чуть было не стало неудобно. Она украдкой глянула в телефон. Несколько непринятых вызовов от Фаины. Вера знала, что сейчас сказала бы Фаина. Как девушка прагматичная, она сказала бы: «Во-первых, успокойся. Ну, случайный секс, с кем не бывает. Во-вторых, руки в ноги и беги, пока не проснулся. Ты понимаешь, что он может оказаться кем угодно? Наркоманом, извращенцем, бандитом, больным, да мало ли кем? Господи, хоть одну на улицу не выпускай. То от Витюни не можем избавиться, то понесло ее по кочкам».

Чтобы дать достойный отпор воображаемой Фаине, Вера перестала ее слушать и встала с постели. «Кто сказал, что секс еще не повод для знакомства? Нет, дорогуша, ты сама отправила меня искать судьбу. Вот и поглядим, что он скажет, когда проснется. О-бя-за-тель-но познакомлюсь!» — Вера даже разозлилась на Фаину в своей голове. Побыстрее накинула футболку своего... ммм... своего... ладно, не важно. Борину футболку она надела и пошла в поисках ванной комнаты и кухни.

Со всеми процедурами уложилась в пятнадцать минут. Как бы она ни храбрилась перед самой собой, но занимать надолго ванную в чужом доме она не рискнула. Умытая и причесанная, Вера уселась возле окна с чашкой крепкого чая и мысли потекли более приятным образом. «А может быть и не ругалась бы Фаина. Ведь мы договорились искать судьбу, значит, готовы к риску, верно? Думаю, она сейчас сказала бы: дорогая, пока он спит, осмотришься как следует, проверь — куда ты попала», — и Вера улыбнулась заговорщической улыбкой рискованной девчонки. Немного правда царапала мысль, что после двух чашек кофе, стакана клубничной наливочки и обоюдодприятного секса, ее случайный любовник сладко сопит в подушку, а она терпеливо ждет, когда он проснется, чтобы узнать... что? Понравилось ли ему? Будет ли он с ней встречаться? Была ли она достаточно хороша, чтобы он не пожалел о вчерашнем вечере? Почувствовав, что начинает злиться, Вера встала и решительно осмотрелась.

Воздух в доме немного отдавал печкой, интересно, как давно ее топили. Маленькие окна пропускали совсем мало света, под окном разрослись кусты жасмина. Как же он пишет тут картины? И где они, кстати, где его желтый деревянный мольберт с отломанной ногой? Где запах краски? Вера осторожно ступала босыми ногами по крашенным доскам пола, опасаясь, что они заскрипят.

Маленькая дверь, обитая голубой клеенкой, со старой металлической ручкой в виде скобки вдруг привлекла ее внимание. Вроде бы вход в дом с другой стороны, так куда ведет эта дверь? В кино часто показывали дома с задней дверью, ведущей в сад, но это было зарубежное кино. Вера осторожно коснулась стальной ручки... Вибрация телефона заставила ее подпрыгнуть. Сердце заколотилось. «Фаина» высветилось на экране.

— Не мешай мне! — зашипела Вера в трубку. — Что названиваешь? Потом! Я сказала, потом! Да, нормально все, отстань!

Когда Фаина, наконец, удостоверилась, что ее подруга жива-здоровая, Вера открыла таинственную дверь, и оказалась на старой, светлой террасе. Большой, выходящей высокими, до потолка, решетчатыми окнами, на запущенный сад и низкий покосившийся забор. А дальше поля и поля, и землисто-желтые кроны тополей в посадках и пруд. Работы Бориса и его деда хранились на террасе. Загрунтованные холсты в углу, готовые картины на стенах и на полках этажерки. Тюбики краски повсюду, россыпи карандашей на столе, кисти в банках с вонючим растворителем, палитры. Вера взяла одну кисть и попробовала, набрав на нее краски из тюбика, нанести на холст. Она думала, что получится сочный золотистый мазок, но на поверхности холста остались лишь какие-то желтые царапины. Везде свои хитрости, так просто не порисуешь. Вера засунула кисть обратно в банку и взяла с подоконника большую грушу. Откусила, пригложась вытирать с подбородка сок. Но мякоть была плотной, медово-сладкой. Сок тек по зубам, когда она раздавливала ими грушу, аромат заполнял рот, вился вокруг ноздрей, напоминал то ли о рае, то ли о счастливом детсадовском детстве. Кажется, она немного испачкала нос. Вера взяла со стола тряпку, казавшуюся чистой, чтобы вытереть лицо, и обнаружила под нею старенький трогательный акварельный набор. Наверное, еще от бабушки остался. Каждая краска была в отдельном прозрачном кирпичике, а на ветхой голубой коробке золотистые буквы и ярко-красный кружок с таинственным знаком. Краски назывались «Ленинград», ка-

кое милое, забытое слово. Мама иногда так называет нынешний Питер, когда смотрит новости. «Вера, ты только послушай, какая в Ленинграде погода...».

Вера положила надкушенную грушу в большую керамическую миску, стоявшую тут же. Борис, наверное, использовал ее для натюрмортов. Подумав, добавила к груше еще две, целых. В груди всякого хлама на столе нашла кусок белой плотной бумаги подходящего размера. Затем она вернулась к двери и, приоткрыв ее, послушала, не проснулся ли хозяин? Нет, абсолютная тишина. Спит богатырским сном. И, закрыв поплотней дверь, Вера уселась рисовать.

Она задумчиво рассматривала белый лист. И ей начинало казаться, что она видит картину, готовую проступить на листе. Тонкими-тонкими штрихами, с помощью острого карандаша, оставляющего едва заметные серые линии, она рисовала очертания гладкой миски, старой деревянной рамы, далекий пруд. Груши легли толстыми налитыми боками, и стало видно, какие они тяжелые. Потом Вера придвинула к себе корытца ленинградской акварели и палитру. Груши желтые, миска синяя, рама коричневая. Поле зеленое, пруд серебристый, небо синее. Так. Все понятно. Но неожиданно для самой Веры в грушах вдруг проступил нежный розовый румянец, и она послушно нанесла это на бумагу, в синей миске вспыхнули алые блики. Вера удивилась, но и тут не стала спорить. А потом вдруг увидела все разом. Рамы оказались сиреневыми, она так их и рисовала, пруд прикинулся тонкой белой полоской, зелень полей переходила в желтизну, а груши с самого спелого боку вдруг покрылись коричневыми точками, как гречишный мед.

Вера мазала, тыкала, штриховала, щедро зачерпывала и смело мешала цвета. Нескольких раз на цыпочках бегала менять воду, молясь, чтоб хозяин не проснулся. Перерыла всю мастерскую в поисках подходящих для палитры обрывков бумаги, они у нее быстро заканчивались. Чем дальше продвигалась работа, тем медленней и осторожней приближалась кисточка к картине. Вера стала отходить к дальней стене и оттуда смотреть, прищурившись. Потом подошла, вдумчиво смешивала на палитре новый оттенок и делала всего одно легкое касание. Одну точку нужного оттенка. И снова отходила смотреть и думать.

Наконец наступил момент, когда она больше не смогла прикоснуться кисточкой к бумаге.

Быстро, почти торопясь, Вера вытащила из груды хлама в углу фанерку нужного размера и приколотла к нему кнопками свой рисунок. Немного наклонила фанерку. В одну сторону, в другую. Краска не текла. Тогда Вера вынесла фанерку в коридор, пристроила ее на какой-то стол, торопливо разыскала свою одежду, набрала номер такси. Вернулась, посмотрела на сладко спящего юношу. Борис повернулся во сне на другой бок, вздохнул и зарылся в подушку. Ну, разве он виноват в том, что она не может вести себя как нормальная девушка? Разбудить поцелуем, завтрак в постель, то-се... Вера быстро написала свой номер телефона на бумажке и положила записку на тумбочку рядом с ним. Если захочет, позвонит.

Ждала на улице, обхватив себя руками в утреннем холоде и любуясь, как уличный свет по-новому освещает ее рисунок. Но что-то все равно скребло на душе, что-то было не так. На забор вспрыгнула трехцветная кошка и стала умываться, тщательно терла лапкой заspanную физиономию. Какие же все-таки уютные эти кошки! Они терпят хозяина, иногда дают себя погладить, иногда требуют ласки. Когда такси уже подъехало, Вера аккуратно пристроила картину на заднем сиденье, проверяя, надежно ли, не свалится ли, не дай бог. И, уже садясь в машину, вдруг попросила подождать минуточку. Быстро вернулась в дом. На цыпочках, стараясь не дышать, тихо-тихо вошла в спальню, схватила с тумбочки записку с номером, сунула в карман, и вышла, не оглядываясь.

Когда отъезжали от дома, опять завибрировал телефон. Вера в задумчивости поднесла трубку к уху:

— Да? — ей не хотелось разговаривать.— Да. Что и искала, то и нашла. Не сейчас. Я тебе перезвоню.

И она села вполоборота, чтобы разглядывать то, что жило теперь на бумаге: низенький забор, дальний лес, пруд и тяжелые спелые груши на подоконнике.

В тот же день Веру видели в магазине, покупающей краски, кисти и специальную бумагу для акварели. В понедельник она отнесла на работу заявление об увольнении и позвонила Фаине:

— Привет! Ты знаешь, я решила завести котенка. Здесь у нас во дворе бегал один, трехцветный.

Константин Емельянов
(Александрия, штат Вирджиния, США)

ДОРОЖНАЯ ЯРОСТЬ

Константин Емельянов родился в г. Алматы (тогда еще Алма-Ата), в Казахстане в 1966 году. Окончил факультет журналистики казахского университета, работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году. Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «Бельские просторы», «Северо-Муйские огни», «Новый континент» и других печатных и интернетовских англо- и русскоязычных изданий США, Германии, России, Казахстана и Индии.

— Какого?..

Огромный грузовик, громыхая чем-то железным внутри, вдруг резко вильнул в мою сторону. Игнорируя такие мелочи, как включение поворотника или других традиционных выражений намерений. Водитель грузовика, пожилой, но еще крепкий мужик, выставил «птицу» (вытянутый средний палец) в моем направлении. Потом он исчез в потоке удаляющихся автомобилей, победно просигналив на прощание.

«Ярость — плохой советчик в налаживании диалогов» — вспомнил я фразу из какого-то журнала. С грузовиками, действительно, лучше не связываться. Во-первых, они больше и тяжелее и просто выкинут тебя за линию, если будешь возникать. Во-вторых, грузовик, скорее всего, принадлежит не водителю, а компании. Так что вину за аварию всегда можно спихнуть на кого-нибудь другого.

С трясующимися руками я еще долго сидел, собираясь с духом, на «боковушке» — обочине трассы, соединяющей все Восточное побережье страны.

В сущности, на всех дорогах ежедневно идет война, в которой выживают сильнейшие и наглешие. В обычной жизни вежливые люди превращаются в кровожадных монстров садясь за баранку. В лучшем случае тебя обматерят, если попался им на пути. В худшем...

Еще была на слуху история, как полицейский, возвращаясь домой со службы, пристрелил водителя, с которым не поделил дорогу. Его действия не были актом самообороны или несчастным случаем. Нет, он специально гнался за обидчиком до ближайшего торгового центра. Где и наказал наглеца, хладнокровно пристрелив того в собственном авто.

Хоть я и не полицейский, но оружие у меня — легально купленное и зарегистрированное. Я живу неподалеку от штаб-квартиры американской Национальной Оружейной Ассоциации. Если чем и знаменит наш штат, так это тем, что здесь практически каждый носит «пушку». А купил «бульдог» — Смит и Вессон, 38 калибра, с укороченным дулом — я года два назад. В тире, куда ходил стрелять по воскресеньям. И цена неплохая, и револьвер на редкость удобный, не тяжелый. Вот только жена наотрез отказалась позволить мне хранить оружие дома. Даже в сейфе. Уперлась и все!

— Стивен, у нас дети,— сказала она, поджав губы.

Из-за чертовой бабы я постоянно таскаю револьвер с собой, оставляя его в бардачке вместе с коробкой патронов. Не скажу, что покупка оружия сделала меня суперменом, хотя и стало как-то спокойнее. В принципе, я человек не кровожадный. Хотя, та же Карен постоянно талдычит, что моя пассивная, «тихая» агрессия во сто раз хуже. Если бы я просто выкричался, швырнул что-нибудь об стену, ей, наверное, было бы легче. Вместо этого я тихо замыкаюсь в себе, перестаю разговаривать и часами стреляю из револьвера в тире. Что поделаешь, характер.

* * *

В свои 58 я езжу со средней скоростью не менее ста миль в час. Изучил все окрестные дороги в радиусе пятидесяти миль от собственного дома. Могу предсказать, где случится пробка на дороге и как из нее выбраться. Сдержанные манеры нередко позволяли мне выглядеть в более выгодном свете на фоне дерущихся оппонентов. В моей «коллекции» есть неподвижные (в виде пистолета) и дрожащие от ярости «птицы». Или «я не смотрю на тебя, чувак, но ты очень действуешь мне на нервы» — знаки внимания. Не то чтобы я искал себе приключений, когда за рулем. Скорее, они меня находят. Я уже молчу о плевках или попытках выплеснуть горячий кофе на лобовое стекло или голову. Большинство «сражений» произошло именно в летнее время и не по моей вине. Я серьезно допускаю, что на поведение людей на дорогах влияют погода, атмосфера и прочие природные факторы. За несколько лет я уступил считанные разы, да и то явным психам. Как тому, что ждал, не выключая мотор, когда же я выйду из Макдональдса.

Как-то ночью я возвращался по опустевшей трассе. Попались на пути какие-то балбесы, лет шестнадцати. Наверное, просто взяли родительскую машину без разрешения. Ну и катались бы себе, да только задумали они ослеплять проезжающие машины чем-то вроде лазерного прицела, что может вызвать шок, замешательство и привести к аварии. Когда вдруг по глазам пробежал красный луч, ощущение было как будто оказался на «мушке» лазерного пистолета. Я сначала не понял, а потом увидел юных дураков в идущей впереди машине. Времени в тот вечер было достаточно. Бензина тоже хватало, вот я и решил немножко поучить уму-разуму. В течение часа я висел у них на «хвосте», преследуя и ослепляя огнями дальнего видения. Согнал с шоссе в город, потом опять на шоссе и на какую-то сельскую дорогу. Хотя и без особой злости. Просто было смешно представлять, как они вопят и плачут от страха. В полицию уж точно обращаться не рискнули бы, так как у самих рыльце было в пушку.

* * *

Когда я устаю от машин и водителей, то просто открываю бардачок и поглаживаю пальцем холодную стальную поверхность «бульдога». А возить его в бардачке я начал после того, как попал в ситуацию на одной из небольших дорог. Навстречу на огромной скорости мчался выдавший виды пикап. И ослеплял даже в сумерках мощными, флуоресцентными фарами дальнего видения. Вообще-то, «бимеры», как их еще называют, включают только при очень плохой погоде, когда видимость нулевая. В обычное же время, из-за их ошеломляющего воздействия, нормальный водитель такие фары не включит. О чем я незамедлительно сообщил хозяину пикапа, направив на него на секунду свои включенные «бимеры». Видимо, он принял сообщение близко к сердцу, так как тут же развернулся на 180 градусов и чуть не оторвал мне задний бампер. Не прошло и пяти минут, как мы почти прижались металлическими корпусами друг к другу так, что мою дверцу невозможно открыть. Причем, пикап наполо-

вину едет по встречной полосе со скоростью не менее шестидесяти. Когда кабина пикапа поравнялась, из опущенного окна высунулась небритая рожа в бейсболке. С его колен на меня равнодушно глянуло тупое дуло обрезца.

— Хочешь потанцевать, чувак? — спросила рожа и сплюнула коричневым сгустком жеванного табака на мою дверцу.

Резко притормозив, я пропустил «реднека» вперед и развернулся. Машину качнуло, завизжали тормоза, но на этом все закончилось. Могло бы закончиться и хуже, будь пикап попроворнее. С тех пор на всякий случай я и возжу с собой в бардачке «бульдог» 38-го калибра.

* * *

На этот раз раздражителем на дороге оказалась молодая девица лет тридцати в желтом платье. То ли выпила лишку накануне, то ли еще была под кайфом, но вела она большой и черный джип-внедорожник очень нервно. Рядом на пассажирском месте сидел бугай, одетый в голубую рубашку поло. Все внимание девица уделяла компаньону, оживленно что-то рассказывающему. Судя по гулкому уханью из кабины, радио тоже играло вовсю. По частоте, с которой они меняли линии, пугая всех остальных, я почувствовал исходящую опасность. Иногда просто чувствуешь от кого нужно держаться подальше. Мне и девица, и бугай были без разницы, если бы их джип не находился на линии, куда нужно было попасть, чтобы вовремя покинуть шоссе. Лимит ограничения скорости — шестьдесят миль в час. Эти двое «мчались» едва ли под сорок пять. Им наплевать и на лимит, на хвост из других машин и на все остальное.

— Ну-ка дай проехать! — сказал я и включил поворотник.

Если бы девица замедлила ход, я мог бы аккуратно вклиниться. Однако она тоже увеличила скорость. Я сбросил скорость до пятидесяти, пытаюсь попасть на линию позади джипа. Девица сделала то же самое и опять перекрыла мне путь.

До поворота, между тем, оставалось совсем ничего.

— Эй! — заорал я и просигналил.

Не думаю, что она услышала из-за динамиков в кабине. Я просигналил подольше. Спустя секунду девка повернула голову, а потом сама засигналила, по-прежнему не давая мне протиснуться в линию. Раздраженный, я помахал ей рукой: какого черта? Вместо ответа внедорожник рванул как злобный пес, поворачиваясь ко мне тупой мордой и вынуждая меня вывернуть на соседнюю линию, чтобы избежать столкновения. Хорошо там никого не оказалось. Мне стало страшно.

— Ты что, сдурела?! — крикнул я, перекрывая сигнал своей машины.

Потом вдавил до отказа педаль газа в пол. Мотор минивэна взревел, но внедорожник я обошел. С трудом выровнял машину, что на скорости было не просто. Позади раздался яростный гудок внедорожника. В зеркальце заднего вида увидел, как девица кричит, а ее попутчик выставил в лобовое стекло «птицы» на обеих руках. Дорога была пуста. Прочие машины благоразумно отстали, ожидая, кого же первым столкнут с дороги. Девица продолжала бесноваться, почти наполовину высунувшись из окна и делая мне рукой знаки, чтобы я остановился. Я еще подумал, как же она достает до педалей в такой позе. Тем не менее, они начали отставать.

— Да пошли вы! — крикнул я и, выставив локоть высоко в открытое окно, продемонстрировал им свою «птицу».

Адреналин метался по моим сосудам. Горячий ветер теребил волосы и обдувал лицо. Дав по газам, я рванул через открывшийся «рукав» в город.

Было около восьми утра, а солнце уже палило вовсю. Через секунду машина за спиной растворилась в пленке из густого воздуха. А вскоре вся картина в зеркале заднего вида — небо, машины, шоссе — превратилась в пестрое, колышущееся и местами расплывчатое желе.

* * *

Свернув на небольшую дорогу, я притормозил на красный цвет светофора. Рабочий день в разгаре и машин немного. Только несколько опаздывающих. Неподалеку гудели электропоезда у станции метро. Поскольку зеленый светофор длился меньше минуты, проскочить я не успел. Пришлось, чертыхаясь, остаться на том же перекрестке. Хотя моя машина была теперь вторая, а соседняя линия вообще пустовала. Не успел смениться зеленый, как я услышал знакомое гудение. Со стороны шоссе, сигнала, ко мне мчался «внедорожник». Так как путь был открыт, и впереди идущий автомобиль уже проскочил, я дал полный вперед. Ну их! Еще не хватало выяснять отношения! Внедорожник, не придавая значения таким мелочам как светофор, с ревом проскочил на красный. Недовольно и встревоженно загудели машины, замедлив движение на перекрестке. Впрочем, мне было не до них. Ситуация ухудшалась, и преследователи находились в паре сотен метров позади. Чуть придавливая педаль тормоза, я судорожно посмотрел по сторонам и рванул на красный. Проскочил таким же образом еще один. Джип тоже пер на красный свет, но не притормаживал. Расстояние быстро сокращалось.

Вот впереди еще горит зеленый, но отсчет на пешеходной дорожке уже показывает: 3... 2... 1... и, наконец, ноль. Сейчас загорится красный! В этот момент джип слегка пихнул мой задний бампер и торжествующе засигналил. Радостно сверкали в разгаре солнечного утра его раскаленные, мощные «бимеры».

«Сейчас протаранит насквозь», — подумал я.

Но вместо этого внедорожник резко вильнул вправо. Промелькнуло оскаленное лицо девки. Обогнув, она направила машину по крутой диагонали и ударила по тормозам, почти припечатав меня к обочине. Завизжали тормоза и меня бросило на руль. Будь скорость побольше, мог бы раскрыться аварийный мешок. Теперь убраться можно только задним ходом. Времени на это не осталось. Передние двери джипа открылись, и девица с бугаем почти одновременно спрыгнули на асфальт.

* * *

Закрывшись изнутри, я поднял стекло. Капля пота упала за воротник рубашки. Я почувствовал жжение на груди. Вспотели лоб и ладони, а пальцы рук слегка подрагивали. Враги приближались. Через стекла визг не затихал ни на минуту. Слов я не разбирал. Кроме «Мазер-факер», повторяющегося чаще других. За девицей с решительным видом следовал бугай. Не доходя пяти шагов до машины, она сделала нетерпеливый жест рукой.

— Ну! Выходи!

Народу на улице стало меньше. На нас никто не обращал внимания.

— Выходи! Давай же!

Еще немного и начнет дергать за водительскую дверцу. Я нажал на кнопку и чуть приспустил окно.

— В чем проблема? — спросил я, стараясь казаться спокойным. Хотя пот уже лился по груди, а молотки в висках гудели как церковные колокола.— Если есть претензии, звоните в полицию.

— Проблема в том, что у тебя проблема! — завизжала девка.

Лет тридцать пять, а то и больше, а не двадцать, как я думал раньше. Одета в летнее облегающее платье ярко-желтого цвета, с массивными серьгами в ушах и зеленоватой косынке на голове. С натяжкой ее можно было даже назвать миловидной, благодаря светло-шоколадному оттенку щек и большим карим глазам. Если бы не ее довольно большой и непропорциональный носу и глазам рот и хищные высокие скулы. А может быть потому, что она визжала, не умолкая.

— У тебя с головой не порядок, да? — верещала она. — А права ты в Макдональдсе нашел, да?

Эта идиотская привычка «дакать» после вопроса взбесила меня больше, чем все остальное:

— Какие права? Какой Макдональдс? — А у тебя с головой все в порядке? — почти закричал я из окна, приоткрыв чуть пошире. — Кто мне проехать не давал? Это тебе права неизвестно кто подарил!

Зря я про голову вспомнил. От жары или нервов мою голову пронзила острая боль. А солнце пекло по-особенному невыносимо уже с утра.

— Ну, выходи! — продолжала верещать за окном девица. И потянула дверцу с моей стороны.

Бугай в голубой рубашке, мной позабытый, вдруг рванул на себя боковое зеркальце на пассажирской двери минивэна. Жалобно хрястнул «металл», на поверку оказавшийся обычной пластмассой.

— Бардачок! — искра боли в голове. — Залезь в бардачок!

Виски налились свинцом и пульсировали. Секунда, чтобы открыть его, и другая, чтобы достать револьвер. Еще секунда, чтобы убедиться, что барабан полон. Держа револьвер дулом вниз, я отстегнул ремень безопасности свободной рукой. Взгляд девицы замер. Ее темно-карие зрачки расширились, а тонкие брови взметнулись вверх. Застыл и большущий рот.

— Ой, Джейсон, у него пистолет! — заверещала она испуганно, и, развернувшись к своему «внедорожнику», чуть не упала, запутавшись в свое длинное, желтое платье. В таких нарядах не побегаешь.

— А то! — удовлетворенно сказал я, вылезая из машины и направляя в ее спину ствол «бульдога».

Она не завизжала как обычно. Что совсем не характерно. А потом я нажал на курок. И еще. И еще.

Поп-поп-поп! — хлопнули выстрелы. Как газы выхлопные. Или попкорн в микроволновке. Даже уши прочистило. Не знаю попал или нет. Она просто исчезла за своим джипом. Но визжать перестала. Не став преследовать, я залез в машину и полностью опустил окна. Послышались визги людей или тормозов.

— Джейсон, — позвал я.

Высунувшись из водительского окна, «всадил» еще две пули в дверцу, за которой спрятался здоровяк. Поп-поп! — дружно хлопнули выстрелы. Зазвенело стекло. Посыпалось вниз как хрустальный водопад.

— Ребята! — я выстрелил в последний раз куда-то в глубину салона джипа. Застегнул ремень безопасности. Больше патронов в барабане не было.

Опять завизжали тормоза. Развернувшись, я поехал по направлению к шоссе. Может быть смотрели на меня в тот момент через дорогу. А может и нет. Может быть улица была совершенно пуста. Сейчас и не вспомнишь.

* * *

По радио сообщили через час. Про минивэн белого цвета.

Еще через час полицейский сказал, что поиск на вертолете ничего не дал. Стрелок уже покинул границы штата. Всех просят звонить. Ехать домой не было смысла. Полицейские уже начали останавливать белые минивэны. Завернул в городок в стороне от трассы. Зашел в Макдональдс и купил кофе и Биг-Мак. Вспомнив, как девка в желтом платье спрашивала, нашел ли я права в Макдональдсе. Детям решил не звонить. Набрал номер жены.

— Стивен? — напряженно спросила в трубку она. Неужели знает? Или просто чувствует? — Ты где?

— Карен, — глухо ответил я. — Сегодня работы не было...

— Стивен!

— Подожди! — начал раздражаться я.

Переборов четыре таблетки аспирина, головная боль возвращалась. Внутри помещения я говорить не решился. Присел в скверике. Хотя было уже по-настоящему жарко.

— Слушай, — начал я, — у меня неприятности. На меня напали. Я защищался.

— О, Стивен! — всхлипнула Карен. — Я слышала... О, боже! Тебе же почти шестьдесят!

— Я знаю сколько мне лет, черт возьми! — рявкнул я. — Можешь ли ты дать мне закончить?!

— Стивен! — опять всхлипнуло в трубке.

— Прости, Карен! — пожалел я жену — Давай позвоню позже, ок?

— Где ты? — булькнула трубка.

Вместо ответа я отключился. «Вот курица! — вместе с яростью возвращалась головная боль. — Я обязательно что-нибудь придумаю! — Надо было либо идти внутрь, либо в минивэн, либо еще куда. Жара и духота становились просто невыносимыми. — Я обязательно что-нибудь придумаю!» — повторял я, сидя на скамейке и обхватив голову руками.

* * *

Из сообщений местных газет, радио и СМИ: «Полиция штата сообщила вчера, что стрельба между водителями произошла на углу трасс I-495 и проспекта Свободы, неподалеку от моста, разделяющего штаты М и В. Водитель-женщина с очевидным ранением в шею и пассажир «внедорожника» без очевидных ранений доставлены в местный госпиталь. Женщина находится в стабильном состоянии. Стало также известно, что подозреваемый житель города Н., что в штате М., добровольно сдался властям через несколько часов после перестрелки. Причина инцидента до сих пор неизвестна, но уточняется властями. Полицейские и административные органы штата выразили озабоченность участвовавших случаев подобной «дорожной ярости» и призывают всех водителей более внимательно относиться к друг другу и сообщать обо всех проявлениях насилия на дорогах».

Вячеслав Алтунин*
(г. Тула)

ВИНО СВОБОДЫ
Фрагмент романа «Контора».
Повесть о газете и газетчиках

*«Мы дышали воздухом свободы, мы пили ее вино
и были счастливы. И пусть это продолжалось
лишь несколько мгновений. Зато как сладко!»*

Вильгельм Кюхельбекер

— Ну, коллеги! — главный редактор Александр Теодорович, полноватый, с короткой и густой, под Хемингуэя, черной бородой, откинулся на спинку кресла и хрустнул костяшками пальцев.— Ну, коллеги! Исторический момент. Планируем первый новогодний номер в истории нашей газеты, нашей Конторы. Потом таких номеров будет, надо надеяться, немало, но этот навсегда останется единственным и неповторимым. Прошу проникнуться важностью момента и высказать ваши предложения о смысле и содержании будущего новогоднего номера. Нет нужды вам говорить, что, поскольку он первый, то должен стать событием, стать чем-то особенным. Еще неделю назад я попросил вас продумать предложения. Итак, что имеем в результате? Прошу, прошу поактивней! Особенно необходима нам та общая идея, тот сюжетный ход, тот стержень, который объединил бы все разрозненные материалы в одно стройное общее целое. Это не должен быть винегрет даже из блестящих материалов. Нет, нет и нет! Это должно быть единое целое и в то же время многообразие и разнообразие. Прошу высказываться!

Первым высказался корреспондент по спорту, которого все в Конторе не называли иначе, как просто Витек. Бывший футболист, худощавый, с круглым, вечно веселым и чаще всего пьяным лицом, рыжеватыми густыми волосами, он постоянно источал веселье и оптимизм. Никто никогда не видел его расстроенным и раздраженным или удрученным чем-либо. Его энергии хватило бы на пятерых. На велосипеде, на попутном транспорте, а то и пешком он проехал и прошел вдоль и поперек всю область. Он, кажется, знал всех, все знали его: от рядовых граждан до самых высоких начальников. И все к нему хорошо относились. За его простодушие и неистребимую веселость, а также за то, что никто не знал столько занимательнейших историй, сколько знал их он. Ему прощались многие его недостатки: и то, что он занимал то и дело деньги, никогда не отдавая занятых сумм, и то, что он мог запить или увлечься очередным любовным романом и исчезнуть недели на две, и многое другое. Сердиться на него было положительно невозможно. На него смотрели как на «птичку Божию», которая не знает ни заботы, ни труда; как на необходимый атрибут Конторы и — на многое в его поведении закрывали глаза. Потому что без него скучно стало

* Наш постоянный автор.

бы в Конторе! Кроме того, он всегда привозил кучу интересных репортерских материалов, написанных четко, живо, ясно и, что особенно ценится в Конторе, коротко: не более полутора-двух страниц, то есть от восьмидесяти до ста двадцати газетных строк. Самый ходовой и востребованный объем! Так вот Витек выступил первым.

— Вы знаете, что я хочу сказать-то? А вот что. А зачем нам уж слишком-то корячиться над этим новогодним номером? В праздники, тем более в новогодние, народ у нас что делает? Правильно: водку пьет и другими подобными делами занимается. И плевать ему на наши умные и яркие материалы. Кто в праздник читает газеты? Сумасшедший. Разве не так?

— Витек, ты, словом, предлагаешь вообще новогодний номер не делать? Ценное предложение! Может, и газету тогда не выпускать? — возмутилась респектабельная, безупречно одетая, русоволосая и темноглазая Тамара, первый зам главного редактора. Ее за глаза называли «Железная леди Конторы», и это было верно и точно. Воля и хватка у нее были мужские, самообладание поистине как у разведчика. Спорить и толковать с нею было бесполезно: чего стоит тот или иной материал, она видела сразу и безошибочно отделяла зерна от плевел. Часто это делалось жестко, пожалуй, иногда и жестоко, но что делать? Такова газета и такова редакционная жизнь. Она не для кисейных барышень и маменькиных сынков. Дышать разреженным, суровым воздухом Конторы могут далеко не все: многих он просто убивает. Тамару боялись и уважали в редакции все: от уборщицы до главного редактора включительно. Никто не заблуждался относительно того, кто настоящий хозяин в Конторе, и когда надо было решить какой-то важный вопрос, шли непременно к ней. Если она скажет «да», вопрос непременно решится, ну уж а если «нет», то значит — нет! К главному и идти бесполезно.

— Итак, ты предлагаешь новогодний номер не делать. Так, что ли?

— Да нет, Тамара. Мое предложение вот какое: сделать что-нибудь веселенькое, пестренькое этакое. Чтобы развлекать людей.

— Ну да! Произошли такие события: рухнул Союз, рухнула коммунистическая система, рождается новая Россия, входим в рыночную экономику, утверждаются новые формы хозяйственной деятельности: фермерство, предпринимательские структуры, а мы все это не замечаем! Да о чем с тобой говорить?! Ты вообще живешь вне мира сего.

— Ну вот и пишите обо всем этом в будничных номерах, а в Новый год дайте людям попраздновать!

— У тебя, Витек, что конкретно есть в новогодний номер?

— Много чего. Вот, например, знаю человека и могу написать о нем, который под Новый год второй раз на свет родился, и отмечает теперь первое января как второй день своего рождения.

— Любопытно,— одобрил Александр Теодорович,— у кого еще что? — Только если кто скажет, что у него репортаж из лесопитомника, где выращивают новогодние елки, того я задушу.

— А я тебе помогу! — поддержала Тамара.

— Тогда душите меня. Я хотел предложить такой репортаж,— отозвался Сергей.

В Конторе он был репортером, то есть журналистом, который не вел какое-то конкретное направление или тему, а занимался «свободной охотой», то бишь поиском наиболее интересных, а если возможно, то и сенсационных материалов.

— Сереж! Ну уж от тебя такой обыденности и трафаретности никак не ожидали! — накинулись на него все начальники.

— Да погодите! — отбивался он.— Вы ж не знаете сути дела. Этот питомник создал лишь год назад фермер из пригородного района. Разводит несколько разно-

видностей хвойных пород деревьев, создает центр по оформлению новогоднего праздника, утверждает, что у деревьев есть свой язык. Во как!

— Ну-у-у! Старик! Ты как всегда, чем-то выстрелишь. Это — может быть бенц! — восторженно загудел главный, у которого словечко «бенц» означало материал высшего качества.— Конечно, проходит!

— Сереж, ты — гений! — восхитилась Тамара.— Вот ведь умеешь в самой, казалось бы, трафаретной теме, избитой-перебитой найти что-то свежее!

— Ну вот,— удовлетворенно сказал Сергей.— А хотели душисть и бить. Вы сначала выслушайте.

Сергею в начале девяностых, когда верстался первый номер новой областной газеты, было сорок три года. Темный лицом, которое все было изрезано глубокими морщинами, говорящими о бурной и трудной жизни, плотный по телосложению, непредсказуемый по характеру, он был, по отзывам многих, «журналист милостью Божией». И если бы слишком часто не заглядывал в стакан с вином или водкой, то, конечно, достиг бы высоких ступеней и должностей в Конторе. Трезв он бывал не более трех дней в неделю, но этих дней ему хватало в лучшие его годы, чтобы создавать статьи, очерки и корреспонденции, удивлявшие и восхищавшие многих. Он одно время работал в Казани собственным корреспондентом «Комсомолки», но вскоре затосковал, запил и был уволен. Эти приступы необъяснимой тоски нападали на него, как припадки на эпилептика, регулярно, и тогда он пил вглухую, становился раздражительным и неуправляемым. Все об этом знали и мирились с этим за его могучий талант, который выражался не только в статьях и очерках, но и в стихах. Он прекрасно знал нашу и зарубежную поэзию, играл на гитаре, и даже сам сочинял песни, очень талантливые. Издал один поэтический сборник, а стихов у него было на целых пять. Относился он к ним, как и его поэтический тезка Сергей Есенин, с поразительной небрежностью, разбрасывая где попало. Память у него была чудовищная. Он, например, знал наизусть «Евгения Онегина», «Гамлета», «Демона», мог страницами цитировать Булгакова, особенно «Мастера и Маргариту», знал наизусть и священные тексты Евангелия, Ветхого Завета, Псалтири, многих духовных песнопений и молитв.

Где и с кем он жил, о том никто не ведал. Сам же себя он именовал «бомжем» и говорил, что меняет сожительниц как перчатки.

— Сережа всегда чем-нибудь удивит,— одобрила Людмила Николаевна.

О ней, этой поистине замечательной женщине, просто необходимо сказать особо. Она стройна, черноволоса, элегантна, выше среднего роста, неизменно спокойна. Ее лучистые карие глаза удивительно выразительны, а лицо с тонкими, изящными чертами напоминает одухотворенностью своею облики, запечатленные на полотнах лучших мастеров нашей и зарубежной портретной живописи. В девятнадцатом веке она, несомненно, была бы знатной светской дамой, окруженной поклонниками. В ее честь слагали бы элегии Пушкин, Баратынский и Жуковский. А в конце двадцатого века она работала в Конторе и формально вела проблемы школьного и вузовского образования. А фактически она писала обо всем и как писала! Безупречность стиля сочеталась в ней с остроумием и глубоким знанием проблемы. С какой бы стати, например, ей писать о проблемах водоснабжения провинциального городка? А она раскопала в музее, что водопровод тут был еще в семнадцатом веке и действовал прекрасно, что вода подавалась из реки в центр города по деревянным (дубовым) трубам, и что эта система до сих пор сохранилась! А вот потомки, имея передовую технику и технологии, оставили город чуть ли не без воды! После публикации ее материала под заголовком «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» главе района и главе города было объявлено губернатором по строгому выговору, принято специ-

альное постановление о реконструкции системы водоснабжения и выделены на это средства. И это в то время, когда денег не было, казалось бы, в областной казне, когда все чиновники плевать хотели на выступления газеты, даже областной! Но на нее плюнуть не получилось. Людмила Николаевна — классик, она не просто журналистка, она подлинное лицо Конторы, ее живой символ. Весьма, надо сказать, симпатичный символ. В свои сорок пять она выглядела не старше тридцати, а то и моложе. С мужем она рассталась и жила со взрослой дочерью.

— Ну а вы-то, Людмила Николаевна, вы-то чем порадуете?

— Да есть мысли. Вот один наш студент международную престижную премию как раз на днях получил. И вы знаете, за что? Предлагает, ни много ни мало, новый источник энергии: брать ее прямо из окружающей среды по особой методике, не сжигая ни уголь, ни газ, ни нефть.

— Идея Николая Теслы! — блеснул эрудицией Борис, отвечавший в конторе за контакты с органами власти. Полный, пожалуй, даже толстый, круглолицый, с коротко остриженной круглой головой, подчеркнута небрежный в одежде. Сейчас он был в старом закатанном свитере и потертых голубых джинсах. Борис брался за самые, казалось бы, скучные темы (выплата задолженностей, ЖКХ, освоение выделенных под те или иные программы бюджетных средств, проблемы инвестиций, развития бизнеса — в общем, за все, за что и под расстрелом не заставишь взяться журналистскую братию, которой непременно подавай что-нибудь «вкусненькое»), и он делал на этом тяжелом материале прекрасные, остроумные статьи. Чиновники, правда, читая его отчеты или аналитические материалы, морщились и дергались, но в Конторе его стиль и подходы в целом одобряли, тем более, что к фактуре относился он бережно и аккуратно. Он один воспитывал десятилетнюю дочку, имел украинский паспорт и не имел российского и за глаза его в Конторе называли «Кот Матроскин», он об этом знал и не обижался, скорее, наоборот был польщен сравнением со знаменитым персонажем мультфильма.— Идея Теслы! — повторил он.— Нет, мне думается, это супер! Особенно если учесть, как это может сделать Людмила Николаевна.

— А у тебя-то, Борис, что?

— Ну что у меня, что у меня... Долги вот оборонным предприятиям скорее всего в новом году спишут. Есть еще вот мужик один, путешественник, наш земляк, будет встречать новый год на экваторе.

— Делай и то, и другое... Что промышленный блок скажет? Юрий... Списание долгов оборонке ты должен был отследить. Ну да ладно. Что предлагаешь?

Юрий, худощавый, высокий, с маленькой головой и острым, с горбинкой, носом, столь же острыми, колючими глазами, пользовался в Конторе репутацией скандалиста и правдоискателя. Таковы же были и его статьи, неизменно разоблачительные, с большой долей злости и едкой иронии. Его не любили и побаивались все: и коллеги, и чиновники с депутатами, и хозяйственники. Однако без его желчного и резкого ума, жестких оценок газета была бы пресной и скучной. При встречах с начальством он высказывал без обиняков все то, о чем другие и подумать боялись. Никто не знал, что этот худой, жесткий и желчный человек втайне ото всех пишет тонкие лирические стихи, любит Бетховена и художников-импрессионистов.

— Ну насчет списания долгов коллега поторопился, так сказать, забежал впереди паровозного дыма, еще рано об этом говорить.

— А о чем можно говорить?

— Да о чем говорить, Александр Теодорович, оборонка на боку лежит, заказа нет. О чем говорить? Не знаю даже.

— Какие-то товары народного потребления-то они ведь делают?

— Да делают! Делают вот у нас на машзаводе утюги электрические и бытовые инкубаторы.

— Кошмар! Элитное предприятие! — Тамара покачала головой. — Ну ты можешь вот об этом сделать материал?

— Не знаю, наверно, смогу. Надо с Дроновым, с генеральным согласовывать, а он ведь нашего брата не очень...

— Нет, ну ты сделай, сделай... А что наш аграрный журналист молчит? Лунин! Владислав! Как у нас село-то? Живо хоть?

— Едва! — усмехнулся Лунин. — По всем показателям снижение. Даже не знаю, что делать.

— Ну ты можешь найти интересного фермера и нестандартного руководителя хозяйства?

— Нет проблем! Найду.

— Вот найди и пусть они выступят, расскажут правду, как им живется-может быть в новой российской действительности.

— Так. Тамара, кого мы еще не опросили? Социальный блок! Вы что думаете? Надо бы со священником интересным побеседовать. А? Марин, сделаешь?

— Сделаю. Посоветуюсь в епархии.

Марина вела в Конторе дела духовные и культуру. В свои тридцать лет она была красива, одевалась по последней моде и жестко держала дистанцию со всеми коллегами за редкими исключениями. Ее называли «белокурой бестией», в нее многие были влюблены, но безответно, поскольку она, похоже, дала себе слово не связываться с коллегами по журналистскому цеху. Между тем поклонники и любовники у нее были, но среди бизнесменов и научно-технической интеллигенции. Последний из ее трех мужей был профессором, и она без сожаления рассталась с ним, хотя он души в ней не чаял: во-первых, потому, что он был слишком стар для нее, а во-вторых, и едва ли не в главных, из-за его пристрастия к спиртному.

— Так! Что наш отдел иллюстраций скажет? Виталий Петрович? Снимки какие будут?

Виталий, высокий, широкоплечий, легкий на ногу, как и положено фотокорреспондентам, сын известного корреспондента ТАСС, сделал неопределенный жест.

— Да что я? Пусть журналисты заказывают снимки. За мной, за моим отделом задержки не будет.

— Ну а ты-то разве не журналист? Еще какой! Фотожурналист. У тебя должны быть свои темы, идеи...

— Да есть кое-что...

— Ну поделись, поделись.

— В одном старинном нашем городе реставрация монастырского комплекса закончилась, будет освящение. Вот если фоторепортаж оттуда...

— Что ж, пожалуй, пойдет.

— А вот у меня идея,— вступила Татьяна, которая занималась в газете социальными проблемами в самом широком их спектре. Она была высока ростом, молода, имела пышные светлые волосы, великолепные плечи и огромные с зеленоватым оттенком «колдовские» глаза, которые многие влюбленные в нее мужчины, а таковых было без числа, называли «бездонными» и говорили, что долго смотреть в них никак невозможно! Она тоже предпочитала не заводить романов с журналистами, тем более коллегами по Конторе, отдавая предпочтение военным. Она была хищница. Охотница. За мужчинами. В этом, а вовсе не в работе был смысл и содержание ее жизни, что она и сама признавала. Перерывы между романами были для нее мучительны. Она настойчиво искала и находила — при своих-то данных! — новую жертву. Особое удовольствие ей доставляло влюбить в себя женатого мужчину, и чтобы он ради нее наделал разных безумств и глупостей, даже оставил семью. Много, много

разбитых судеб и сердец было среди ее жертв, длинен был список ее побед и мало тех, кто мог бы устоять против ее чар, если уж она задумала их использовать. Ее сексуальная притягательность была не просто велика, пожалуй, огромна.

— Вот у меня идея,— сказала она,— на кондитерской фабрике освоили новые виды сладкой продукции. Таких вообще и в России вроде бы нет. Сделать?

— Тань,— отреагировала Тамара,— делай, но попробуй договориться: может, они заплатят? Ведь это же реклама.

— Ну, само собой, я поговорю.

Разговор подходил к концу. Но в нем приняли участие не все главные лица Конторы. Молчал и вообще-то молчаливый, бородач и философ, ответственный секретарь Ксан Ксаныч, которого называли «Вулканом» за то, что его молчание периодически прерывалось довольно нестандартными словами и поступками, в чем читатель еще будет иметь возможность убедиться. И это было действительно похоже на извержение вулкана. Правда, как и настоящее извержение, случалось нечасто. А признак скорого извержения был один: Ксаныч начинал усиленно дымить своей трубкой и становился мрачен и особенно неразговорчив.

Здесь был Николай, пришедший из заводской газеты. Его называли за фантастическую работоспособность «Машиной». Не проходило номера без его материала, а во многих номерах их было по два и даже по три. Когда он все это успевал, для всех было тайной. Его костерили за сухость, холодноватость стиля и обилие словесных штампов, но начальство в нем души не чаяло, называя «палочкой-выручалочкой». Здесь был Леонид, писавший обзоры федеральных газет и еженедельников, которые публиковались в самом ходовом — пятничном — номере газеты и имели успех. Поскольку умел он выделить, перерыв кипу изданий, самое интересное, необычное, поучительное, характеризующее нашу тогдашнюю съехавшую в очередной раз с основ российскую жизнь.

Здесь был Вячеслав, пришедший из прекратившей свое существование областной партийной газеты. Бывший моряк, капитан первого ранга, красавец и утонченный стилист. Конечно, прозвище у него было «Капитан». Его рассказами о морской службе и разных ее происшествиях можно было заслушаться, тем более, что рассказывал он мастерски, в лицах представляя все происходящее, показывая характер каждого действующего лица. Он служил на Дальнем Востоке на крейсере, ходил на подводной лодке, погружался на значительную глубину в водолазном костюме, совершил два кругосветных плавания, а выйдя в запас, решил вернуться в родной областной город, расположенный далеко от всех морей, и стать журналистом.

Здесь была роковая женщина красавица Алла — наполовину татарка, а наполовину русская. Разрез огромных черных глаз и густые длинные тоже черные волосы, которые она любила носить распущенными, а также взрывной характер, страстность и чувственность — это у нее, конечно, было от татарских предков, а вот манера одеваться по моде, увлечение всеми благами современной цивилизации — это, конечно, уже шло в большей степени от русских. Она писала об истории, краеведении, по военно-патриотической тематике. Ну и что Бог пошлет, и главный редактор прикажет!

И еще о двух лицах Конторы необходимо сказать. Ольга — высокая, светлая, какая-то нездешняя, стремительная. Автор удивительных стихов. В Конторе появлялась нечасто, но когда появлялась, приносила статьи и очерки, столь же пронзительные, как и ее стихи. И на такие темы, которые только она одна во всей Конторе и умела находить. Например, о том, как упала и умерла лошадь на улице города. Или как внучка выгнала бабушку из ее квартиры на улицу, так что той некуда было и идти. Или о другой старушке из старинного города, у которой в одночасье сгорело все, осталась она одна с кошкой Маруськой. Люди читали ее материалы и плакали, а по-

том писали письма в редакцию: «А вот у нас аналогичная история. Пусть Ольга приедет и напишет». По многим письмам она ездила и писала.

Андрей — литературный редактор. Странная это была личность. Сама внешность его была, мягко говоря, нестандартной: темное лицо, одно плечо заметно ниже другого. Глаза какого-то непонятного, тоже темного цвета и — вроде провала: смотришь в них, словно в бездонный омут. Друзей у него не было, а характер был крайне неудобный, сложный, скрытный. Материалы многие он сокращал безжалостно более чем наполовину, многие заворачивал вовсе с убийственными резолюциями. Лунин до сих пор помнит их. Например: «Владислав Васильевич! Если у вас по старости лет проблемы с памятью, то редакция в этом не виновата». Или: «Вы уже не раз писали об этом. Сколько же можно повторять одно и то же, к тому же сумбурно, без всякой логики?» И так далее в том же духе и роде. Его боялись и не любили. Но справедливости ради надо сказать, что многие его замечания были совершенно справедливы.

— Ну что, господа! Завершаем,— подвел итог Александр Теодорович.— Что хочу сказать? «Мясо» вроде бы есть. А вот на что его нанизывать — этого нет, а значит, образно говоря, «шашлык» мы не сжарим. Того стержня будущего номера, о необходимости которого я говорил и говорю, нет. Нет общей идеи. Ладно, будем думать. Сейчас прошу всех переместиться в другой кабинет. У одной из сотрудниц, а конкретно у очаровательной нашей Татьяны, в которую, я не сомневаюсь, влюблены едва ли не все мужчины редакции, сегодня день рождения. В общем, она просит нас всех к столу. Там и продолжим.

Планерка перетекла в неформальную обстановку. Там-то, за «Портвейном» и нехитрой закуской, и родилась в спорах и столкновениях мнений общая, направляющая идея нового года номера. Кто уж был ее автором, теперь за давностью времени и не установать. Но главному и даже Тамаре идея понравилась. Решено было накрыть на страницах газеты символический новогодний стол. И собрать за ним всех наиболее интересных людей области. И вот так, в застольной, непринужденной беседе, и порассказать интересные истории, поговорить и о серьезном, о проблемах, пошутить и так далее. В общем, недурная идея! Да, кажись, сам главный ее и высказал, он имел дар на нестандартные решения.

— Ну что ж, коллеги,— сказал он, поднимая пластиковый стаканчик с портвейном,— выпьем за успех номера и нашей газеты вообще. Я что хочу сказать? В замечательное, интересное время мы с вами живем! Правда! Нам будут наши потомки завидовать. Они скажут, что мы были свидетелями рождения новой России — демократической, свободной, исповедующей не какие-то выморочные коммунистические идеи, а общечеловеческие ценности! Ведь еще лет пять-шесть назад разве мы могли бы себе представить, что будем писать на такие темы, на которые мы свободно пишем сейчас? Да нет, конечно! О них и думать было нельзя. Какие священники? Какие фермеры? Какое предпринимательство? А сейчас? Как все поменялось! Мы — одна команда, можно сказать, одна семья, соединенная общностью интересов и стремлений, главное из которых — сделать яркую, талантливую, народную газету, подобной которой не было до нас и не будет после нас. Такова, коллеги, сверхзадача. Итак, мы присутствуем при рождении новой России и новой газеты, воплощающей родовые черты нового общества. Вот за это давайте все выпьем!

— Ур-ра! — раздалось со всех сторон.

— За газету! За Россию! За всех нас и за наши творческие успехи!

— Н-да,— задумчиво произнес Ксан Ксаныч,— мы присутствуем при рождении России. Или при ее гибели...

— Что ты сказал, Ксаныч?

— Да нет, это я так, про себя...

— Господа! — обратился ко всем Сергей, уже изрядно выпивший.— Господа! У меня экспромт на тему, о которой так проникновенно сказал Александр Теодорович. Можно?

— Давай! Давай! Давай!

— Гм! Дайте промочить горло. Что-то пересохло. Ну, слушайте.

*Мягутся страны и народы,
Режимы рушатся во тьму.
А мы? Мы пьем вино свободы.
Не пристраститься бы к нему!*

— Позволь, старик,— после аплодисментов и восторженных криков сказал Теодорович,— мне что-то непонятна последняя строчка. Что значит: «Не пристраститься бы»?.. Разве плохо всегда пить вино свободы, то есть быть свободными людьми?

— Теодорыч! Ты правда не понимаешь или придуриваешься? По-моему придуриваешься. Потому нельзя привыкать к вину свободы, что оно скоро кончается, его мало. И потом тяжело будет похмелье. Ты же по образованию историк. Разве не знаешь, что у нас в России свобода долго не продолжается, быстро сменяясь чем? Правильно! Новым витком деспотизма! Вот чем.

— Старик, ты не совсем прав. И вот в данном случае...

— Да пошел ты! Ты, как и все мы, просто употребил сверх меры этого самого вина свободы. Вот и кажется тебе, что этот праздник демократии, когда и из нашего «белого дома» особенно не жмут, и вроде в кои-то веки обо всем писать можно,— что все это будет продолжаться чуть ли не вечно. Ну, хотя бы достаточно долго! Нет, старина, оно скоро закончится, как вот этот замечательный портвешок у нас на столе! Праздник не может продолжаться долго. Иначе это уже не праздник.

— Пока не закончилось, наша задача его пить.

— А вот это ты замечательно сказал! Так выпьем, Теодорыч! Кстати, ты почему Теодорыч? А? У тебя что, отец иностранец был, да?

— Да нет. Русский. Но его называли Теодором в честь известного дипкурьера Теодора Нетте. Ну, помнишь у Маяковского: «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»?

— Теперь ясно. Ну, пьем!

— Сергей! Сережа! Что вы там с Теодорычем уединились? Дамы требуют песен и музыки. Гитара есть. Спел бы.

— Не вопрос! — Сергей отбросил со лба длинные пряди черных густых волос.— Сейчас вот выпьем еще один тост и — вперед.

Вдруг он насторожился и весь напрягся.

— Ты что?

— Теодорыч! Контора закрыта изнутри?

— Да. Я сам и закрывал.

— Но в ней кто-то есть посторонний.

— Да брось ты. Кому быть? Все закрыто. Я проверял.

— Нет. И все же мне кажется, я четко чувствую, а я в этих делах не ошибаюсь: кто-то посторонний есть. Пойду посмотрю.

Он вышел в полутемный, гулкий и длинный коридор, походил, посмотрел. Вернулся в кабинет.

— Ну что?

— Да вроде никого. Но запах какой-то неприятный. Вроде сероводорода. Резкий такой. Выйди, принюхайся.

— Да ладно тебе. Наверно, наши соседи в лаборатории на пятом этаже что-то делают.

— Не знаю, не знаю. Ну, давай еще выпьем. Да надо заявку дам исполнить.

— Вот это лучше!

Выпили. Сергей взял гитару и стал перебирать струны и песни. Не допевая до конца одну, начинал другу. Такое вот попури.

*Что происходит на свете?
Всего лишь зима.
Только зима, полагаете?
Да, полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома...
Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши снег, а кроме
Крыш и снега никого!..
Виноградную косточку в теплую землю зарюю
И лозу поцелую, и спелую гроздь я сорву.
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

Ему подпевали:

*После дождика небеса просторней.
Голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь!..
Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом подернулись алые угли костра.
Вот и закончилось все, расставаться пора.*

Напелись, наговорились досыта. Разговоры были разные. Обсуждалась, например, наделавшая шуму неожиданная смерть главного редактора местного издательства, а в недавнем прошлом журналиста, известного всем Алексея Ивановича. Он умер один, в своей квартире. О причинах смерти говорили разное. В последнее время он очень много пил. Ходили упорные слухи, что он покончил с собой в состоянии тяжелой депрессии. В общем, история была темная. И невозможно было отделить в ней правду от вымысла, сплетен, которых всегда хватает вокруг каждой более или менее известной личности. А Алексей Иванович был личностью в области известной. Красавец-мужчина, писатель, главный редактор, делегат двух комсомольских съездов, член Союза писателей, автор четырех книг рассказов и повестей. Он был родом из глубокой провинции и сам сделал свою карьеру, которая в советское время развивалась по восходящей и обещала ему все более заманчивые перспективы. Сперва главный редактор молодежной газеты, потом заведующий сектором печати, радио и телевидения обкома партии. Нет сомнения, что он пошел бы и выше. Но коммунистов свергли, и карьера закончилась, а жизнь дала сильную трещину. Он вынужден был

искать себе новую работу, став главным редактором книжного издательства. С тех пор что-то в его жизни, в душе сломалось и пошло вразнос. Он стал сильно пить. Запой длились неделями. Расстался с женой. Какими-то непонятными и, как говорили, не очень чистыми делами занялся его сын. В минуты просветления немногим оставшимся у него друзьям Алексей Иванович говорил, что не видит для себя никакой перспективы в этой новой, так круто изменившейся жизни, где все те идеалы, которым он поклонялся и служил, и та система, в которой он устраивал свою карьеру, были отброшены, отвергнуты, подвергались осмеянию и даже преследованию. А в новой реальности он, хоть был еще далеко не старым человеком в свои сорок три года, найти себя так и не смог. Да и только ли он не смог? Кто их считал, эти сломанные судьбы? Кто думал и кто думает о них? У нас в России государственный корабль по воле его капитанов зачастую так резко меняет курс, что миллионы людей летят за борт и гибнут в пучине бушующего моря. И никому нет до них никакого дела!

А пока в Конторе за столом идут тихие разговоры об этой непонятной смерти талантливого и красивого человека, которого знали и уважали многие, о том, что завтра его хоронят и надо бы, конечно, сходить, проводить. А за окнами метель кружится под фонарями, мчит поземкой по уже пустынным улицам. Окна замурованы морозом. Страна, пережившая великий распад, с трудом приходит в себя. Люди еще пьяны от свалившейся вдруг, как снег на голову, свободы и демократии, от изобилия в магазинах, от возможности, пусть виртуальной, теоретической, каждому основать свое дело, свой бизнес и стать, если уж не богатым, то весьма обеспеченным. И при этом пока не думается о тех непростых временах и проблемах, которые навялятся вскоре. Все — господа, госпожи, все уверены, что стоит открыть свое дело и деньги потекут рекой. Все наголодались, насиделись без денег и полны решимости становиться предпринимателями, а значит, богатыми людьми. Как в Западной Европе, в Америке. Америка, Европа — наши друзья и партнеры. Конец «холодной войне», всем этим надоевшим, как горькая редька в постный день, советским стереотипам и запретам, чтоб они провалились подальше! Пресса — четвертая власть! Куда там!.. Рынок, новые технологии. Заграница нам поможет, а то и накормит, в случае чего. Ну и так далее. Полный набор мифов, иллюзий и миражей нового времени, пришедших на смену советской мифологии.

Отрезвление — горькое! — придет позже, придет понимание того, что все далеко не так просто и замечательно, и сломаются многие жизни и судьбы, а прежде всего — и главное — жизнь и судьба всей страны, некогда великой и уважаемой во всем мире, а теперь жалкой, униженно выпрашивающей подачки в виде кредитов и не получающей их; страны, подбирающей устаревшие технологии и технику, ориентирующейся на западноевропейские и американские образцы, причем, образцы худшие, неудачные, потерявшей свою историю, свою культуру, свои традиции, а стало быть, свою душу; дезориентированной ее новыми правителями, не знающей, куда идти, что делать, страны, в которой нет народа, а есть безликое «население» или того еще хуже — «электорат»! Пушкин как-то сказал, услышав первые главы «Мертвых душ» Гоголя: «Боже, как грустна Россия!» Ныне к этому можно добавить: и как она жалка и унижена!

Но все это придет позже. А пока — как это там у Кюхельбекера? — «мы пили вино свободы и были счастливы». И не знали, что нашим надеждам, во всяком случае многим из них, не суждено сбыться. И если бы перед нами поставили волшебное зеркало, благодаря которому мы могли бы заглянуть в наше будущее, увидеть себя лет через двадцать-тридцать, то с ужасом и омерзением отшатнулись бы мы от этих жутких видений и сказали: «Нет! Уберите! Это неправда! Это глупая, мерзкая шутка! Этого не может быть и не будет!» Но это все будет. Просто не знают о том люди,

собравшиеся в Конторе за столом, поющие, рассуждающие, смеющиеся и грустящие, и пьющие вино, а знает один только всеведущий Господь!

***Примеч. авт.:** «Контора». Повесть о газете и газетчиках — первая из пяти книг прозы — своеобразной пенталогии авторского проекта о современной российской «провинции», — подготовленных к изданию. Все пять книг — «Контора». Повесть о газете и газетчиках», «Провинциалы», «Бездомные» «Хлебный дед» (роман «Хлебный дед» представляет собой дилогию: первая часть — «Хлебный дед», вторая — «Бой в окружении»). Обе части взаимосвязаны и дополняют друг друга, являясь вместе единым целым), — повествующие о жизни и людях нестоличных городов и сельской «глубинки», основаны на реальных событиях, фактах и явлениях. В них нашел отражение многолетний опыт работы автора в региональных СМИ. Однако ошибочно воспринимать их как документальные, поскольку они являются писательским литературно-художественным вымыслом и все совпадения — случайность.*

«Контора» — это редакция. «Повесть о газете и газетчиках», как определяет жанр своей новой книги сам автор. Герои повести — журналисты, остро переживающие свои духовно-нравственные и творческие взлеты и падения, как и Конторы в целом, в нелегкий период отечественной новейшей истории — на пике лихих 90-х годов прошлого столетия. И каждый по-своему выходит из жизненных тупиков и ловушек, духовных и творческих кризисов, нередко и трагически...

Бахытжан Канапьянов
(г. Алматы, Казахстан)

КУРАНТЫ НЕБЕС

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг, вышедших во многих странах. Лауреат ряда литературных премий. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану.

Ожидание прихода Нового года, ощущение приближения праздника всегда дороже самого праздника, когда шестеренки снежинок, плавно плывущие из бездны небес, вращают колеса времени, все безвозвратно ускоряя, и после хрустального звона фужеров вдруг осознаешь и понимаешь, что снежинки так же падают, как и полчаса назад, но это уже снежинки нового года, а не вчерашние, имя которым — прошлогодние снежинки, осевшие рыхлым снежным настом над нашим прошлым, да и сами они уже олицетворяют некое прошлое наше существование. И вновь у нас — только память о прошлом и мечты о будущем, а самого настоящего нет и в помине, ибо оно, настоящее, ежесекундно переходит в прошлое. Это все в буднях незаметно и незначительно, это все объемно, осязаемо и выпукло только в последние часы и минуты уходящего года.

I

Я ехал в электричке до аэропорта Домодедово, чтобы встретить вечерний рейс из Алма-Аты. Где-то в районе Чертаново возникли подобного рода мысли. И я понимал, глядя на сумрачное подмосковное небо с легким полетом снежинок, что завтра будет все так же зябко и монотонно, несмотря на то, что к дате от Рождества Христова прибавится еще одна единица.

Тем не менее, ехал в электричке, экономя свои кровные на обратное такси, ибо прилетает Она, и я еду встречать Ее.

Я уже почти месяц нахожусь в белокаменной. Моя рукопись каким-то образом попала в план издательства «Молодая гвардия», и я сейчас вместе с редактором завершаю последнюю правку перед сдачей в производство. Это моя первая книга в Москве. Потому здесь так долго я и нахожусь. Постоянные посиделки в Центральном доме литераторов, и с редактором, и без него, в кругу друзей по Лит-институту достаточно подточили мой финансовый ресурс в виде аванса от гонорара будущей книги. Но кое-что осталось и на встречу Нового года, и на новогодний подарок для моей Музы, которая кратко сообщила по телефону: «Буду 31-го, вечером, встречай. Рейс 505, Алма-Ата — Москва». Вот и еду встречать, заблаговременно сняв на неделю однокомнатную квартиру на ВДНХ, загрузив холодильник всякой всячиной из Елисеевского и бутербродами из Пестрого зала ЦДЛ. Вина — «Мурфатлар», «Гурджаа-

ни», коньяк «Плиска», водка «Сибирская». И все это венчают две бутылки «Советского шампанского» — брют.

Для неженатого молодого писателя, разумеется, соблазнов много в столице, на то она и столица нашей Родины — Москва. Но есть такое понятие, такой образ и символ, характерный и для поэта, и для прозаика,— Муза. Я, конечно, помню расхожий анекдот: у поэта — Муза, а у поэтессы — Музык. Но у меня Муза, и только Она, одна-единственная. Ондатровая шапка, купленная через два телефонных звонка друзей-москвичей в ателье Литфонда, и есть новогодний подарок моей Музе. Да чтобы эта шапка не была пуста, в нее вложен флакон французских духов «Шанель», не помню какого номера, но прекрасно помню, что приобрел его по протекции корректора моей рукописи по чекам «Внешторга» в «Березке», разумеется, по тройному курсу так называемой твердой валюты.

Вот такие чисто прозаические мысли с надеждой на поэтические последствия попеременно с псевдофилософскими воззрениями переполняли меня, когда электричка плавно подошла к конечному пункту следования.

Самолет прибыл с небольшим опозданием. И я встал у стойки выхода прилетевших пассажиров, вглядываясь в мелькающие лица, на которых была видна печать единой радости — прилетели до прихода Нового года; а значит, будем встречать здесь, на семи холмах, а не там, в небе, среди холодных звезд и неизвестных светил.

А вот и она! Стройной козочкой, нет, грациозной ланью, в распахнутой короткой дубленке, с японским цветным платком на шее (без шапки, видимо, женская интуиция подсказала, что будет ей шапка, не мерзнуть же на заснеженных проспектах Москвы), в туго обтянутых джинсах, обозначающих приятные контуры всего того, что ниже пояса, и в легких сапожках на меху с невысоким каблучком...

Что таится за всем этим одеянием, я не стал домысливать, ибо все это улетучилось среди снежинок небытия, когда она повисла на моей молодой писательской шее, которая уже привыкла носить на себе незаурядную голову, наполненную сонмом образов, сюжетных линий, начальных интриг и завершающих развязок, одним словом, всем тем, что именуется художественным произведением, то бишь сутью писательского вымысла.

Обдав меня приятными благовониями района Тулебайки и Абая, она взглянула в мои глаза и, слегка смущаясь, шепнула:

— Вот и я...

— Здравствуй, Муза, здравствуй, душа моя!

— Сколько на твоих?

— Двадцать девятого.

— Ой, надо позвонить в Алма-Ату. Там же Новый год через сорок минут.

Мы быстро разыскали переговорный пункт и, звеня пятнашками, стали набирать код родного для нас южного города.

Через пять минут, поймав зеленоглазого коня под незабываемый предновогодний московский ветерок в снежинках, я сказал таксисту:

— С Новым годом, шеф! На ВДНХ!

— Пятерка сверху.

— Идет, шеф.

(Это значило, что пятнадцать по счетчику и пять рублей в довесок).

II

В салоне такси тепло и уютно. За боковым окном мелькали снежинки, а в лобовом было видно, как неслась вдоль дороги московская поземка.

На фоне кружащихся снежинок я видел ее отражение: упрямый лоб, правильный нос и чуть вздернутая верхняя губка над нежным подбородком.

— Жарко,— сказала она и расстегнула верхнюю пуговку синей кофточки, за легкой тканью которой чувствовалось и легкое дыхание ожидания.

Мало ли чего можно ожидать в предновогоднюю ночь, подумал я, когда машина вырвалась на Калужскую. И вблизи церкви на Коломенском она внезапно попросила таксиста остановиться:

— Все, у нас там Новый год,— показывая на свои часики, воскликнула она.

— Шеф, не торопись, мы выйдем на минутку.

— Под Новый год все торопятся,— пробурчал таксист.— Что ж, подожду. Мой дом на Рижской, так что после вас заеду к своим и встречу с ними, а потом опять до утра.

— Ничего, шеф, зато завтра по полной программе — и за Новый, и за Старый. Отгуляешь свое.

Мы вышли из машины и отошли в сторонку.

— С нашим, алма-атинским Новым годом!

Я прижал к себе свою Музу, утонул в запахе ее густых волос, на которые падали едва видимые узоры снежинок и в одно мгновение превращались в капельки пара, сливаясь с нашим дыханием.

— А с чем встречаете? Без стопки вроде не того,— улыбнулся таксист, глядя на нас, чуть приоткрыв переднюю дверцу.— У меня лично «нз» всегда при себе.

Таксист показал бутылку белоголовы.

— У нас тоже при себе,— весело ответила Муза и достала из дорожной сумки бутылку коньяка «Казахстан», а также кусок казы и баурсаки.

— Саркыт* с алма-атинского стола,— пояснила она.

Коньяк на легком морозе прогрел все мое писательское нутро. Было легко и весело, ведь тебе едва только тридцать, и жизнь полна приятных ожиданий, а рядом с тобой, и только с тобой — вот она, твоя Муза.

— Не пей много,— потребовала она.— У нас еще вся ночь впереди.

Да, вся ночь, и не просто ночь, а ночь новогоднея, в отдельной московской квартире на двенадцатом этаже.

Когда подъехали к высотке, что напротив скульптуры Мухиной «Рабочий и Колхозница», я щедро расплатился с таксистом.

— Это вам,— сказала она, передавая початую бутылку коньяка.— Завтра выпьете и вспомните нас. С Новым годом!

— Ну что ж, спасибо. И вам хорошо провести Новый год.

«Волга» в клубах морозного пара мигнула красными огнями стоп-сигналов и оставила нас одних посреди площади на проспекте Мира.

III

Только женщина может накрыть изысканный стол из всех тех холостяцких припасов, что были в холодильнике.

Пока я протирал бутылки с минералкой и открывал соки, она ловко и умело расставила приборы, из двух-трех банок консервов печени трески и скумбрии или горбуши в масле соорудила салаты, добавив к ним квашеной капусты, а знаменитую русскую закуску — сельдь под луком в сочетании с вареной картошкой, оставила на потом, пока сварится эта самая картошка.

* Гостинцы с застолья.

В довершение — национальные казы, карта и баурсаки придали нашему московскому новогоднему столу чисто восточный, алма-атинский шарм.

Я, уловив момент, надел ей на голову ондатровую шапку и галантно вручил флакон с духами.

— В Москве морозы, и надо держать голову в тепле,— уклончиво промолвил я.

— А я и не подумала, что холодно,— рассмеялась она, довольная подарком.

Затем брызнула духами на колпачок и вдохнула:

— Да, фирма.

Надев чуть набекрень шапку-ушанку, она, «дыша духами и туманами», взглянула на свое отражение в темном московском окне:

— Ну, как?!

— Слов нет, Кыз Жибек в ожидании своего Тулегена,— в тон ее интонации ответил я.

— Ну, ладно, Тулеген,— отпарировала она.— Я пошла... в ванну. А ты...— она погрозила пальчиком,— не пей раньше времени. И включи телевизор.

Дверь в ванну захлопнулась, послышался гулкий шум и всплеск воды.

Я остался один в комнате, в некотором недоумении...

А до Нового года оставалось меньше часа, а если точнее — сорок три минуты.

А за дверью ванны был слышен шум воды и нежный, воркующий голосок моей Музы.

Я машинально стал размышлять, что выпить — водки или коньяка. И причем для поднятия тонуса две рюмки подряд, как говаривал классик русской литературы Антоша Чехонте.

Я подошел к темному проему окна. «Москву люблю в любое время года»,— пропел я чью-то песенную строку.

«Не пей — козленочком станешь»,— молвило мне мое же отражение.

«Не козленочком, а козлом отпущения этой новогодней ночи»,— отвечало ему мое мрачное реальное «я». До Нового года без малого почти ничего, а она вздумала принять ванну. Что — только для ванны летела сюда почти пять часов из далекой Алма-Аты?

А из ванны уже доносилась плавная гармония женского напева и водяных струй.

Я выпил две рюмки подряд «Сибирской» и, продолжая «выдавливаться из себя раба» этой самой новогодней ночи, стал прислушиваться к синтезу своего внутреннего «я» с действием паров открытия Менделеева.

Водка медленно, но верно и незаменимо вносила свои коррективы в состояние моей мятущейся души.

«В Москве не будет больше снега, не будет снега никогда»,— вспомнил я строку Межирова, глядя на пляску снежинок за московским окном. Почему не будет? — будет и всегда свежий и всегда неповторимый московский снег. Целая книга стихов поэта Сергея Мнацаканяна посвящена этому снегу. Она так и названа — «Снежная книга».

Странно, что у Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина, Абая, Ауэзова есть свои вечные образы снега, метели и зимы, думал я, а у Гоголя вроде бы нет. Как нет? А «Шинель»? В ней, может быть, и прячется образ петербургского снега. А «Вечера на хуторе»?..

Какие-то неясные силы загудели во мне. Как там, у Олжаса: «Перемещаются во мне шары блаженства, подкатывает к горлу ком — знак совершенства». Но до совершенства моей души было еще ой как далеко, а до встречи Нового года всего ничего. Я тупо уставился в громаду лиц «Рабочего и Колхозницы», в серп и молот, взлетевшие над их головами.

Во мне гудел такой молот страсти, что без наковальни никакому серпу ее не ско-
сить. И вообще, все, что мы пытаемся познать в женщине, разумеется, естественным
путем своей страсти, давным-давно уже описано и в фольклоре, и у многих писате-
лей и поэтов.

Я имею в виду настоящих творцов человеческих характеров и страстей, а не тех,
у которых после заштампованной фразы о том, что она открыла ему душу и дверь
или он взломал ее дверь и открыл свою душу, остается элементарный фиговый лист в
виде многоточия. А что там скрыто за этими самыми тремя точками, меня всегда за-
нимало и как читателя, и как обывателя.

Образы и картины роем кружились в моей голове. Как там, у еще молодого На-
бокова:

*Как дочка мельника меньшая
Шла из воды, вся золотая,
С бородкой мокрой между ног.*

А как там в нашем, исконно казахском фольклоре, в знаменитом эпосе «Кыз
Жибек»:

*Случилось то, что быть должно,
Что в юности нам суждено
Впервые в жизни испытать
И что не надо объяснять.
Наш Тулеген, наш ер-джигит,
Весь в пламени любви горит.
Девичий расколов орех,
Он сном возлюбленного спит.
Тут не охотник ли сайгу
На полном подстрелил скаку
И так разделявал добычу,
Что пятна крови на снегу?!*

А как там у запрещенного Магжана:

*И — моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И — в слезах купаюсь я.
Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.*

За дверью ванны стояла томительная тишина. Она настораживала, возбуждала и
угнетала.

Из телящика плыли заключительные кадры фильма «Ирония судьбы». Актер
Мягков в образе хирурга Жени Лукашина шел, а затем летел понуро из Ленинграда в
Москву.

*С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них...*

«Что она мне может дать — нового и необычайного? — рассуждал я с долей мужского эгоизма, вновь наливая себе русский национальный напиток.— Не пора ли ставить многоточие этой ночи?»

— Тебе хватит пяти минут? — спросила она, наконец приоткрыв вспотевшую изнутри дверь ванны.

Из ванны вышла не она, а что-то из хрестоматии новейшей литературы:

*Изгиб спины ее мне был предсказан,
И линия бедра давно обещана,
По лестнице сходила боком женщина,
Как плавный насталик арабских сказок.
Она спускалась (выступало тело),
Плечами наливалась, грудью зрела,
Лавиной плоти на меня плыла,
Шатая валунов колокола.*

— Смотря для чего,— с видом жизнерадостного кретина ответил я, продолжая любоваться метаморфозой происходящего.

— Оставь водку и прими душ,— повелела она, кутаясь в мой халат.

— А ты что? Так, прямо в халате, собираешься встречать всенародный праздник Нового года?

— За меня не волнуйся. Халат будет висеть снаружи за дверью. Да и тебе он ни к чему.

— Это как так ни к чему? Оч-чень даже к чему,— продолжал дурачиться я, скрываясь в ванне.

— Иди, да побыстрей, пожалуйста. Через пять минут будет выступать Генсек.

— Кто-о?

— Леонид Ильич. Поздравит нас с Новым годом.

— А Алма-Ату он уже поздравил?

— Да, и Дальний Восток еще раньше, днем до обеда.

В ванне, стоя под душем, я продолжал вспоминать фривольные строки разных поэтов, стихи которых бродили в списках по этажам Литинститута, по горизонтальным колодцам студенческой свободы слова. Почему-то пришли мало кому известные строки Павла Васильева:

*Лебяжьей шеей выгнута рука,
И алый след от скинутых подвязок...
Ты тяжела, как золото, легка,
Как легкий пух полузабытых сказок.
Жеманница! Ты туфель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.
Лишь радостные, хриплые тела
По безразличной мечутся постели.
Пускай узнает старая кровать
Двух счастлих вес. Пусть принимает милость.
Таить, молчать и до поры скрывать,*

*Ведь этому она не разучилась.
Ага, кричишь? Я научу забыть,
Идти, бежать, перегонять и мчаться,
Ты не имеешь права равной быть,
Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай, стынь,
Для нас, для окаянных, обреченных.
Да здравствуют наездники пустынь,
Взнуздавшие коней неукротенных!*

В дверь ванны настойчиво постучали.

— Это ты, Муза моя?

— Нет, это Дед Мороз. Давай выходи, Генсек уже читает.

— Что-то очень важное?

— Хватит дурачиться, выходи.

— С вещами на выход. А рюмку дадите?

— Да.

— А еще что...

— Выходи.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я вышел из ванны и окунулся в полумрак комнаты, которую освещал экран телевизора.

Весь экран занимало породистое лицо Генсека. Он поверх своих больших очков подымал знаменитые густые брови и изрекал, что экономика должна быть экономной, и мы переходим в очень развитой сосисками социализм...

— Иди ко мне,— послышалось из глубин широко раскрытой тахты.

Я сомнамбулой двинулся на зов моей Музы.

— Давай сделаем так, чтобы это самое, начавшись в этом году, завершилось в новом.

— Что это самое? — продолжая ее ласкать, с притворным непониманием переспросил я.

— Ну, это...

— Самое?

— Да, самое.

— Чтобы не было настоящего, а было прошлое и будущее?

— Да.

— Ты сказала «Да», и это слово уже в прошлом.

— Да.

— Я целую тебя, и мой поцелуй уже в прошлом.

Я отбрасывал свое многоточие все дальше и дальше, куда-то за темнеющее московское окно, где на черном фоне кружились в своем безумном танце сонмы снежинок и затем замедляли неистовое кружение ниже нашего двенадцатого этажа.

Да что там какая-то Билитис, жившая до нашей эры на острове Кипр, да что там самые поэтические страницы Ветхого Завета «Песнь песней», да что там сам первородный фольклор, к которому я с детства равнодушен?! Все ничто по сравнению и по восприятию самого совершенного существа на этом свете, реального существа, плоть из плоти реального, имя которому — Женщина.

Я нежно ее целовал, чуть касаясь губами бьющейся прожилки на шее, которая вела мои губы в ложбинку меж ее маленьких грудей, я нежно касался губами нижней, скрытой их части, а затем пупок и линию бедра, возвышающуюся крутым изги-

бом над тахтой, прикасался и слегка гладил рукой ее чуть выпуклый мысок, покрытый мягкими волосами каштанового цвета.

Я нашел самую малую родинку с внутренней стороны бедра, и эта родинка, словно маковое зернышко, лишала меня рассудка.

Хрустальный звон наших фужеров перемежался звоном наших сердец. Потянувшись к икрам ее стройных ножек, я переломил ножку фужера, шампанское, шипя и пенясь, разлилось по ее упругому животу.

— На счастье! — смеялась моя несравненная Муза и, легко увернувшись от моих объятий, грациозно воссела надо мной.

В ней все гудело, раскрепощая ее южную плоть. В ее возгласах и всхлипах слышен был занебесный гул турбин рейса 505 «Алма-Ата — Москва», все турбулентные зоны на пути его следования покрывали нас своей бездной, где музыка звезд манила и влекла нас. И — в одно мгновение рождала в нас совсем другие, ранее неизведанные зоны.

Генсек с удивлением поднял свои породистые, мохнатые брови и с изумлением разинул рот, глядя на мою Музу, которая мчала «атласной кобылицей» по бездонной московской заснеженной ночи, мчала, втаптывая меня в сугробы навзничь раскинутой тахты, очумелого и покорного ее и своей страсти. Она даже превосходила и предвосхищала «атласную кобылицу» Лорки, ибо она раскрепостила свою страсть в реальности, мчала навстречу своему счастью и к вершинам неопишемого доньше и непознанного, и безотчетного восторга, сидя на мне, таком же живом и также стремящемся к тем же самым вершинам, а у испанского поэта было только прекрасное и талантливое описание всего того, что сейчас происходило с нами.

А с экрана вещал Генсек. Он был единственным свидетелем нашей ночи любви, и он не мешал нам, ибо мы знали, что сейчас, после его слов, прозвучат куранты.

Генсек, не опуская своих удивленных бровей, лукаво промычал:

— С Новым годом!

Когда куранты Кремля начали свой перезвон и четко произвели свой первый удар, в нас уже рождались совсем другие куранты — куранты небес, заглушая все в свете нашего сознания, лишая нас чувства пустой реальности, погружая в бездну безумия и отчаянной, никогда не познанной радости и счастья.

А снег за темным окном, рассыпаясь на множество снежинок-шестеренок, разъял небеса, плавно опуская на вечную землю блески чего-то неземного, которые уже были в прошлом, но им все равно — в каком времени они были. Самое главное, что они есть и рожают своим безудержным взлетом и падением близкую сердцу и духу и всегда такую неповторимую, внезапную московскую метель.

Наша ночь любви продолжалась, но уже вне времени и пространства. Я был на высоте творческого блаженства.

От критического реализма до реализма социалистического, рассуждал я, охваченный хмельными парами любви и страсти, мы были просто одурачены вежами мнимой литературы. И все эти «измы» ничего не значат по сравнению с самым первородным и естественным по своей природе, который так напрашивается на конец из органа к органу.

Я теперь все могу, я знаю, как завершить свою первую повесть жизни. Что там вчера мне говорил редактор? Что конец моей повести какой-то вялый. Это у меня, у мужика, вялый конец?! Я такой конец покажу, что всем концам будет конец.

Теперь я все могу и все умею.

Я и раньше и не раз знавал и познавал прекрасных женщин в прямой реальности и в переносном смысле своего писательского бытия. Но там был все-таки спортивный азарт, писательский интерес да элементарное удовлетворение мужского тщесла-

вия и самолюбия. И это все было как бы так, как бы между прочим, ибо не было пиршества души и плоти, которое только где-то сейчас подступало своим неизвестным началом и никак не собиралось меня выпускать из своего неизбежного плена. Там, в прошлом, не было музыкальных нот и гармонии души и плоти, не было нот моей Музы, которым, чтобы выстроиться в эту жизнеутверждающую гармонию, необходим был ключ.

Скрипичный ключ новогодней ночи.

IV

А утром я повел ее на Красную площадь.

— Это те самые? — по женской логике спросила она, взглянув на Спасскую башню.

— Нет, наши где-то там, в небе,— уверенно ответил я, глядя на бездонную серую высь, до головокружения в глазах сплошь покрытую плывущими снежинками из далеких небесных сфер.

